ISSN: 2542-212X

Кавказология

Caucasology

II

2017

Кавказология

Caucasology

№ 2 / 2017

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, директор Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, ректор университета Сорбонны, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, ректор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, президент Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, ректор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Director, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, Director, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, Rector, Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Rector, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, President, Kabardinj-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Rector, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Director, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mulfrid Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор

Боров Аслан Хажисмелович

Редакционная коллегия

Башиева С.К. (заместитель главного редактора),
Мусукаева А.Х. (заместитель главного редактора),
Аликаев Р.С. (заместитель главного редактора),
Азикова Ю.М. (ответственный секретарь),
Баразбиев М.И., Бозиева Н.Б., Борова А.Р., Геляева А.И., Гукепшоков М.Х., Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г., Камбачоков А.М., Каранашев А.Х., Карданов М.Л., Кетенчиев М.Б., Кимов Р.С., Кочесоков Р.Х., Кузьминов П.А., Кучукова З.А., Мамсиров Х.Б., Марченко Ю.В., Муратова Е.Г., Сабанчиев Х.-М.А., Тамазов М.С., Текуева М.А., Тенов Т.З., Тимижев Х.Т., Тхагапсоев Х.Г., Шидов А.Х.

Editor-in-Chief

Borov Aslan Hazhismelovich

Editorial board

Bashieva S.K. (Deputy Editor-in-Chief),
Musukaeva A.Kh. (Deputy Editor-in-Chief),
Alikaev R.S. (Deputy Editor-in-Chief),
Azikova Yu.M. (Executive Secretary),
Barazbiev M.I., Bozieva N.B., Borova A.R., Gelyaeva A.I., Gukepshokov M.Kh., Dzamikhov K.F., Kazharov A.G., Kambachokov A.M., Karanashev A.Kh., Kardanov M.L., Ketenchiev M.B., Kimov R.S., Kochesokov R.Kh., Kuzminov P.A., Kuchukova Z.A., Mamsirov Kh.B., Marchenko Yu.V., Muratova E.G., Sabanchiev H.-M.A., Tamazov M.S., Tekueva M.A., Tenov T.Z., Timizhev Kh.T., Thagapsoev Kh.G., Shidov A.X.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Кочесоков Р.Х.
Об особенностях современной реинтеграции Северного Кавказа в российское социальное пространство **12-20**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

Шеуджен Э.А.
Влияние природно-географической среды на этногенез адыгов **21-32**

Кадиева А.А., Демиденко С.В.
Погребение раннесарматского времени из могильника Заюково-3 (Кабардино-Балкарская Республика) **33-40**

Соколов А.С.
Наместник Кавказа И.И. Воронцов-Дашков: программа социальных реформ и проблемы ее осуществления **41-47**

Емтыль З.Я.
Адыгская интеллигенция в событиях революционного периода 1917-1920 гг.: содержание и направленность общественно-политической активности **48-62**

Бунькова Ю.В., Ахиева А.В., Касимова Ф.Ч.
С.А. Айларова о культурно-исторических проблемах модернизации и их преломлении в северокавказской общественной мысли XIX века **63-72**

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

Чекалов П.К.
К истории создания и издания монографии А.Н. Генко «Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта» **73-88**

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ

Канукова З.В.
Традиционная культура в инновационном развитии Северного Кавказа **89-102**

Бегеулов Р.М.
Религиозная идентичность карачаевцев в постсоветский период: тенденции и проблемы **103-109**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Узнародов Д.И.
Лезгинский ирредентизм как геополитической фактор на Северном Кавказе **110-118**

Тумов А.А.
Избирательный процесс в современной Кабардино-Балкарии: эволюция политических условий, устойчивость политических результатов **119-139**

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Мамсиров Х.Б., Паритов А.Ю.
Э.А. Бекович-Черкасский – эмигрант, публицист, ученый **140-148**

Бекович-Черкасский Э.А.
Полезные растения Кавказа **149-156**

ПЕРСОНАЛИИ

Мурзаханов Ю.И.
Д.В. Шабаев – историк и архивист (К 95-летию со дня рождения) **157-164**

CONTENTS

GENERAL PROBLEMS OF REGIONAL DEVELOPMENT

Kochesokov R.Kh.
On the features of modern reintegration of Northern Caucasus into the Russian social space **12-20**

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY OF THE CAUCASUS

Sheudzhen E.A.
Influence of the natural geographical environment on ethnogenesis of the adyghes **21-32**

Kadieva A.A., Demidenko S.V.
Burial of the early sarmatian time from the Zayukovo-3 burial ground (Kabardino-Balkaria) **33-40**

Sokolov A.S.
The Caucasus' viceroy I.I. Vorontsov-Dashkov: his program of social reforms and problems of its implementation **41-47**

Emtyl Z.Ya.
Adyghe intelligentsia in the course of revolutionary developments in 1917-1920: subject and goals of social and political activities **48-62**

Bunkova Yu.V., Akhieva A.V., Kasimova F.Ch.
S.A. Ailarova on cultural-historical problems of modernization and their refraction in the North Caucasus social thought of the nineteenth century **63-72**

LANGUAGES, FOLKLORE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS

Chekalov P.K.
The history of creation and publication of A.N. Genko's monograph «Abaza language. Grammatical sketch of the dialect of tapanta» **73-88**

PROBLEMS OF CONTEMPORARY SOCIETY AND ECONOMY

Kanukova Z.V.
Traditional culture in the innovative development of the Northern Caucasus **89-102**

Begeulov R.M.
Religious identity of karachays in the post-soviet period: tendencies and problems **103-109**

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Uznarodov D.I.
Lezgin irredentism as a geopolitical factor in the North Caucasus **110-118**

Tumov A.A.
Electoral process in modern Kabardino-Balkaria: evolution of political situation, stability of political results **119-139**

MONUMENTS OF HISTORY AND CULTURE

Mamsirov Kh.B., Paritov A.Yu.
E.A. Bekovich-Cherkassky: emigrant, political journalist, scientist **140-148**

Bekovich-Cherkassky E.A.
Useful plants of the Caucasus **149-156**

PERSONALITIES

Murzakhanov Yu.I.
D.V. Shabaev – historian and archivist (To the 95th birthday) **157-164**

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ РЕИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Р.Х. Кочесоков

Северный Кавказ уже несколько веков как интегрирован в российское социальное пространство. Однако социальные процессы динамичны, раз и навсегда интегрированных обществ не бывает, на каждом историческом этапе развития общества появляются вызовы, ставящие под угрозу существующее единство. В этом смысле проблема реинтеграции Северного Кавказа в Россию встает отнюдь не впервые. Прежде чем перейти к анализу современной ситуации, правомерно совершить небольшой исторический экскурс.

Многовековое дружное сосуществование народов России доказывает, что в различные исторические эпохи вырабатывались достаточно эффективные и соответствующие духу времени модели интеграции Северного Кавказа в российское социальное пространство.

Первую модель можно условно обозначить как «царскую модель» интеграции Северного Кавказа в российское социальное пространство. Геополитические тренды исторического процесса в Новое время детерминировали попытки великих держав распространить свое влияние на Северный Кавказ. В сложившихся условиях народам Северного Кавказа пришлось сделать «исторический выбор». Выбор делался в пользу более эффективного и оптимального для выживания и развития народов Северного Кавказа варианта. Конечно, этот выбор дался нелегко, однако постфактум можно констатировать, что он был исторически правильным. В «царской модели» преобладала *военно-политическая* интеграция. Иными словами, стороны объединяли главным образом интересы военно-политического характера. Россия была заинтересована в расширении своего геополитического пространства, а народы Северного Кавказа – в защите своей самобытности. Не случайно некоторые историки определяют такой тип отношений как военно-политический союз [4]. Хотя экономические и культурные отношения развивались, говорить о глубокой интеграции народов Северного Кавказа по этим направлениям в российское социальное пространство нельзя. Поэтому крушение царского самодержавия вновь актуализировала проблему интеграции.

В этих условиях наиболее оптимальной стала «советская модель» интеграции. Несмотря на противоречивые и болезненные процессы, советская модель в гораздо большей степени интегрировала народы Северного Кавказа в российское социальное пространство. Несомненными преимуществами советской модели перед царской являются всесторонность и глубина реинтеграционных процессов. Они коснулись всех сфер социальной жизни. В идеологической сфере важным фактором реинтеграции стало выдвижение

привлекательной для всех сторон идеологии – строительство более справедливого коммунистического общества. Экономическая интеграция заключалась в создании на местах отраслей экономики и их включение в единый народно-хозяйственный комплекс. Культурная интеграция основывалась на лозунге «культура национальная по форме, социалистическая по содержанию». Политическая интеграция основывалась на предоставлении народам Северного Кавказа собственной государственности, ставшей составной частью единого советского государства. Принцип федерализма, хотя во многом и был декоративным, несомненно, стал эффективной формой политического объединения. Наиболее уязвимыми аспектами советской модели были политический режим, все более сковывавший регионы, и идеология, которая по мере ее «не реализации» все больше теряла свой интегративный потенциал. Крушение СССР потребовало пересмотреть формы и механизмы интеграции.

Говорить о том, что «постсоветская модель» реинтеграции сложилась, пока явно преждевременно. В ее становлении можно выделить два этапа, которые кардинально различаются по своему вектору развития.

На первом этапе (первое постсоветское десятилетие) российские политические элиты, увлеченные наивно понимаемым либерализмом, опирались на положение о том, что «рынок все расставить по своим местам». Считалось, что экономические интересы сами по себе объединят народы. Одновременно предполагалось через новую децентрализацию прийти к новому типу объединения (так называемый «парад суверенитетов»). Следует заметить, что предложенные идеи сами по себе были позитивными, но они фундировались на упрощенном, наивно-релистическом видении сложных процессов развития социального бытия. В любом случае, стремясь преодолеть наиболее негативные стороны советской модели – идеологическую диктатуру и авторитарный тип отношений между центром и регионами – политическая элита на самом деле ослабила единство [9, с. 9].

На втором этапе (с начала нулевых) обозначился постепенный отход от прежних видений проблемы реинтеграции. Наряду с субъективным фактором в лице нового политического руководства, немаловажное значение имели и некоторые объективные обстоятельства, благоприятствовавшие этим изменениям. В этом плане можно отметить, что они могут способствовать выработке и становлению новой модели интеграции.

Следует признать, что в позднесоветские и первые постсоветские годы не только политическая элита, но и большинство населения были ориентированы на наивно понимаемую модель либерализма. Поэтому многие искренне ратовали за скорейший переход на западную модель общества. В этих условиях разработка какой-то новой модели общества считалось чем-то излишним и даже бессмысленным. Теория «конца истории» прямо или опосредованно повлияла на общественное сознание: мол, зачем создавать новую идеологию, когда и так понятно, какая идеология является наиболее оптимальной.

Позитивным следствием динамики общественного сознания россиян в последние десятилетия можно признать понимание того обстоятельства, что

либеральная (западная) модель отнюдь не оптимальная для нас и далеко не такая совершенная, как казалось раньше. Можно сказать, что общество «прозрело» и стало более трезво смотреть на социальную реальность. Но вместе с тем обозначилась и вызывающие определенную тревогу и озабоченность тенденции. В общественном сознании начинает происходить крен в противоположном направлении. Об этом говорить то обстоятельство, что слишком большое внимание стало уделяться проблеме самобытности нашего общества, российской цивилизации. А на уровне региона – самобытности Северного Кавказа. Проблема эта диалектическая, противоречивая. С одной стороны, в подчеркивании своей самобытности ничего предосудительного нет. Более того, оно необходимо, чтобы подчеркнуть, что механический перенос чужих социальных порядков, какими бы хорошими они ни были, недопустим и не эффективен. Но уяснение своей самобытности является всего лишь предварительным условием выработки оптимальной модели социального развития. Если же общество зацикливается на своей самобытности, она превращается в самоцель, и это не только не позволяет решить назревшие проблемы, но и усугубляет ситуацию.

В первые постсоветские годы большая часть общества (как руководства, так и народа), можно сказать, не готова была признать и принять факт «окончательного» распада СССР, думая, что происходящие процессы – это своеобразные «болезни роста». Многие, если не большинство, видимо, все же верили, что после определенных шараханий республики бывшего СССР в той или иной форме вновь воссоединятся. Сейчас эти иллюзии улетучились, и для большинства стало очевидным, что нам надо самоопределиться. Не случайно поэтому вновь актуализировался вопрос о том, кто такие россияне, т.е. проблема российской идентичности. Эта проблема активно дискутировалась и в 1990-е гг. Но тогда становление российской нации рассматривалась через призму формирования гражданской нации [8, с. 21-41]. Однако сейчас стало очевидно, что «российское гражданство» и «российская идентичность» отнюдь не одно и то же, и что формирование российской идентичности – сложный, многоаспектный и длительный процесс [1, с. 31-37].

На первом этапе преобладала ошибочная точка зрения относительно роли идеологии в жизни общества. В частности, подчеркивалось, что, мол, заранее нельзя создавать абстрактную идеологию и навязать ее обществу, что новая идеология должна сама постепенно вызревать в недрах общества. Хотя ошибочность этой точки зрения специалистам и тогда было ясно, но сейчас это очевидно уже практически для всех. Но, правда, и к этому вопросу надо подходить диалектически. Если речь идет о том, что невозможно обществу навязать какую угодно идеологию, то это, конечно же, верно. Но если идеологию понимать как набор ключевых принципов и ценностей устройства общества, которые предлагаются как некий ориентир, то она обязательно нужна. Более того, такая идеология обязательно должна наличествовать. В этом смысле идеология не вторична, а, напротив, первична. И К. Маркс совершенно справедливо подчеркивал, что теория становится материальной силой, если она овладевает массами [7, с. 422].

Представляется, что реинтеграция в России должна начинаться с идеологического пространства [3, с. 17-21]. Иными словами, сначала нам необходимо предложить хотя бы в общих чертах новую идеологическую доктрину. Конечно же, она не может начинаться с «чистого листа». В идеологической доктрине важно не допускать разрыва времен. Опора на прошлое есть важное, необходимое условие дальнейшего развития, однако единство должно быть и по отношению к настоящему, и по отношению к будущему. В этой цепочке времен первоначально наименее значимо настоящее. Настоящее это место пересечения прошлого и будущего. Настоящее всегда оценивается через призму прошлого и будущего. Человек гордится таким настоящим, которое превосходит прошлое и одновременно содержит основу для лучшего будущего. Значение настоящего в большей степени как раз заключается в том, чтобы связать прошлое и будущее. В этом плане можно отметить опыт советской эпохи. Первоначально, как известно, в настоящем в разрушенной гражданской войной стране нечем было особенно гордиться. Однако идеология, направленная на будущее, сумела, что бы сейчас ни говорили, сплотить различные народы. Сначала люди больше жили будущим, чем прошлым и настоящим. Впоследствии хватило здравого смысла вернуть прошлое, т.е. опереться на достижения и ценности прошлого, которые могли бы способствовать консолидации общества. Вовремя подоспели и определенные достижения и настоящего, которые уже стали прошлым и своеобразным фундаментом единства. Но и негативный опыт советской модели очевиден – если настоящее становится серым, а будущее не становится настоящим, то социальное время как бы приостанавливается, застывает.

В этом плане встает вопрос о том, можно ли связать прошлое, настоящее и будущее России, и как это сделать. К позитивным достижениям последних лет можно отнести «реабилитацию» прошлого. Если для первых постсоветских лет было характерно полное отрицание всего советского прошлого, то сейчас возобладал здравый смысл, происходит новая «переоценка ценностей», в которой заметное место занимают ценности из советского прошлого. Вместе с тем можно заметить, что это скорее эклектичное соединение ценностей различных эпох, нежели логически выстроенная, продуманная и обоснованная система.

В настоящем в нынешней России тоже мало что может стать базой для консолидации, кроме как проблемы восстановления порядка, борьба с экстремизмом, и т.п. Но еще раз можно подчеркнуть, что настоящее важно не само по себе, а как «мостик» в будущее. Поэтому отсутствие в нашем настоящем крупных достижений хотя и плохо, но, как говорится, не смертельно. Важнее обозначение ориентиров и ценностей, способных консолидировать общество. А это и есть суть идеологии. Только идеология, гармонично связывающая различные времена жизнеспособна. Такой идеологией может стать только идеология, опирающаяся на наши достижения, и ставящая целью построения более справедливого общества. Подробное описание такой идеологии не входит в нашу задачу, поэтому не будем вникать

в детали. Тем не менее, целесообразно обозначить круг проблем, которые должны быть освещены в такой идеологической доктрине.

Одна из ключевых идей, которая во все времена сплачивала людей, это идея создание социально справедливого общества. Заметный рост ностальгии по советским временам убедительно показывает, что нынешняя социальная система многими россиянами, если не большинством, рассматривается как менее справедливая, чем советская. Понять людей не трудно. За истекший период социальная поляризация в нашей стране достигла беспрецедентных масштабов: с каждым годом увеличивается количество миллиардеров, а дистанция между сверхбогатым меньшинством и беднеющим большинством становится все больше. Еще хуже обстоит дело с региональным измерением социальной поляризации. В таких условиях ни о какой консолидации, интеграции общества не может быть и речи.

Представляется, что отсутствие каких-либо позитивных сдвигов в этом направлении в нашей стране в значительной мере вызывается ошибочной интерпретацией сущности социальной справедливости. Необходимо различать два измерения социальной справедливости [5, с. 207-215]. Первое измерение – это *способ* распределения социальных благ, а второе – *соотношение количества* получаемых различными социальными группами и индивидами социальных благ. Поскольку в советское время господствовало понимание социальной справедливости как справедливого распределения социальных благ, что неизбежно вело к социальной уравниловке, постольку возврат к ней рассматривается как «большее зло», чем нынешняя социальная поляризация. Поэтому вопрос ставится некорректно: либо уравниловка, либо поляризация. А неприятие российским обществом такой постановки вопроса объясняется его отсталостью, традиционалистским менталитетом, склонностью к уравниловке и т.п. С этим никак нельзя согласиться. На самом деле людей отвращает способ распределения социальных благ.

Конечно, нельзя сказать, что уже имеются готовые социально-философские теории, которые можно было бы взять за основу. Но есть и такие теории, которые могли бы быть эффективно использованы. В частности, теория справедливости Дж. Роулза [10]. Теория Роулза опирается на два основных принципа: принцип равных свобод и принцип дифференциации. Неравенство, по его мнению, оправданно только в том случае, если оно способствует социальному развитию. Причем, согласно первому принципу – принципу равенства свобод – существуют так называемые первичные блага (свобода, благосостояние, и т.п.), которых никто не может быть лишен ни по каким причинам. А второй принцип – принцип дифференциации – гласит, что неравенство в остальном допустимо только в том случае, если оно выгодно и для наименее преуспевающих. Иначе говоря, каждый человек может преуспевать сколько угодно, но при этом его успешная деятельность должна одновременно способствовать улучшению жизни и остальных. Не трудно предположить, что социальная система, в которой применялись бы подобные принципы, была бы гораздо более привлекательной, чем нынешняя.

Социальная справедливость предполагает достаточно высокого уровня материального благосостояния общества, следовательно, наличия эффективной экономической системы. Вместе с тем нельзя игнорировать то обстоятельство, что эффективность отнюдь не является единственным и даже самым главным измерением экономической системы. Конечно, неэффективная экономическая система неизбежно подорвет единство общества. Однако и эффективная экономическая система вовсе не детерминирует единства общества. Экономика является инструментом, а не самоцелью. Поэтому экономическая система должна способствовать интеграции общества.

Чрезвычайно сложной в поликультурном обществе является проблема культурной интеграции. Советский принцип «культура национальная по форме, социалистическая по содержанию» в свое время позволил найти некоторые точки соприкосновения. В рассматриваемом плане нас интересует то обстоятельство, что он как раз предполагал в определенной мере оптимальное сочетание культурных достижений различных эпох (в вертикальном измерении) и различных народов (в горизонтальном измерении). Прежде всего, этот принцип отнюдь не требовал полностью отречься от своего культурного прошлого (конечно, если не считать первые годы советской власти). Он, конечно, основывался на выборочном подходе к культурным ценностям прошлого. При этом, к сожалению, под влиянием примитивно понятого классового, идеологического подхода были допущены грубейшие ошибки, нанесен большой вред культурному достоянию. Но никакие перекосы и трагические по своим последствиям ошибки не снимают вопроса о выборочном подходе к культурному достоянию. Ведь всем прекрасно известно, что далеко не все культурные ценности и традиции способствуют социальному развитию. Для социального развития обществу, как политическому руководству, так и населению необходимо решить вопрос о том, на какие культурные ценности оно должно опираться. Уклоняться от решения этого вопроса ничем не лучше, чем совершать ошибки в выборе. Складывается впечатление, что сейчас в нашей стране в целом и в регионах в частности возрождение любых традиций стало чуть ли не самоцелью. Такая политика зачастую вместо развития приводит к архаизации социальных отношений. По крайней мере, на Северном Кавказе это очевидно.

Кроме того этот принцип предполагал через развитие национальных культур прийти к их сближению. Обратим внимание на то обстоятельство, что исходным является развитие национальных культур. На примере Северного Кавказа можно однозначно сказать о больших достижениях в национальных культурах в советский период. Государство проводило политику стимулирования развития национальных культур. Тем самым создавалось единое культурное пространство. Сейчас специалисты справедливо отмечают, что если бы в постсоветский период жили и творили бы Р. Гамзатов, К.Кулиев, Д. Кугультинов и А. Кешоков, о них в России, вероятно, никто не знал бы [9, с. 10].

Важнейшую роль в реинтеграционном процессе играет сфера образования. В первые постсоветские годы широкое распространение получила

парадигма образования как процесса предоставления услуг. Сейчас стало очевидно, что роль образования вовсе не может сводиться к простой трансляции научных знаний. Именно в образовательном процессе закладываются духовные ценности, объединяющие людей. Если образовательное пространство разрывается, разрушается и духовное единство. Это касается не только школьного образования, но системы высшего образования.

Немаловажную роль в этом плане играют науки, особенно социально-гуманитарные. Сейчас государство как бы забыло, что наука это не только вид познавательной деятельности, дающий новые и полезные знания, но и социальный институт, и сфера культуры. Иными словами, наука оказывает большое влияние и на развитие культуры, и на социальную консолидацию. Однако это не может быть стихийным процессом.

И здесь уместно еще раз вернуться к опыту советской модели. Разберем это на примере исторической науки, играющей особенно важную роль в формировании исторического сознания. Как известно, советская модель стимулировала развитие региональных исследований в области истории. При этом региональные истории должны были быть вписаны в общенациональную историю. Конечно, это имело множество негативных следствий. К примеру, имеющие неоднозначную оценку события трактовались однозначно, односторонне. А другие события, которые не вписывались в общую схему, просто замалчивались. Но эти перекосы отнюдь не суть доказательство ошибочности этой стратегии. Консолидация невозможна без координации усилий. Конечно, координацию нельзя подменивать диктатом, как это было раньше.

В постсоветское время диктат ушел в небытие, но и координацией никто не занимается. В результате «историки на местах замкнулись в «этнических квартирах», отдавшись без оглядки изучению истории «своих» народов, а в итоге оказавшись в зоне конфронтации с ближайшими соседями и в новом плену мелкотемья исторических исследований» [6, с. 77]. Реальностью научной жизни региона стали «вульгарная политизация и безудержная идеологизация сферы исторического знания, откровенное манипуляторство историко-политическими стереотипами массового сознания, прямое и широкое включение историков в политическую борьбу» [2, с. 83]. Тем самым влияние региональной истории на общественное сознание становится если не негативным, то неоднозначным.

Опять же заметим, что это следствие поверхностно понятого либерального подхода к данной проблеме. В частности, предполагается, что гражданское общество в лице ученых без диктата государства само должно прийти к определенному консенсусу по этим вопросам. Это верно в том смысле, что гражданское общество, в данном случае, ученые должны быть более активными. Конечно, и учеными немало делается для этого [6, с. 76-81]. Но это не снимает необходимость государственных координаций подобных усилий.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время в нашей стране сложились определенные объективные обстоятельства, которые могут благоприятствовать реинтеграции российского общества. Однако для этого необходимы политическая воля, с одной стороны, и идеология, в которой однозначно и привлекательно изложены основные направления и цели реинтеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В.* Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. – 2013. – №4. – С. 31-37.

2. *Боров А.Х.* Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник КБГУ. Сер. «Гуманитарные науки». – 1996. – Вып. 2. – С. 83-92.

3. *Волков Ю.Г., Кочесоков Р.Х.* Реинтеграция России как методологическая проблема // Научная мысль Кавказа. – 2013. – №4. – С. 17-21.

4. *Дзамихов К.Ф.* Адыги и Россия: формы исторического взаимодействия. – М.: Поматур, 2000. – 286 с.

5. *Кочесоков Р.Х.* Пределы демократии. – Нальчик: Кааб.-Балк. ун-т, 2007. – 225 с.

6. *Кузьминов П.А., Кумыков А.М., Дзамихов К.Ф.* Региональная историография в системе вузовской науки // Высшее образование в России. – 2013. – № 6. – С. 76-81.

7. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. Т.1. – С. 414-429.

8. *Тишков В.А.* Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. – 2007. – Май-июнь. – С. 21-41.

9. *Тхагапсоев Х.Г., Черноус В.В.* Реинтеграция постсоветской России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. – 2013. – №4. – С. 9-17.

10. *Rawles J.* Theory of Justice. – London: Oxford University Press, 1971. – 560 с.

УДК 32.001 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-12-20**

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ РЕИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Р.Х. КОЧЕСОКОВ

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: robertkochesokov@yandex.ru

Аннотация. В статье доказывается, что в настоящее время в России сложились некоторые объективные обстоятельства, которые могут благоприятствовать выработке оптимальной модели реинтеграции российского общества. Отмечается, что говорить о том, что «постсоветская модель» реинтеграции сложилась, пока явно преждевременно. В ее становлении можно выделить два этапа, которые кардинально различаются по своему вектору развития. На первом этапе (первое постсоветское десятилетие) политическая элита и общество в целом, увлеченные наивно понимаемым либерализмом, опирались на положение о том, что экономические интересы сами по себе консолидируют народы, создадут

гармоничные политические отношения между центром и регионами, а также породят адекватную идеологию. Однако вместо углубления интеграции произошло ослабление единства. На втором этапе складываются благоприятные объективные обстоятельства. Прежде всего, осознание политическими элитами и обществом ограниченности либеральной модели. Кроме того, осознание ошибочности понимания идеологии как производного. В статье подчеркивается особая роль идеологии в процессе реинтеграции.

Ключевые слова: реинтеграция; российское социальное пространство; модель интеграции; российская идентичность; идеология.

ON THE FEATURES OF MODERN REINTEGRATION OF NORTHERN CAUCASUS INTO THE RUSSIAN SOCIAL SPACE

R.KH. KOCHESOKOV

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: robertkochesokov@yandex.ru

Abstract. This article argues that in Russia now there are some objective circumstances, which favor the development of optimal model of reintegration of Russian society. It is noted that it is still too early to say that the «post-Soviet model» of reintegration has fully developed. In its development, two stages can be distinguished, which radically differ in their developmental vector. At the first stage (the first post-Soviet decade), the political elite and society as a whole, carried away by naively conceived liberalism, relied on the proposition that economic interests themselves consolidate peoples, will create harmonious political relations between the center and regions, and also will create an adequate ideology. However, instead of deepening integration, the unity was weakened. At the second stage favorable objective circumstances develop. First of all, the political elites and society realize the limitations of the liberal model. In addition, awareness of the erroneous understanding of ideology as a derivative. The article highlights the special role of ideology in the process of integration.

Key words: reintegration; Russian social space; model of integration; Russian identity; ideology.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА ЭТНОГЕНЕЗ АДЫГОВ

Э.А. Шеуджен

С природно-географическим фактором органично связана проблема этногенеза. В последнее время серьезной критике стали подвергаться признаки этнической общности, закрепившиеся в науке еще в XIX в.: язык, территория, экономическая жизнь, психический склад, общность культуры. Немало современных исследователей считают, что этническая общность есть совокупность людей, имеющих общую культуру, обладающих общим самоназванием и осознающих свою общность [28, с. 39].

Можно согласиться с тем, что в современном постиндустриальном обществе, общность территории и экономической жизни не имеют принципиального значения, но как историческое явление они не могут не учитываться. Вне всякого сомнения, история адыгов, как и других этносов, неразрывно связана с определенным участком земной территории, с опытом использования ландшафтно-природных ресурсов. Именно в этом пространстве объективно складывалась своеобразная система общественных отношений, закреплялся коллективный опыт хозяйственного освоения этой земли.

Понятно, что по мере развития общества снижается степень воздействия на его жизнь природной среды, нивелируется влияние накопленного опыта. Существует мнение, что чем выше уровень социального и культурного развития общества, тем меньше удельный вес природы среди факторов, определяющих его дальнейшую судьбу. Однако нельзя не признать, что в этих случаях влияние природной среды проявляется более сложным образом и не может не учитываться при любом историко-культурном анализе.

Установление связи исторического прошлого народов со средой обитания представляет достаточно сложную проблему. Еще в XVIII в. Шарль Луи Монтескье в знаменитом трактате «О духе законов» утверждал, что мир истории детерминирован объективными условиями человеческого бытия. Он был убежден, что географическая среда: климат, почва, местоположение решающим образом влияют на общественное устройство и экономическую деятельность. Более того, формируют характер, «дух» народа, и, в конечном счете, определяют существующие у различных народов формы государственной власти и законодательства [24, с. 369].

Зависимость человека от географической среды фактически признается всеми исследователями. Исключение составляют лишь немногие, стоящие на позициях географического нигилизма, полностью отрицающие значение природного фактора в истории человеческих сообществ. В результате сложилось представление о человеке как физическом существе, входящем неразрывной частью в «систему природы». Василий Осипович Ключевский,

начиная свой известный курс русской истории, подчеркивал, что изучению истории народов необходимо предпосылать обстоятельное описание природных условий, считая их силой, «которая держит в своих руках колыбель каждого народа» [18, с. 63]. В то же время пришло осознание ограниченности подобного натуралистического подхода, крепло понимание того, что эти отношения весьма разнообразны и отражают многоплановое взаимодействие природных и социальных факторов [3; 4; 11; 27].

Природная среда, окружающая человека, по терминологии Фернана Броделя, относится к феноменам «большой длительности» прямо или косвенно, осознанно или неосознанно воздействующим на развитие человеческого общества. В «двусторонней борьбе с самим собой и с природой» народ вырабатывал «свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления» [6, с. 78-79]. *Несомненно, эти положения имеют общетеоретическое значение.*

Обращение к природно-географическому фактору стало типичным явлением в северокавказской историографии. Традиционно исследователи считали обязательным правилом детально описывать среду обитания, считая, что именно природно-географические особенности региона, предопределили многие специфические черты жизни народов. Начиная с первых «зарисовок» и вплоть до фундаментальной истории народов Северного Кавказа, изложению исторических проблем предпосылались описания естественно-природных условий региона, где, по точному замечанию Федора Андреевича Щербины, «чудеса природы слились с загадками истории таинственных народностей» [35, с. 1].

К факторам выраженного «влияния», прежде всего, принято относить: климат, структуру поверхности (равнинность, холмистость, гористость и т. д.), наличие водного компонента, растительный и животный мир, ритмы «угрожающих» бедствий (землетрясения, наводнения, ураганы, природно-очаговые заболевания)[1]. В этом смысле базовое значение имеют климатические условия. Обращаясь к этому вопросу, Семен Михайлович Броневский, автор получившей широкую известность книги «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», отмечал: «Климат сей части, хотя она лежит в умеренной полосе, вообще суров, за исключением некоторых заслонов от севера. Теплейшие страны находятся в понизовьях Терека и Кубани...» [8].

Данный регион относится к относительно богатой горной территории, исторически освоенной благодаря естественным ресурсам (вода, почва, растения, животные и другим компоненты природы). В одном из первых

[1] Особую значимость приобретает вопрос о восприятии природно-географической среды в исторической ретроспекции. История развития природы и отдельных ее компонентов (климата, растительности, животного мира, рельефа и т. д.) изучается не только особой наукой - палеогеографией, но и археологией. Именно благодаря археологическим обследованиям Северо-Западного Кавказа накоплены сведения, позволяющие судить о влиянии на протяжении веков природных условий на хозяйственную деятельность и бытовую культуру.

орографических[1] очерков Кавказа российский военный историк, генерал-лейтенант, академик Петербургской АН (1890) Николай Федорович Дубровин подчеркивал: «Природа сама разделила Кавказ на три характеристичные и отдельные части: на Предкавказье, составляющее продолжение равнин южной России и простирающееся до самого подножия гор; на Кавказ, или самый хребет с его многочисленными отрогами, хребет, пролегающий от Тамани до Баку на расстоянии около тысячи верст, и, наконец, на Закавказье, или пространство, лежащее по южную сторону Главного хребта до самой границы нашей с Персией и Турцией» [14, с. 17].

Именно в этом «разделенном» территориальном пространстве формировалась своеобразная система общественных отношений, закреплялся коллективный опыт хозяйственного освоения этой благодатной и суровой земли. Для Северо-Западного Кавказа было характерно сочетание равнинного, предгорного и горного ландшафтов, с большой высотной разницей даже между близко находящимися участками местности.

С глубокой древности «горная природа страны с ее труднодоступными перевалами и ущельями благоприятствовала обособлению племен, представляющих пеструю смесь различных языков и культур, но усваивавших себе вместе с тем и некоторые общие черты нравов и быта» [26, с. 106]. Особенности природных условий, «угрожающие» природные явления, с древнейших времен оказывали определяющее влияние на ход исторической жизни адыгов. Хорошо известно, что жизнь в горной местности более опасна и трудна, чем на равнинах. В основном жители могут рассчитывать на внутренние ресурсы и помощь сородичей, но благодаря природной перспективе горцы нередко «смотрят на мир сверху вниз» [30, с. 336].

Несмотря на контрастность климатических условий, повышенный риск природных, стихийных явлений, самыми здоровыми, «не имеющими никаких эпидемических болезней» были возвышенные места, изобилующие лесами, где не бывало сильной жары, где воздух освежается частыми ветрами. В то время как места низменные, в частности, закубанского пространства, прилегающего к плавням, считались наименее здоровыми «как для туземцев, так и для временных, случайных жителей» [14, с. 52].

Кавказ, его своеобразие и таинственность все более занимала воображение российского общества, нередко проявляясь в весьма своеобразной форме. Так, в 1779 году на роскошном празднике (с балом, маскарадом, фейерверком, плывущими по озеру аллегорическими картинами), устроенном Г.А. Потемкиным на берегу Невы недалеко от Александро-Невской лавры, всеобщее изумление и восторг вызвал грот, окруженный плетущимися розами, миртовыми и лавровыми деревьями, представлявший Кавказские горы с водопадом, стремительно падавшим с вершины горы на дикие утесы [5, с. 54].

Важно обратить внимание на многослойность пространственной картины мира в сознании адыгов, включающей мифологический универсум, бытовой

[1] Орография (от греч. oros – гора и grapho – пишу) отдел физической географии, изучающий рельеф земной поверхности.

«здравый смысл», признаки зарождающегося научного моделирования. При этом эти пласты «образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое...» [22, с. 296]. Задумаемся над фактом: в объединенных военных походах разные отряды адыгов, часто выступали не под знаменами племен, а под знаменами отдельных районов или рек, где они жили [21, с. 203].

Именно опыт «обживания» территории, постепенное осмысление своего места в физическом мире, играл определяющую роль в формировании образа жизни адыгов, приводил к расширению освоенных пространств, позволял рационально организовать свою биологическую и социальную жизнь, максимально адаптироваться к окружающей среде.

Принято считать, что месторазвитием народов становились территории, взаимодействия двух или более ландшафтов. Северо-Западный Кавказ один из таких районов мира: почти на всей его территории сочетаются степь, лесостепь, лесные холмистые предгорья, обширные горные долины и нагорные плато, субальпийские и альпийские луга, скалистые горы, покрытые снегом и ледниками. Исходя из благоприятных условий для поселений местность делилась на горную, среднюю и низовую. При этом если в горах возможна была лишь традиционная «горная жизнь», то в средней и низовой части «весьма много было мест удобных для поселения» [29].

Хан-Гирей, ссылаясь на народные предания, относил черкесские племена к «коренным туземцам», освоившим «северо-западную часть Кавказских гор, на юг от Кубани». Им была поставлена и другая не менее важная проблема - причины расширения пространства обитания. К ним он относил постепенный прирост народонаселения, «выход» к более благоприятным природно-климатическим зонам («прекрасным равнинам», раскинувшимся у северных покатостей гор); войны с усиливающимися соседями [32, с. 516].

Наиболее ранние представления адыгов об особенностях организации географического пространства связаны с Кавказскими горами, выдвинувшимися «громадной стеной от одного моря до другого» [16, с. 24], воспринимаемыми как знаковая доминанта этой территории. Кавказ в представлениях античных мыслителей приобретает мифический, сакральный смысл. С античных времен существовало представление о Кавказе, как едином пространстве, самом отдаленном «из известных в то время людям» - таинственной «Стране гор», занимающей громадную площадь, вмещавшую многие «царства и народы». Кавказские горы, как отмечал Страбон, были «самыми отдаленными из известных в то время людям» [16, с. 192].

Неудивительно, что именно они стали в высшей степени знаковым, географическим ландшафтом памяти, символическим образом как греческой, так и адыгской мифологии. Известно, что древние греки, как и другие народы, традиционно называли племена по их географическому положению, по роду занятий или иным выраженным признакам. Горы воспринимались как основной, уже закрепившийся в сознании «центр» при описании территории обитания народов или направлений миграций: «у подножия Кавказа», «граничит с Кавказским хребтом», «области к северу от Кавказа», «Кавказские горы справа», «слева от Кавказа» [16, с. 14, 15, 16, 17, 19, 20, 22, 27, 88]. Более

того, именно в этом регионе многие исследователи стремились обнаружить условную границу между Европой и Азией, двух из трех известных в то время континентов [16, с. 173].

Нельзя не учитывать и еще одного обстоятельства: в поле внимания античных авторов, как правило, попадали народы, живущие по берегам известных морей, заливов, рек. Уже в то время водные системы воспринимались как кровеносные артерии, наполняющие жизнь людей энергией, способные расширить сферу контактов. Так, территорию от Азовского до Черного моря античные историки называли Меотидой («матерь Понта»), а Азовское море - Меотским озером. «Вокруг озера Меотиды, - писал Страбон, - живут меоты» [16, с. 177].

Величие гор, их особая энергетика ассоциировалась с такими человеческими качествами как достоинство, стойкость и независимость. Для черкесов главная гора Эльбрус (Ошхамахо) имела *знаковый смысл* - «Гора счастья», пантеон богов. В нартском эпосе повествовалось, что именно на вершине этой священной горы обитает главное божество Тхэшхо (верховное божество, демиург). В обрядовых церемониях его величали: «великий», «от кого исходят богатые дары», «кого все просят, но сам никого не просит». Устные предания адыгов населяли горы отважными героями, иныжами-великанами, злобными колдуньями: это был таинственный, но, тем не менее, *«свой»* мир.

Веками в массовом сознании адыгов продолжала сохраняться генетическая связь с Кавказскими горами как особым микромиром, со зримыми доминантами - горными вершинами, делением жизненного пространства по вертикали: «верховная» и «низовая» часть аулов. «Прекрасные долины их к себе манили, - писал С. Хан-Гирей о бжедухах, - они подвинулись с прежних мест…, но боялись выйти вдруг в незнакомые равнины; старцы предсказывали гибель, если оставят горы, с которыми привычка сроднила их» [31, с. 186].

В годы Кавказской войны проявилось типичное для горских народов явление: непоколебимая уверенность в спасительной силе родных гор, способных стать надежной преградой на пути любого захватчика. Во многом это настроение характерно и для других народов горных регионов, нашедшее выражение в теории рефугиума (refúgium), убежища. Горький опыт войны, учитывая технические возможности противника, показал условность закрепившихся в сознании горцев представлений. По мере развития военных действий все более остро ощущалось несоответствие спокойствию долин и таинственной тишине гор, массированных артиллерийских обстрелов, «так быстро и страшно прервавших это спокойствие» [21, с. 72].

Желая привести войну к некому подобию «европейских» войн, российское командование предпринимало, как неоднократно признавалось, опасные, но, по сути, безрезультатные походы в горы, стремясь решить не столько стратегические задачи, сколько подорвать закрепившееся в коллективной памяти адыгов убеждение в их неприступности, но эти «посредственные усилия» мало пугали людей, считавших себя непобедимыми «в *своих* горах» [23, с. 22]. Не меньшее значение придавалось «пресечению»

попыток «выхода» адыгов «за Кубань», воспринимаемой в качестве естественной границы среды обитания, освоенного пространства, более того, водораздела, отделяющего мир адыгов от «чужого», враждебного мира, «*земли войны*».

По мере развертывания военных действий особый смысл стали приобретать ущелья в качестве безопасного комплекса, состоящего из горных склонов и реки. В структуру ущелья входили поселения, пашенные, сенокосные, пастбищные угодья и леса, а также вспомогательные жилищные комплексы в местах осенне-весеннего и летнего выпаса скота. Помимо хозяйственного значения «ущелья» становились сосредоточением представлений о «родной земле», что отражалось в организации его обороны, размещении в нем святилищ, в отношении ко всему, что находилось вне «ущелья», как к внешнему миру [13, с. 147].

К тому же ущелье воспринималось как последняя возможность сохранения «своего» социально-культурного пространства. Несмотря на условность границ, это пространство имело признаки места: освоенного, «своего». Ландшафтные и социальные условия обусловили специфику восприятия пространства: большие расстояния измерялись в днях его преодоления всадником, площадь пашни - в дистанциях полета стрелы или броска камня [2, с. 92-108]. Даже когда утрачивались физические границы, представления об их существовании продолжали сохраняться. Более того, закреплялись в сознании на уровне маркировки по именам людей или значимым событиям, ставшим не только пространственными ориентирами, но и «знаками памяти». В этом смысле интересно замечание А. Гуревича - «место имеет такие же права, как человек» [12, с. 88].

История горцев Кавказа убедительно свидетельствует, что они не столько «переживали» неблагоприятные периоды, находя «убежище» в горах, сколько *стремились жить именно в этом пространстве земли*, несмотря на сложные природно-географические условия, «выработав» в процессе исторического развития своеобразные формы хозяйственного быта, социального строя, общественных отношений и культуры.

При этом нельзя не отметить, что горы воспринимались русскими, привыкшими к бескрайным степным просторам, как территория враждебная цивилизации, внушавшая панический страх. Даже мелодичный концерт соловьев, дополняемый лягушками и шакалами, чье «кваканье и вой беспрестанно неслись из леса и раздавались отовсюду, становясь угрожающе громкими, вызывал опасение страшного нападения» [21, с. 56]. При этом величественная природа Кавказа не могла не вызывать романтических образов: «Как я любил, Кавказ мой величавый, - писал Михаил Лермонтов, - твоих сынов воинственные нравы, твоих небес прозрачную лазурь и чудный вой мгновенных, громких бурь» [19, с. 699].

История цивилизаций дает наглядное представление о том, каким образом формировались знания об окружающем пространстве в зависимости от характерного образа жизни. Для оседлых народов среда обитания обычно ограничивалась горизонтом, за которым лежал чужой, враждебный мир и

фактически сводилась к сравнительно небольшому участку земли, где находились жилища, поселения, поля и угодья. Для кочевых народов пространство было бесконечно: завоевывая и опустошая его, они стремились на поиски новых территории.

Природные факторы оказывают выраженное влияние на психологические особенности человека, определяют различия «национальных» характеров [25, с. 158]. В частности, многие авторы, описывая приморскую Черкесию, отмечали, что эта территория отличается не только особым ландшафтом и агрикультурой, но именно здесь сохранялись древние обычаи, традиционные социальные устои, мифы и языческие верования, ни с чем не сравнимый аромат прошлого. «Именно в причерноморскую Шапсугию стремятся совершить этнографические экспедиции современные кавказоведы: здесь в значительной степени сохранен уклад традиционного адыгского общества; здесь еще помнят как сами ритуалы, так и *их смысл»* [1]. Обращаясь к этой проблеме, современные исследователи отмечают, что горцев Северного Кавказа « вполне можно назвать хранителями первооснов бытия: в горах и сегодня можно встретить проявления самых разных форм эволюции человечества» [17, с. 6].

В целом накопленный адыгами опыт представлял уникальную модель освоения жизненного пространства: в рамках единого хозяйственного комплекса успешно осваивались значительные лесостепные и степные территории, долины, предгорья, леса, высокогорные луга. Несмотря на то, что многочисленные завоеватели периодически опустошали эту территорию, подрывая земледельческую культуру местных жителей, народы вновь и вновь не только восстанавливали, но и совершенствовали хозяйственный опыт.

Пространство обитания воспринималось адыгами как реальный ресурс жизнедеятельности, освоение которого носило как экстенсивный, так и интенсивный характер. Адыги стремились использовать не только новые территории в границах освоенного ареала, но и качественно совершенствовать способы хозяйствования на уже ранее освоенных землях. *Для адыгов были характерны широкие и разнообразные связи с природой не потому, что они жили под ее давлением, а потому что она делала их свободными.*

Культурным ферментом в истории адыгов стало освоение Черного моря[1]. Географическое положение Северо-Западного Кавказа, расположение его горного массива вдоль моря, от Анапы до Сухуми, наличие удобных гаваней и перевалов, открывало свободный выход к морю. В истории народов роль моря проявлялась в двух аспектах: море становится дополнительным источником продуктов и материальных благ для прибрежных народов, но главное, освоение моря способствовало коммуникации, приносило новые культурные влияния. Море притягивало и отталкивало: оно одновременно угрожало жизни и поддерживало ее. *«Умело пользуясь дарами богатой природы, горцы сумели воспользоваться близостью моря для расширения торговых сношений и*

[1] Одна из первых географических карт Эратосфена (276-194 до н.э.), выдающегося греческого математика, астронома и географа, изображала бассейны Средиземного и Черного морей.

увеличения размеров сбыта разнообразных продуктов своего хозяйства» [20, с. 6].

«В любом случае соседство моря, - утверждает известный современный исследователь истории цивилизаций Фелипе Фернандес-Арместо, - до того мощная особенность среды, что перед ней все остальные меркнут. Каковы бы ни были почвы и климат, рельеф или животный и растительный мир, если поблизости море, именно оно становится главным фактором. *Близость к берегу формирует взгляд на мир и образ мысли»* [30, с. 402].

Веками живя в определенных природных условиях адыги смогли приспособиться к ним не только путем адаптации, но и изменяя свои поведенческие стереотипы. Жизненно важный смысл приобретали усвоенные, передаваемые из поколения к поколению традиции. Для адыгов, как и других народов Северного Кавказа, была характерна деятельность в разных ландшафтных зонах: горы, предгорья, равнины. Действуя методом проб и ошибок, они стремились закрепить варианты, соответствующие наилучшему приспособлению к окружающим условиям. В.К. Гарданов подчеркивает, что «живописность пейзажей Черкесии первой половины XIX века была в известной степени результатом трудовой деятельности населения» [10, с. 70-71].

Военные действия, развернувшиеся на данной территории, не могли не повлиять на природно-ландшафтную среду: вырубка вековых деревьев, создание просек в лесных массивах, обусловленные военно-стратегическими задачами воспринималось адыгами как проявление агрессии, стремление ущемить права *всего* народа. «…Путник не может без сожаления, без участия взирать на родные места, опустошенные уже грозою неумолимой судьбы, но кипевшие некогда силою и блиставшие дарами природы дикой, но величественной..» [33].

В данном контексте может быть осмыслена проблема, сохраняющая актуальность и в наши дни, о *нравственной ответственности* «цивилизованных» народов «за утраченные силы и погибшую культуру» аборигенных народов. Фактически за несколько десятков лет до неузнаваемости изменился облик Черкесии: искусственные каналы заросли и засорились, стоившие многих трудов искусственные террасы осыпались, обширные сады и прекрасные виноградники были частично вырублены во время войны или одичали так, что «теперь уже трудно определить, где кончается перевитая дикой виноградной лозой лесная чаща и где кончается бывшее культурное насаждение» [34, с. 36].

Нарушение природных процессов, вымирание традиционных видов растений и животных, непосредственно отражается не только на жизнедеятельности людей, но и влияет на качество жизни, здоровье, демографическое поведение. Конечно же, под влиянием активной деятельности человека постоянно совершенствуется «броня цивилизации», защищающая его от негативных внешних факторов (сурового климата, стихийных бедствий, инфекционных заболеваний). В то же время, непродуманное вмешательство в природные процессы, экологические катастрофы, функционирование

«грязных» промышленных объектов, сооружение обширных водохранилищ, систематически подтапливающих десятки населенных пунктов, хищническая вырубка лесов, приватизация природных заповедных территорий и охраняемых земель приводит не только к опасной деградации окружающей среды, но и нарушает «экологию человека», его способность адаптироваться, передавать и усваивать унаследованные знания и навыки.

При таком положении никакие «Красные книги» и программы развития горных территорий не способны сохранить традиционную среду обитания кавказских, впрочем, как и других народов[1]. Изменения, ставшие следствием негативного воздействия общества на природу, приобретают необратимый характер. Более того, *уничтожение традиционных ландшафтов самым непосредственным образом влияет на жизнь коренных этносов*, сформировавшихся в конкретных географических и климатических условиях. Проблема эта наиболее актуальна для малочисленных народов, в частности, адыгов, переживших масштабный демографический кризис.

Сегодня Северо-Западный Кавказ признан уникальным центром доместикации, превращения путём отбора и прививок диких плодовых культур (яблони, груши, сливы, черешни, каштана и др.) в домашние [15, с. 295]. Природа имеет удивительную способность к самосохранению, о чем свидетельствуют исследования, проведенные в Кавказском государственном природном заповеднике, выявившие огромное количество сохранившихся эндемичных и реликтовых форм флоры и фауны. Дикие заросли плодово-ягодных растений в лесах Адыгеи представляют ценнейший материал не только для селекционеров, но и для изучения среды обитания человека в прошлом [9, с. 229].

Вне всякого сомнения, такие сложные, многоплановые проблемы требуют комплексного исследования: в настоящее время появились оригинальные исследования на «стыке» экологии, психологии и других научных дисциплин, направленные на изучение особенностей влияния окружающей среды на человека. Связь истории с природно-географической средой несомненна, но не только природным фактором определяется степень самобытности народов. Ритмы развития сопряжены с пульсом социальных процессов: окружающая природная среда определяет не только физиологию людей, типологию хозяйственной деятельности, но и детерминирует особенности этнической культуры и психологии. Отвечая на вопрос «Что такое Франция?» Ф. Бродель очень точно заметил, что *страну сплачивают «многоликие перепутанные, трудно уловимые узы, связующие историю страны с её территорией»* [7, с. 7].

[1] Природоохранные территории в Адыгее: Кавказский Государственный Биосферный Заповедник, Даховский Государственный Заказник, Шовгеновский Государственный Заказник, Красногвардейский Государственный Заказник, Ботанические заказники.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Агрба Б.С., Хотко С.Х.* «Островная» цивилизация Черкесии. Черты историко-культурной самобытности страны адыгов. - Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. - 48 с.

2. *Аутлев П.У., Алибердов Т.Д.* О народной метрологии адыгов // Ученые записки Адыгейского НИИ. - 1968. - Т. VIII. - С. 92-108.

3. *Берг Л.С.* Климат и жизнь. – М.: ОГИЗ, 1947. - 356 с.

4. *Берг Л.С.* Номогенез, или эволюция на основе закономерностей. – Пг., Государственное издательство. 1922. – 321 с.

5. *Брикнер А.Г.* Потемкин. – М.: Терра, 1996. – 270 с.

6. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Весь Мир, 2006. – 622 с.

7. *Бродель Ф.* Что такое Франция?: в 2-х кн. Кн. 1. Пространство и история. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. – 406 с.

8. *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: в 2 т. – М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Т. 1. – 385 с.; Т. 2. – 485 с.

9. *Вавилов Н.И.* Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев // Вавилов Н.И. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. – Л.: Наука, 1967. – С. 225-247.

10. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. – М.: Наука, 1967. – 331с.

11. *Гумилев Л.Н.* Этносфера. История людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993. – 544 с.

12. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.

13. *Дмитриев В.А.* Пространственно-временное поведение в традиционной культуре народов Северного Кавказа: региональный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. 10. – № 4. – С. 143-160.

14. *Дубровин Н.Ф.* О народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 519 с.

15. *Жуковский П.М.* Культурные растения и их сородичи. – М.: Сов. наука,1950. – 595 с.

16. *Кавказ и Дон* в произведениях античных авторов / сост. В.Ф. Патракова и В.В. Черноус; отв. ред. М.Р. Гасанов. – Ростов н/Д: Изд-во «Русская энциклопедия», 1990. – 399 с.

17. *Казиев Ш.М., Карпеев И.В.* Жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 464 с.

18. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 1. Ч. 1. – М.: Мысль, 1987. – 430 с.

19. *Лермонтов М.Ю.* Измаил-Бей // Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. Т. 1. - М.: Правда, 1988. – 720 с.

20. *Личков П.С.* Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. Киев: [Б.в.], 1904. – 87 с.

21. *Лонгворт Дж.* Год среди черкесов. - Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 541 с.

22. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. - М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

23. *Мариньи Т.* Путешествие по Черкесии. - Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 284 с.

24. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. – 803 с.

25. *Ратцель Ф.* Народоведение: в 2-х т. Т. 1. – СПб.: Книгоиздательство Товарищества «Просвещение», 1900. – 764 с.

26. *Россия*. Иллюстрированный энциклопедический словарь: современная версия / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. - М.: ЭКСМО, 2006. – 704 с.

27. *Савицкий П.Н.* Географические особенности России. Ч. 1. Растительность и почвы. – Прага: Евраз. книгоизд-во, 1927. – 180 с.

28. *Семенов Ю.И.* Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). - М.: «Современные тетради», 2003. - 776 с.

29. *Стебницкий И.И.* Географические заметки о восточной части Закубанского края 1864 г. // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. – 1867. - Т. 1. – С. 17-32.

30. *Фернандес-Арместо Ф.* Цивилизации / пер. с англ. Д. Арсеньева, О. Колесникова. - М.: АСТ; АСТ Москва, 2009. - 764 с.

31. *Хан-Гирей С.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.

32. *Хан-Гирей С.* Избранные труды и документы. - Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. – 672 с.

33. *Хан-Гирей*. Князь Пшьской Аходягоко // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск 17. – Тифлис: Типография: Канцелярия главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказе и Козловского, 1893. – С. 1-43.

34. *Цаликов Ах.* Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. - М.: Издание М. Мухтарова, 1913. – 185 с.

35. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска: в 2-х т. Т. 1. История края. - Екатеринодар: Типография Кубанскаго Областного Правления, 1910. – 734 с.

УДК 94(470.621) **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-21-32**

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА ЭТНОГЕНЕЗ АДЫГОВ

Э.А. ШЕУДЖЕН

Адыгейский государственный университет
385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208
E-mail: scheujen2013@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается одна из основополагающих теоретико-методологических проблем – влияние природно-географического фактора на этногенез адыгов. История адыгов, как и других этносов, неразрывно связана с определенным участком земной территории, с опытом использования ее ландшафтно-географических ресурсов. Несмотря на сложные природные условия, адыги веками стремились жить именно на этом пространстве земли, выработав в процессе исторического развития коллективный опыт его хозяйственного освоения, своеобразные формы быта, социального строя, общественных отношений и культуры, более того, черты характера, жизненную энергию, чувства и стремления. Для адыгов были характерны широкие и разнообразные связи с природой: они не только жили под давлением реальных жизненных обстоятельств, владели развитой практикой адаптации, но во многом своеобразие географической среды поддержало осознание личной свободы, иллюзию защищенности. Именно сложный характер взаимопроникающих связей: «человек – среда обитания», оставаясь предметом устойчивого исследовательского интереса, способствует пониманию процесса этногенеза народа.

Ключевые слова: Адыги; Северный Кавказ; Кавказские горы; исторический процесс; этногенез; природно-географическая среда; освоение среды обитания; цивилизация.

INFLUENCE OF THE NATURAL GEOGRAPHICAL ENVIRONMENT ON ETHNOGENESIS OF THE ADYGHES

E.A. SHEUDZHEN

Adygean State University
385000, Republic of Adygea, Maikop, Pervomayskaya street, 208
E-mail: scheujen2013@yandex.ru

Abstract. This work deals with one of paramount theoretical-methodological problems – influence of a natural geographical factor on ethnogenesis of the Adyghes. History of the Adyghes, similarly to other ethnoses, is inseparably linked with a certain site of the terrestrial territory, with experience of use of its landscape and geographical resources. Despite a complicated natural environment, the Adyghes for centuries sought to live on this land space, having developed in the course of historical evolution collective experience of its economic development, peculiar forms of everyday life, social system, public relations and culture; moreover, character traits, vital energy, feelings and aspirations. Broad and diverse relationships with the nature were typical of the Adyghes: they not only lived under pressure of real vital circumstances, had the developed practice of adaptation, but in many respects the originality of the geographical environment supported awareness of personal liberty, illusion of security. Exactly this complicated nature of the interpenetrating relationships: «person – habitat», remaining a subject of sustained research interest, promotes understanding of process of the people's ethnogenesis.

Key words: the Adyghes; the North Caucasus; the Caucasus Mountains; historical process; ethnogenesis; natural geographical environment; development of the habitat; civilization.

ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3 (КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

А.А. Кадиева
С.В. Демиденко

Перелом эпох, когда один исторический период сменяется другим, привлекает внимание исследователей значительно больше, чем «спокойные» времена. В особенности это касается времен и территорий, жизнь населения которых не освещена письменными источниками, либо освещена весьма скупо. В этом случае специалист-археолог наблюдает смену материальной культуры населения определенного региона, и ставит перед собой задачу выяснить, почему и каким образом это происходит, является ли иная материальная культура результатом смены населения или результатом инокультурного влияния. Особенно остро на сегодняшний день эта проблема стоит для горной и предгорной зон центральных районов Северного Кавказа в период перехода от кобанской эпохи к сарматскому времени.

Верхняя граница бытования кобанской археологической культуры определена В.И. Козенковой и относится к началу IV в. до н.э. [7, с. 84]. Эту точку зрения на сегодняшний день разделяют большинство исследователей-кавказоведов. Благодаря работам Объединенной Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБГУ и ИА РАН под руководством авторов этой статьи кобанских погребальных традиций удалось проследить до второй половины IV – III в. [5]. С III в. до н. э. по М.П. Абрамовой начинается уже сарматская эпоха [2, с. 15], когда племена ираноязычных кочевников проникают в степи Предкавказья.

Смешанное население степных территорий современной Кабардино-Балкарской республики, которое могло состоять из потомков местных кочевников скифского времени, в том числе самих скифов, представителей савроматского племенного союза и наиболее поздних пришельцев – сармат, начиная с середины II в. до н.э. постепенно переходит к оседлому образу жизни. Именно этой группе населения принадлежат Нижне-Джулатский могильник и Чегемский курган-кладбище [2, с. 102].

В тоже время горные районы по-прежнему оставались зоной расселения местных племен – потомков носителей кобанской культуры [1, с. 28]. Их материальная культура под влиянием степняков претерпевает постепенные изменения, в результате чего значительно позднее, в эпоху средневековья, складывается единая аланская археологическая культура. Однако проследить начало этого процесса в наши дни представляется чрезвычайно сложной задачей, поскольку материал из предгорной и горной зон северных склонов Центрального Кавказа III – I вв. до н.э. весьма скуден. Датировку немногочисленных погребений этого периода, выделенных Е.П. Алексеевой на Северном и Западном кладбищах Кобанского некрополя [3, с. 198-203], поставила под сомнение М.П. Абрамова [1, с. 4]. Исследовательница указала,

что наиболее ранние комплексы могут относиться к VI – V вв. до н.э., а наиболее поздние – к I в. н.э. Не отрицая того факта, что вышеназванные могильники непрерывно существуют в широких хронологических рамках, М.П. Абрамова подчеркнула, что степень изученности погребального инвентаря не позволяет отнести конкретные погребения именно к III – I вв. до н.э.

Таким образом, данные этого периода на сегодняшний день представлены только материалами грабительских раскопок, датировки которых пока остаются приблизительными.

В связи с вышесказанным, погребение раннесарматского времени, обнаруженное Объединенной Северокавказской археологической экспедицией ГИМ, КБГУ и ИА РАН на могильнике Заюково-3 в 2016 г. представляет несомненный интерес.

Работы экспедиции на этом памятнике ведутся с 2014 г. За три года раскопок было исследовано 70 погребений, 43 из которых относятся к VIII - VII вв. до н.э., 6 – к VI – V вв. до н.э., 10 – к IV – III вв. до н.э., остальные 11 к сарматскому времени и раннему средневековью. Предметом предлагаемой вниманию читателя статьи является погребение 42 – единственное погребение некрополя, относящееся к раннесарматскому периоду.

Погребение было перекрыто зернотеркой, размерами 0,39 х 0,32 м, лежащей на скоплении мелких камней (Рис. 1).

Рис. 1. Могильник Заюково-3. Погребение 42. Зернотерка.

После снятия зернотерки было обнаружено скопление рваных фрагментов известняка среднего размера вытянутых по линии северо-запад - юго-восток. Эти камни являются камнями заклада погребения 52, которое было

обнаружено ниже, и в рамках этой статьи не рассматривается. Размеры скопления камней составляют 1,34 х 0,74 м. В 0,3 м к востоку от восточной границы скопления камней находится скопление плохо сохранившихся человеческих костей, лежащих не в анатомическом порядке. В скоплении обнаружены фрагментированная нижняя челюсть, атлант, фрагмент левой плечевой кости, фрагменты позвонков и ребер. Судя по расположению большей части нижней челюсти и плечевой кости, погребенный был уложен на спину головой на восток (Рис. 2). Из-за однородности слоя заполнения погребения и окружающего пространства, форму погребального сооружения проследить не удалось. Вероятнее всего, оно представляло собой грунтовую яму.

В 0,60 м к западу от западной границы скопления камней было обнаружено скопление мелко покрошенных костей животных, среди которых выделялась челюсть поросенка. Размеры скопления составляли 0,39 х 0,26 м. В 0,14 м к западу от скопления был обнаружен костяной наконечник ножен (Рис. **2**, *1*; **3**, *1*).

В скоплении камней, на 10 см ниже уровня костей погребенного была обнаружена бронзовая подвеска-лунница с изображением голов баранов (Рис. **2**, *2*; **3**, *2*).

На первый взгляд этот комплекс мало информативен, как с точки зрения погребального обряда ибо практически разрушен, так и с точки зрения датировки, поскольку оба обнаруженных в нем предмета уникальны. Однако, лишь на первый.

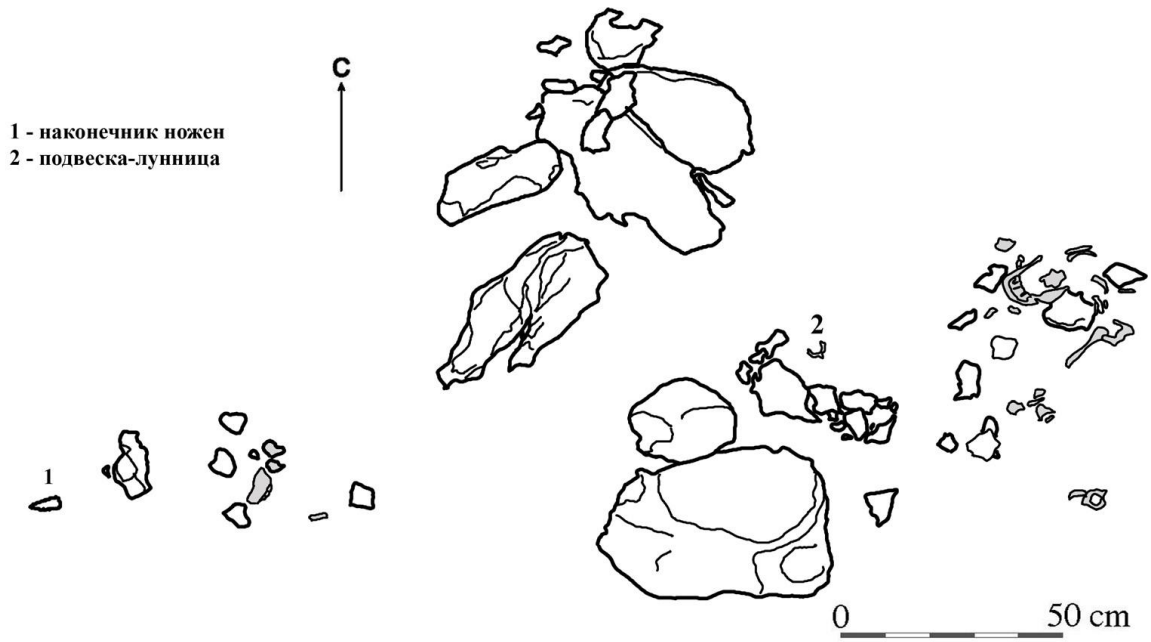

Рис. 2. Могильник Заюково-3. Погребение 42. Кости погребенного и жертвенных животных. План.

Наконечник ножен (Рис. **3**, *1*), обнаруженный в погребении, выполнен из кости. Он имеет треугольную форму, его размеры составляют 7,3 х 2,8 х 1,32 см. Поверхность предмета подшлифована таким образом, что на лицевой стороне образованы грани. На этой же стороне нанесен врезной штриховой

орнамент, в одном месте образующий сеточку. На оборотной стороне наконечника сделан треугольный вырез. Внутри изделия сохранились железные окислы. Аналогии этому предмету обнаружить не удалось.

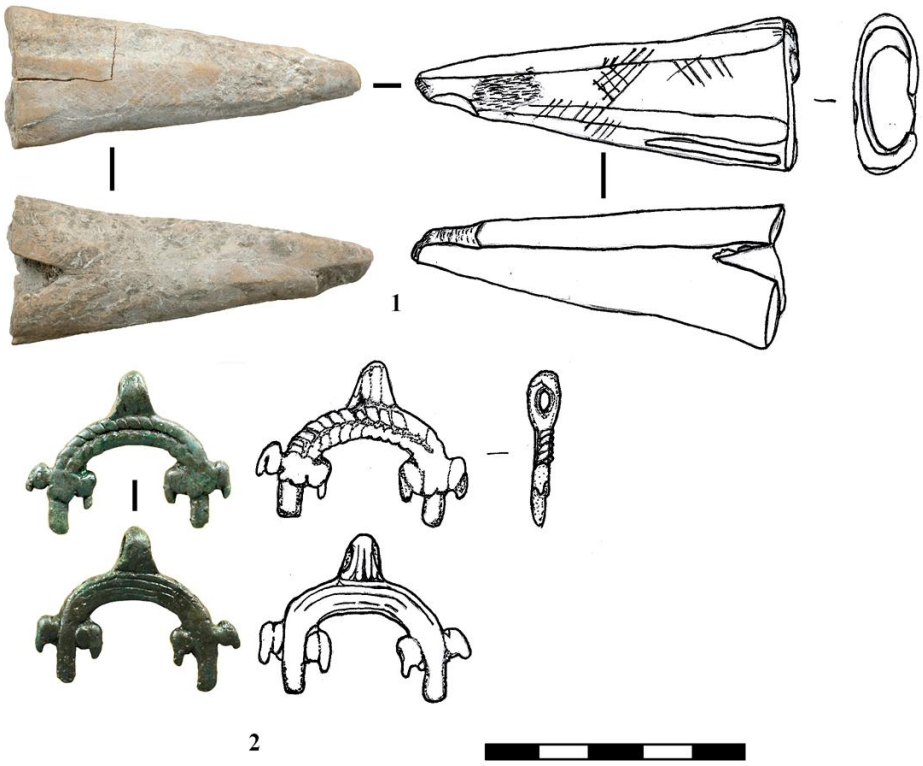

Рис. 3. Могильник Заюково-3. Погребение 42. Инвентарь. 1 – костяной наконечник ножен, 2 – бронзовая привеска-лунница.

Подвеска-лунница (Рис. **3**, *2*) представляет собой дугу с петлей для подвешивания. Предмет отлит из бронзы по восковой модели, которая была сложена из восковых жгутов. Петля состояла из трех гладких жгутиков, форма самой дуги подвески выложена из четырех гладких жгутов, а на лицевую сторону наложены еще два веревочных жгута. Концы дуги заглажены, с лицевой стороны к ним прилеплены глаза, а с боков рога баранов.

Техника литья по восковой модели с использованием пропитанных воском витых шнуров характерна как для кобанских племен вообще [10, с. 213], так и для кобанских погребений могильника Заюково-3 в частности [5]. Также типичен для кобанского искусства образ барана [4, с. 69]. Однако форма подвески-лунницы для кобанской зооморфной пластики не характерна. Единственной известной сегодня на Северном Кавказе аналогией заюковской находке является лунница из могильника Кичмалка в Зольском районе Кабардино-Балкарской республики. К сожалению, она была найдена грабителями, которые показали предмет начальнику Центральнокавказской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа Васильевой Е.Е.[1]

Еще одна аналогичная не только по морфологии, но и по технике изготовления подвеска была обнаружена в 1200 км к северо-востоку от села

[1] Благодарим Е.Е. Васильеву за бесценное сообщение об этой утраченной для науки находке.

Заюково в погребении 3 кургана 3 могильника Майтубек I близ аула Майтубек в Жанибекском районе Западно-Казахстанской области республики Казахстан [9, с. 349]. Майтубекское погребение представляло собой грунтовую яму с продольным уступом, покрытым тонким слоем дерева. В погребении был захоронен ребенок, головой на юг. Среди сопровождающего инвентаря была обнаружена подвеска-лунница с головками баранов и модель бронзового котла [9; рис. 1, 2].

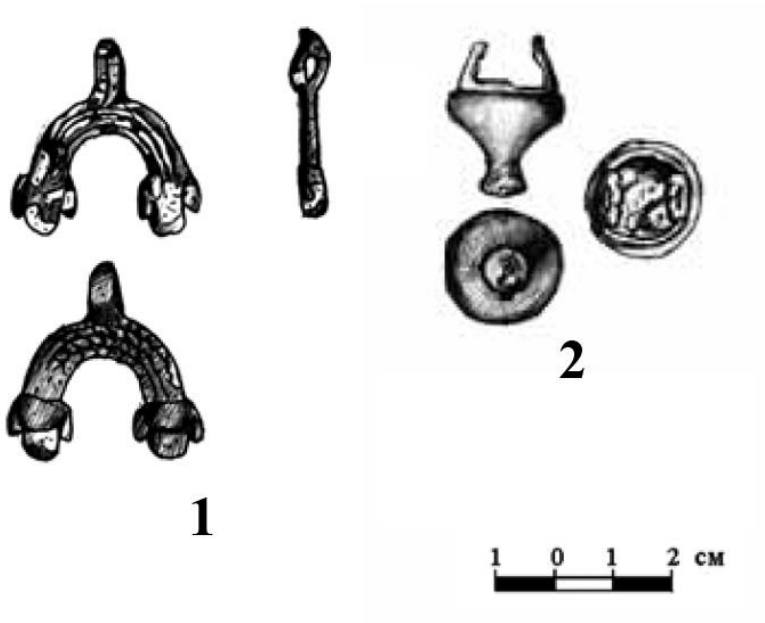

Рис. 4. Могильник Майтубек I. Курган 3. Погребение 3. Инвентарь. 1 - – бронзовая привеска-лунница, 2 – бронзовая модель котла (По Я.А. Лукпановой (Лукпанова, 2011. Рис. 1, *2*, 2, *2*).

Появление в сарматских погребениях Южного Пруралья, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа моделей бронзовых котлов, наряду с миниатюрными бронзовыми копиями луков, а также некоторыми другими категориями инвентаря (железные мечи и кинжалы с кольцевым навершием, длинные мечи с коротким ромбическим перекрестьем, бронзовые прямоугольные ажурные пряжки с изображением лежащих верблюдов и сцен терзания, гагатовые пряжки и т.д.), рассматривается исследователями как свидетельство восточных контактов сарматских племен и датируется II – I вв. до н.э. [7; 11; 12; 13].

Поскольку подвеска из Майтубека весьма близка подвеске из Заюково, мы можем отнести их к одному хронологическому периоду. Дате II – I вв. до н.э. не противоречат и элементы обряда погребения 42. Для более ранних погребений могильника Заюково-3 (VIII – III вв. до н.э.) характерна северо-западная, в редких случаях западная ориентировка погребенных, в то время как костяк из погребения 42, вероятнее всего, лежал головой на восток. Кроме того, в погребении были использованы фрагменты свиной туши, что нехарактерно для кобанских погребений могильника.

Таким образом, мы можем говорить о некоторых изменениях в устойчивой системе погребального обряда некрополя, а, следовательно, и об изменениях религиозных представлений оставившего его населения. Насколько глубоки были эти перемены, судить по одному погребению не представляется возможным. Однако немногочисленные поздние захоронения исследованной части могильника, наиболее молодое из которых датируется V в. н.э., уже осуществляются в катакомбах.

При нынешней скудности данных нельзя установить, были ли изменения в погребальном обряде результатом изменения религиозной парадигмы или же следствием полной смены оставившего могильник населения, однако можно с уверенностью утверждать, что начало этому процессу положено во II-I вв. до н.э. Степи Предкавказья в это время являлись территорией кочевого мира, благодаря связям (очевидно, опосредованным) между племенами которого кавказская подвеска попала в детское захоронение кочевников Южного Приуралья.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова М.П.* Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М.: ГИМ, 1974. – С. 3-28.

2. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.) Вып. 2. Археология эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья / Ред. Н.Л. Членова. – М.: ИА РАН: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien. 1993. – 240 с.

3. *Алексеева Е.П.* Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Ученые Записки ЛГУ. Серия историческая. – 1949. – №13. – С. 191-241.

4. *Васильева Е.Е.* Бронзовые предметы, украшенные скульптурными изображениями животных из памятников Дигории // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. – Грозный: Чеченский государственный университет, 2016. – С. 69-72.

5. *Кадиева А.А., Демиденко С.В.* Произведения пластики малых форм эпохи раннего железного века из могильника Заюково-3 (Гунделен) в Кабардино-Балкарии // Кавказ и степь на рубеже эпох поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной конференции, посвященной памяти М.Н. Погребовой / Под. ред. А.С. Балахванцева и С.В. Кулланды. – М.: ИВ РАН, 2016. – С. 85-88.

6. *Кадиева А.А., Демиденко С.В.* Погребения с оружием и предметами конского снаряжения IV-III вв. до н.э. из могильника Заюково-3 (Кабардино-Балкария) // Нижневолжский археологический вестник. – 2017. – Т.16. – №1. (в печати).

7. *Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Сергацков И.В.* Прохоровская культура в Нижнем Поволжье: становление и трансформация // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Материалы международной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2008. – С. 50-63.

8. *Козенкова В.И.* Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы // Советская Археология. – 1990. – №3. – С. 64-92.

9. *Лукпанова Я.А.* Бронзовые модели котлов сарматского времени (по материалам Казахстанского Приуралья) // Вопросы археологии Казахстана. – 2011. – Вып. 3. – С. 349-355.

10. *Мошинский А.П.* Литье по составной восковой модели на Северном Кавказе во II - I тыс. до н.э. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и

интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 23 – 28 апреля, 2012 г. – Махачкала: Издательский дом Мавраевъ. – С. 213-214.

11. *Скрипкин А.С.* К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II – I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. – С. 137-149.

12. *Скрипкин А.С.* Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. – 2000. – Вып. 3. – С. 17-40.

13. *Скрипкин А.С., Клепиков В.М.* Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 95-106.

УДК 902/904 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-33-40**

ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3 (КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

А.А. КАДИЕВА

ФГБУК Государственный исторический музей,
Отдел археологических памятников
109012, РФ, г. Москва, Красная площадь, д.1
E-mail: adelgeida85@mail.ru

С.В. ДЕМИДЕНКО

ФГБУН Институт археологии Российской академии наук,
Отдел скифо-сарматской археологии
117036, РФ, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
E-mail: svdemidenko@hotmail.com

Аннотация. В 2016 г. на могильнике Заюково-3 (Баксанский район Кабардино-Балкарской республики) было обнаружено необычное погребение, имеющее порядковый номер 42. Костяк погребенного был разрушен, но по расположению некоторых костей было установлено, что он лежал головой на восток. Это расположение необычно для некрополя, где большинство погребений имеют северо-западную ориентировку. Из сопровождающего инвентаря сохранились костяной наконечник ножен и подвеска с изображением бараньих головок. Аналогичная подвеска была обнаружена грабителями в могильнике Кичмалка (Зольский район, Кабардино-Балкарской республики) и в сарматском могильнике Майтубек I (Жанибекский район Западно-Казахстанской области республики Казахстан). Последняя датируется II – I вв. до н.э. Выявленные подвески изготовлены в традициях бронзолитейного производства кобанской культурно-исторической общности. Публикуемые находки свидетельствуют о сохранении этих традиций и в сарматское время. Таким образом, погребение 42 фиксирует переход от кобанской эпохи к сарматскому времени. На сегодняшний день это единственное узко датированное погребение II – I вв. до н.э. в предгорной зоне Центрального Кавказа.

Ключевые слова: кобанская культурно-историческая общность; сарматское время; могильник Заюково-3; Кабардино-Балкарская республика; кобанская зооморфная пластика.

BURIAL OF THE EARLY SARMATIAN TIME FROM THE ZAYUKOVO-3 BURIAL GROUND (KABARDINO-BALKARIA)

A.A. KADIEVA

The State Historical Museum,
Department of Archaeological Monuments
109012, RF, Moscow, Red Square, 1,
E-mail: adelgeida85@mail.ru

S.V. DEMIDENKO

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences,
Department of Scythian-Sarmatian Archeology
117036, RF, Moscow, Dmitriy Ulyanov street,19
E-mail: svdemidenko@hotmail.com

Abstract. In 2016, at the Zayukovo-3 burial ground (Baksan district of the Kabardino-Balkarian Republic), an unusual burial was found, № 42. The skeleton of the buried was destroyed, but according to the location of some bones it was found that it lay with the head to the east. This position is unusual for the necropolis, where most burials have a north-west orientation. From the accompanying inventory, the bone tip of the scabbard and the pendant with the image of lamb's heads have been preserved. A similar pendant was discovered by robbers in the Kichmalka burial ground (Zolsky district, Kabardino-Balkarian Republic) and in the Maitubek I (Zhanibek district of the West Kazakhstan region of the Republic of Kazakhstan) in the sarmatian cemetery. The latter is dated to the II – I centuries BC. The revealed pendants are made in the traditions of bronze casting production of the Koban cultural and historical community. Published findings indicate the preservation of these traditions in the Sarmatian period. Thus, burial № 42 fixes the transition from the Koban era to the Sarmatian time. To date, this is the only narrowly dated burial of II – I centuries BC in the foothill zone of the Central Caucasus.

Key words: Koban cultural and historical community; Sarmatian time; Zayukovo-3 burial ground; Kabardino-Balkarian Republic; Koban zoomorphic plastic.

НАМЕСТНИК КАВКАЗА И.И. ВОРОНЦОВ-ДАШКОВ: ПРОГРАММА СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

А.С. Соколов

Исторический опыт свидетельствует насколько важно, чтобы политика проводимая центральной и местной властью на Кавказе была способна своевременно разрешать возникающие противоречий во всех сферах жизни этого региона. Россия в начале XX века столкнулась с серьезными проблемами в данной полиэтничной и поликонфессиональной части империи. Одним из разработчиков кавказской политики в условиях нараставшей дестабилизации, вызванной революционными потрясениями, явился Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Различным аспектам его государственной деятельности посвящено немало работ в отечественной историографии. Среди них статьи и монографии В.С. Дякина, Д.И. Исмаил-Заде, Н.Н. Тумакова, С.В. Даричевой и многих других. Российские ученые положительно оценивают деятельность И.И. Воронцова-Дашкова на посту главы кавказской администрации. А.Ю. Бахтурина, отмечает, что И.И. Воронцов-Дашков считал, что «сближение Кавказа с Империей можно достичь как за счет русской колонизации края, так и за счет поддержки отдельных народов, населяющих Кавказ» [2, с. 208]. Вместе с тем, М.Ф. Флоринский характеризует наместника как «авторитетного сановника, опиравшегося на завоеванные продолжительной службой трону доверие и признательность Николая II и в принципе не способного играть в государственном механизме роль «винтика» [21, с. 411].

Взаимоотношения петербургской власти с кавказской администрацией носили непростой характер. За все время пребывания И.И. Воронцова-Дашкова на высоком посту он находился в конфронтации с Советом министров. Противоречивые отношения наместника со столичной администрацией в лице П.А. Столыпина и его окружения оказывали влияние на разработку и осуществление внутренней политике на Кавказе, в том числе и в социальной сфере. В этом смысле важным представляется рассмотрение взаимоотношений между центральным правительством и кавказским наместником в условиях революции 1905-1907 гг. и после. Данная тема интересна и тем, что в 2017 г. исполняется 180 лет со дня рожденья И.И. Воронцова-Дашкова и 155 лет со дня рождения Столыпина.

В условиях начавшейся революции в феврале 1905 г. указом императора Николая II было восстановлено кавказское наместничество. На должность наместника был назначен И.И. Воронцов-Дашков, который имел опыт службе на Кавказе. Вновь назначенному кавказскому наместнику было 68 лет. Сказывался возраст. Вдовствующая императрица Мария Федоровна считала, что Воронцов принял предложение «из преданности» [10, с. 48]. Наместник наделялся особыми полномочиями как в гражданской, так и военно-полицейской сферах управления. Вопросы, разрешение которых требовало участия верховной власти, могли решаться только через наместника. Ему

непосредственно подчинялись все правительственные учреждения Кавказского края [19, с. 37]. Получив назначение, И.И. Воронцов-Дашков не сразу выезжает на Кавказ. В течение нескольких месяцев он проводит в Петербурге, занимаясь разработкой антикризисной программы и урегулированием вопросов, связанными с его полномочиями и структурой административного аппарата. Новый наместник понимал, что управление Кавказа из центра без учета потребностей местного населения невозможно, но центр поставил перед ним задачу: слияние кавказской окраины с империей. Поставленную перед собой задачу И.И. Воронцов-Дашков собирался решать, во-первых, за счет колонизации края, во-вторых, за счет поддержки отдельных народов, населяющих Кавказ [15, с. 231].

Главные цели своей программы И.И. Воронцов-Дашков видел в прекращении зависимых отношений крестьян, предоставление всем землевладельцам прав собственников, реформу местно управления и самоуправления, включая создание земских учреждений, развитие начального образования на родном языке, создание в Тифлисе Университета или Политехнического института, русскую колонизацию [8, с. 523]. В качестве главного принципа и залога успеха «политики умиротворения» выдвигалось сотрудничество власти со всеми «благомыслящими людьми всех сословий и народностей кавказского населения». Даже с учетом сложного переплетения на Кавказе национального и революционного движений наместник предлагал императору, используя карательные меры для подавления деятельности «явных революционеров и террористов», делать ставку, прежде всего, на «массу благомыслящего населения» [16, с. 129]. Эта программа являлась частью нового курса правительственной политики в отношении национальных окраин, принятого Комитетом министров. Суть этого курса − в соблюдении равновесия между общегосударственной пользой и обеспечением интересов нерусского населения Российской империи, улучшения его экономического, развития его духовных сил.

И.И. Воронцов-Дашков основной способ преодоления социальных противоречий на Кавказе видел в аграрных преобразованиях. В своей всеподданнейшей записке он прямо указывал государю на грубейшие ошибки своих предшественников в деле колонизации Кавказа. Наместник приостановил переселенческий поток на Северный Кавказ, где русские переселенцы стали испытывать земельный голод, и сосредоточился на укреплении уже образовавшихся там русских колоний. Преобразовательная программа охватывала широкий спектр реформ в области социальной политики. Ознакомившись состоянием народного образования, И.И. Воронцов-Дашков произвел в начальных училищах реформы, отвечающие желаниям населения и пользе дела. Был выработан новый учебный план, в котором предусматривалось преподавание на родном языке. Много было сделано для повышения качества образования: открыты педагогические курсы для подготовки учителей, увеличено число стипендий в учительских семинариях, педагогам поднята зарплата, изданы буквари на языках народов Кавказа. Русский язык становился на Кавказе языком межнационального общения [18,

с. 220]. К 1914 г. в России возросло число мусульманских учебных заведений: мектебе - 9273, медресе - 1064 [11, с. 313].

Значительное развитие получило издательское дело. Кроме основанной в январе 1905 г. газеты «Кавказ» − официального органа местной администрации, в крае выходило большое количество периодических изданий разных направлений, в том числе и оппозиционных. Издавались также газеты на языке всех народов Кавказа, статистические, исторические и этнографические сборники, справочники, учебная литература. Под личным контролем Наместника были начаты работы по земельному устройству горцев. Для ликвидации неграмотности местного населения были открыты сельскохозяйственные школы. В целях создания контингента учителей из среды горцев И.И. Воронцов-Дашков считал целесообразным начальную горскую школу преобразовать в учительскую семинарию. Большие усилия И.И. Воронцов-Дашков прилагал для развития промышленного предпринимательства. На государственную службу привлекались представители коренного населения. Аппарат Наместника добивался от отраслевых министерств и ведомств увеличения штатов и табели окладов. По мнению И.И. Воронцова-Дашкова управление Кавказским регионом, в котором будут умело сочетаться интересы центра с потребностями местного населения, станет залогом целостности Российского государства [4, с. 19].

Однако ему коренным образом не удалось изменить положение. Отдельными мерами чиновничьего аппарата в области социальной политики власти смогли на время стабилизировать положение. Противоречия между центром и кавказской администрацией сохранялись. Многие начинания И.И. Воронцова-Дашкова затормозились в высших кругах власти. В Государственную Думу в 1908 г. поступил запрос со стороны черносотенцев. И.И. Воронцова-Дашкова обвиняли в покровительстве местному национализму и даже сочувствует революционерам. В большой мере за этим стояло недовольство старого чиновничества, чистку которого предпринял И.И. Воронцов-Дашков. В своих докладах в 1910-1913 гг., адресованных царю, он отмечал, что обстановка на Кавказе стабильная и она может оставаться такой же, если не ставить лишних преград. Позиция наместника нашла поддержку депутата III Государственной Думы Чхеидзе. Выступая в декабре 1908 г. с трибуны российского парламента он заявил, что И.И. Воронцов-Дашков «делает свое дело с джентельменством свойственным графам и князьям, когда эти хотят чтобы управитель на Кавказе был Иродом 96 пробы» [5, стб. 264].

«Все личные нападки гг. крайне-правых и левых мало меня тревожат...»,− признавался наместник. «Тревожит другое − это упорная борьба петербургского чиновничества против наместничества; оно им ненавистно, как будто Россия недостаточно настрадалась от мертвящей централизации власти» И.И. Воронцов-Дашков прямо указывал на то, что требованиям правых радикалов «вполне соответствует взгляд высшей петербургской администрации, считающей существование наместничества явлением ненормальным, захватывающим компетенцию и право центрального правления». Имя П.А. Столыпина при этом не называлось, но под «высшей

петербургской администрацией явно подразумевался глава правительства [3, с. 118].

Расхождения между И.И. Воронцовым-Дашковым и правительством в вопросе определения политического курса самодержавия на Кавказе усилились в период пребывания Столыпина на посту премьер-министра. Руководитель кабинета министров внимательно следил за действиями наместника на Кавказе [12, с. 108, 114, 120-125, 165-167]. Столыпин подверг критике кадровую политику наместника, когда на различные должности были назначены либералы. В письме И.И. Воронцову-Дашкову от 11 апреля 1908 г. Столыпин отмечал бездействие и беспомощность местной администрации, писал, что широкие полномочия, предоставленные ей, применяются не в полном объеме [1, с. 88]. Он указывал, что причинами «ненормального положения дела является, очевидно, недостаточная энергия и уклонение местных органов власти от руководящих твердых начал, отсутствие должной последовательности в их тактике и в сознании той сугубой опасности, которой подвергается, при подобном неустройстве вся Кавказская окраина, а также несоответствие части этих органов своему служебному положению и способность репрессий по отношению к нарушителям закона и порядка» [13, с. 235].

Расхождения между премьер-министром и кавказским наместником проявились и решении земельного вопроса в регионе. Аграрные преобразования, проводившиеся под руководством Столыпина, оказали влияние на социально-экономическое развитие Северного Кавказа в начале XX в. Непосредственно они затронули только русскоязычное население Ставропольской губернии. Однако горское население не получило те экономические права, которые стали реальностью для других категорий населения Российской империи. Политика хуторизации на Северном Кавказе привела к перераспределению коннозаводских пастбищных угодий, изменению системы арендных отношений. В конечном итоге это привело к социальному конфликту − Зольскому восстанию 1913 г. [14, с. 300-303]. И.И. Воронцов-Дашков видел главную причину революционных волнений на Кавказе в малоземелии крестьянства и в сохранении временнообязанных отношений. В 1909 г. он выдвинул законопроект по землеустройству государственных крестьян, в котором предусматривал предоставление в частную собственность отводимых крестьянам наделов. Он являлся инициатором принятия законов (1912, 1913 гг.), по которым прекращались временнообязанные отношения в Закавказском крае [9, с. 460].

Конфликт между И.И. Воронцовым-Дашковым и Столыпиным был вызван прежде всего, тем, что последний стремился распространить компетенцию правительства на всю сферу исполнительной власти в империи. Премьер-министр был сторонником «жесткой» политики, тогда как И.И. Воронцов-Дашков выступал за более осторожный курс. «Либерализм» Наместника был вызван во многом тем, что он в силу своего служебного положения яснее, чем центральная администрация, представлял себе обстановку на Кавказе, всю степень остроты социальных и национальных

противоречий в этом районе империи. И.И. Воронцов-Дашков боялся, что «жесткий курс» может привести к революционному взрыву [20, с. 26]. Вместе с тем предложения И.И. Воронцова-Дашкова полностью соответствовали основной цели власти в крае, но по форме или содержанию казались слишком либеральными, смелыми, непредсказуемыми и неудобными в исполнении. «К сожалению, − замечал И.И. Воронцов-Дашков, − Кавказ для Петербурга terra incognita» [17, с. 51]. Своей дочери он писал о петербургских властях: «Дураки они, намаются с Кавказом, ежели я уйду» [6, с. 81].

Полемика между И.И. Воронцовым-Дашковым и Столыпиным прекратились после смерти последнего в 1911 г. Наместник пережил своего оппонента всего лишь на четыре года. Столыпина и И.И. Воронцова-Дашкова связывали напряженные отношения. Подходы к одним и тем же проблемам у них не были тождественны. У обеих сторон были разные рецепты решения проблемы стабилизации социально-политической ситуации на Кавказе. При сложном переплетении национальных и общереволюционных движений на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков предложил царю проведение политики, которая, подавляя деятельность «крайних элементов и анархистов», делала бы ставку на массу благомыслящего населения, отделяя «мирных националистов от революционеров-террористов» [7, с. 44]. Тем не менее, И.И. Воронцова-Дашкова и Столыпина были общие черты, которые вызывают уважение и у наших современников. Это служение высшим интересам Отечества, профессионализм и компетентность, умение проводить в жизнь собственную позицию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтурина А.Ю.* Воронцов Дашков И.И. // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. - М.: РОССПЭН, 2011. - С. 88-90.

2. *Бахтурина А.Ю.* Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914−1917 гг.). - М.: РОССПЭН, 2004. - 392 с.

3. *Бахтурина А.Ю.* П.А. Столыпин и управление окраинами Российской империи // Российская история. - 2012. - № 2. - С. 108-120.

4. *Гаджиева Я.Р.* К вопросу об институте наместничества на Кавказе (XIX − начало XX в.) // Вестник Института ИАЭ. - 2006. - № 2. - С. 15-20.

5. *Государственная дума*. Третий созыв. Стенографический отчет. Сессия вторая. Ч. 1: Заседания 1-35: (с 15 октября по 20 декабря 1908 г.) (Заседание 30. 10 декабря 1908 года) / Гос. дума, третий созыв, 1908 г., сессия вторая. - СПб.: Государственная типография, 1908. - [2], XIV с., 3152 стб.

6. *Даричева С.В.* Государственная дума, Совет министров и Кавказское наместничество в 1905-1914 гг. // Методика и практика научного исследования. Материалы II Всероссийской летней историко-филологической школы-семинара молодых ученых. – Владикавказ: Изд-во СОИГСИ им. В. И. Абаева, 2003. С. 76-83.

7. *Дякин В.С.* Национальный вопрос о внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. - 1996. - № 11/12. - С. 39-53.

8. *Дякин В.С.* Третьеиюньская монархия. Крушение империи // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. - М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. - С. 501-620.

9. *Исмаил-Заде Д.И.* Воронцов Дашков И.И. // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. В 5 т. Т. 1. Отечественная

история. История России с древнейших времен до 1917 года: А - Д / Редкол.: В.Л.Янин (гл.ред.) и др. - Большая Российская Энциклопедия. - М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. - 688 с.

10. *Исмаил-Заде Д.И.* Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты: Антология. - М.: Наука, 1991. - С. 20−62.

11. *Могилевский К.И., Соловьев К.А*. Столыпинский проект модернизации России // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 3. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. - М.: Политическая энциклопедия, 2016. - 765 с.

12. *П.А. Столыпин*. Биохроника. - М.: РОССПЭН, 2006. - 376. с.

13. *П.А. Столыпин*. Переписка. - М.: РОССПЭН, 2004. - 704. с.

14. *Прасолов Д.Н.* Аграрные реформы П.А. Столыпина и проблемы трансформации землевладения и земле пользования в нальчикском округе в начале XX в. // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летиюсо дня гибели Столыпина: Международная научно-практическая конференция. - М.: Русский путь, 2012. - С. 296-305.

15. *Рагимова П.Ф*. Политика российского правительства в национальных окраинах в XIX − начале XX вв. // Вестник Красноярского педагогического университета им. В.П. Астафьева. - 2010. - № 3. - С. 226-234.

16. *Рахманин Н.Т.* Исторический опыт деятельности российских властей по преодолению системного кризиса на Кавказе в 1905-1907 гг. // Вестник Екатерининского института. - 2012. - № 2(18). - С. 126-133.

17. *Ситникова Е.Ю.* Институт генерал-губернаторства как инструмент национальной политики Российской империи в последней четверти XIX − начале XX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. - 2015. - № 6. - С. 48-55.

18. *Соколов А.С., Тумаков Н.Н.* Анализ роли графа И.И. Воронцова-Дашкова в судьбе Кавказа конца XIX − начала XX вв. // Личность. Культура. Общество. - 2013. - Т. XV. - № 2 (78). - С. 218-224.

19. *Тумаков Н.Н.* Первая русская революция и восстановление наместничества на Кавказе // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. - 2010. - № 2. - С. 29-38.

20. *Флоринский М.Ф.* Совет министров и кавказское наместничество // Вестник ЛГУ. - 1984. - № 2. - С. 24-28.

21. *Флоринский М.Ф.* Центральная власть и кавказская администрация в системе управления Российской империей в 1905-1914 гг. // Центр и регионы в истории России. Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия. Сборник научных статей. - СПб.: «Скифия-принт», 2010. - С. 380-411.

УДК 9 (И) 470 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-41-47**

НАМЕСТНИК КАВКАЗА И.И. ВОРОНЦОВ-ДАШКОВ: ПРОГРАММА СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

А.С. СОКОЛОВ

Рязанский государственный радиотехнический университет
390005, г. Рязань, ул. Гагарина, 59/1
E-mail: falcon140770@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается факторы обострения исторически сложившихся противоречий на Кавказе в начале XX в. Анализируется деятельность кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова по основным направлениям: аграрные преобразования,

реформа местного управления, развитие начального образования. Особое внимание уделяется вопросу его взаимоотношений с премьер-министром П.А. Столыпиным, в том числе, и в области решения проблем социальной политики на Кавказе. В статье исследуются различные аспекты решения царскими властями антикризисной программы на Кавказе.

Ключевые слова: аграрный вопрос; государственная политика; И.И. Воронцов-Дашков; Кавказ; наместничество; П.А. Столыпин; революция; социальная политика.

THE CAUCASUS' VICEROY I.I. VORONTSOV-DASHKOV: HIS PROGRAM OF SOCIAL REFORMS AND PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION

A.S. SOKOLOV

Ryazan State Radio Engineering University
390005, Ryazan, Gagarin street, 59/1
E-mail: falcon140770@yandex.ru

Abstract. The article discusses the factors causing the aggravation of historical contradictions in the Caucasus in the beginning of XX century. The activities of the Caucasian Viceroy (Tsar's legate) I.I. Vorontsov-Dashkov in the main areas: agrarian transformation, local government reform, the development of primary education are analysed. Special attention is paid to the question of his relations with Prime Minister P.A. Stolypin, including the solution of problems of social policy in the Caucasus. The article examines various aspects of the implementation of anti-crisis program in the Caucasus.

Key words: agrarian question; public policy; I.I. Vorontsov-Dashkov; the Caucasus; Viceroyalty; P.A. Stolypin; revolution; social policy.

АДЫГСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОБЫТИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА 1917-1920 гг.: СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

З.Я. Емтыль

Одним из наиболее значительных явлений истории XX века, предопределивших сложные трансформационные процессы не только центре, но и национальных окраинах России, стали революционные события 1917-1920 гг. Переломный характер революционных преобразований в России и роль интеллигенции в них определили устойчивый научный интерес к проблеме «интеллигенция и революция». Однако данная проблема так и не стала предметом специального исследовательского внимания в адыгском контексте, несмотря на заметную политическую активность, проявленную национальной интеллигенцией в условиях распада империи и противоборства различных социальных сил и идейно-политических течений.

Хотя специальных исследований по проблеме не имеется, она с разной степенью полноты нашла отражение в работах по истории революционного движения и Гражданской войны на Северном Кавказе. При этом стоит отметить, что характерной особенностью освещения темы в советской историографии было присутствие большого числа идеологических штампов. Их преодоление обогатило возможности разработки темы, что отразилось в появлении ряда исследований, основанных на новых подходах и введении в научный оборот ранее не изученных материалов, позволяющих значительно расширить границы видения проблемы [1; 10; 11; 14; 17].

Крушение основ прежнего порядка в 1917 г., масштаб революционных потрясений и неопрелделенность их конечного результата поставили народы России перед необходимостью активного осмысления происходивших событий и поиска путей дальнейшего общественно-политического развития. Во главе этого процесса стояла национальная интеллигенция. Специфические условия существования адыгов определили тот факт, что центральной вопросом их общественной жизни стал национальный вопрос. В новых политических обстоятельствах интеллигенция ощутила не только возможность создания условий для сохранения национальной, культурной самобытности своего народа, но и его самоопределения.

Буржуазные свободы, под знаменем которых произошла революция порождали надежды, связанные с организацией национальной жизни. Политические силы, преследовавшие цели «глобального» общественного переустройства следили за этими процессами, оценивая проблемы и возможные ресурсы для реализации собственной стратегии. Характеризуя политическую ситуацию на национальных окраинах в этот период И.В. Сталин справедливо отмечал общую тенденцию: «Веками угнетавшиеся и эксплуатировавшиеся «старым режимом» национальности России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. «Ликвидация национального гнета» – таков

был лозунг движения… Во главе движения шла национальная буржуазно – демократическая интеллигенция» [23, с. 156].

Активно включившаяся в политические процессы национальная интеллигенция продемонстрировала понимание того, что все северокавказские народы должны консолидировать свои усилия в борьбе за повышение своего статуса не только на уровне отдельных областей и этносов, но и всего региона. Подтверждением тому служит создание весной 1917 г. в Петрограде Особого Комитета горцев Северного Кавказа. В него вошли представители демократической интеллигенции региона, озабоченные судьбами своих народов, не желавшие упускать благоприятный момент для национально-демократического развития края [15, с. 96]. Двое из десяти его членов были адыги: Айтек Намитоков и Измаил Алтадуков [27, л. 143].

В специальном обращении Комитета к горцам Северного Кавказа подтверждалась необходимость объединения всех северокавказских народов на пути самостоятельного развития [27, л. 143]. Понимая судьбоносность текущего исторического момента, члены Комитета стремились в максимальной степени использовать сложившиеся политические обстоятельства в интересах горцев. Они настаивали на немедленном создании постоянных органов местного самоуправления на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования с тем, «чтобы быть готовыми к организации на правильных началах выборов в Учредительное Собрание», в котором горцы «должны быть представлены достойным образом» [27, л. 143].Свое предназначение члены Комитета видели во «всестороннем использовании своего пребывания в столице, в центре политической жизни страны, в смысле непосредственного немедленного отстаивания перед правительственными учреждениями и руководящими политическими организациями выдвигаемых текущим моментом требований или интересов горцев…» [27, л. 143].

Особо отмечалась необходимость организационного оформления движения горцев за свои права. При этом рекомендовалось не ограничиваться созданием национальных или племенных комитетов. Отмечалась значимость создания горских областных организаций [27, л. 143].

Безусловно, содержание и направленность общественно-политической деятельности адыгской интеллигенции в революционных условиях определялись во многом внешними факторами. В сложный период противостояния различных общественно-политических сил она пыталась заручиться поддержкой тех, кто, по ее мнению, мог способствовать обеспечению адыгских национальных интересов. О политических настроениях адыгской интеллигенции красноречиво свидетельствует признание известного мусульманского просветителя Н. Цагова о том, что в эти годы он отдавал себя исключительно «на службу узконациональному вопросу и был большим националистом» [24, с. 185].

Политическая ситуация в стране диктовала ориентацию на прагматичное поведение. В тоже время адыгская интеллигенция оставалась гораздо более индифферентной в отношении классовой и социально-экономической политики боровшихся за власть политических сил. Данный факт определялся как

значимостью проблемы национального самосохранения, так и классовой природой интеллигенции, в которой преобладали выходцы из социальных верхов адыгского общества.

Основная часть адыгских общественных деятелей выступила с поддержкой буржуазно-демократических преобразований в стране. Ее идейными лидерами стали в Адыгее Б. Шарданов, А.Намитоков, М. Гатагогу, в Кабарде П. Коцев, Г. Сохов, М. Абуков, З. Даутоков-Серебряков. Они были убеждены в том, что самоуправление и автономию адыги могут получить путем сотрудничества с Временным правительством [21, с. 8].

В результате была развернута активная деятельность по «вхождению» в новые органы власти. 8 марта 1917 г. в Екатеринодаре состоялось собрание горцев Кубанской области, которое выразило признание новой власти и готовность сотрудничества с нею. На собрании были обсуждены вопросы, связанные с оказанием поддержки новой власти и укреплением ее позиций на местах [21, с. 8].

По мере развертывания революции на фоне углублявшихся противоречий, все четче стала осознаваться необходимость консолидации усилий всех горских народов Северного Кавказа в целях реализации национальной автономии. 1 мая 1917 г. во Владикавказе состоялся I съезд горских племен Северного Кавказа. Съезд вынес решение об образовании Союза объединенных горцев и племенных образований. Основой для объединения северокавказских народов являлась компактная территория их расселения, близость исторических судеб, культур, обычаев, религии, идентичность национальных проблем [16, с. 195].

На съезде был избран Временный Центральный Комитет объединенных горцев. В результате стремление горских народов к самоопределению и образованию национальной автономии нашло свое выражение в создании «Союза объединенных горцев» [1, с. 35].

Важным итогом деятельности I съезда горских народов Северного Кавказа стало принятие политической программы и Конституции «Союза объединенных горцев». В программе союз высказался за федеративный принцип государственного устройства России. Целью деятельности Союза было признано создание горской национально-территориальной автономии в составе Российской федеративной демократической республики. Выражалась уверенность, что только союз организованных горцев сможет через своих представителей осуществить «эту великую задачу» [22, с. 50]. При этом каждый из народов признавался автономным в области своих внутренних народнохозяйственных интересов [22, с. 51].

Делегаты съезда высказались в поддержку Временного правительства. Важно отметить, что съездом была определена политика сотрудничества с казачьими верхами, которые также добивались поддержки горцев. В течение мая – ноября 1917г. Союз объединенных горцев фактически консолидировал общенациональное движение, став первым опытом по проектированию национально-государственного развития народов Северного Кавказа. Он играл роль основного законодательного органа общенационального самоуправления в защите общих для всех горских племен политических, социальных и культурно-национальных интересов [16, с. 195].

Острота «политического момента» в свою очередь приводила к стремлению со стороны Временного правительства объединить все политические силы Северного Кавказа, что требовало поиска компромиссов с национальной элитой горских народов. Комиссар Временного правительства на Кубани К. Бардиж сформировал Кубанский областной исполнительный комитет, ставший органом временного правительства на Кубани. В его состав, наряду с казаками и иногородними, вошли адыги П. Коцев и П. Султанов.

Впервые в истории существования в рамках российского государства адыги получили возможность непосредственного участия в составе региональных органов власти и возможность влиять на политику местных властей. Это вызвало воодушевление у адыгской интеллигенции, вселяя оптимизм по поводу возможности положительного решения вопроса об организации самоуправления.

3 апреля 1917 г. по инициативе горской интеллигенции в станице Баталпашинской был созван съезд уполномоченных мусульманского населения. Съезд признал Временное правительство как высший орган государственной власти в России и «для упорядочения гражданской правовой жизни горцев» постановил образовать гражданские комитеты на местах (в то время опору Кубанско-буржуазного правительства) и избрал в Кубанский временный Исполнительный Комитет двух представителей от адыгов [19, с. 43].

Почувствовав некоторую политическую свободу, адыгская интеллигенция принялась за осуществление одной из своих давних целей, заключавшейся в повышении политической значимости своего народа. На состоявшемся в конце марта начале апреля 1917 г. в городе Новороссийске Съезде горской интеллигенции края было принято решение о необходимости издания газеты «Горская жизнь», которая должна была вести работу по разъяснению горцам их прав, стать «трибуной, с которой могло бы раздаваться слово, имеющие какое либо отношение к горской жизни» [17, с. 96]. Одной из целей газеты была признана необходимость ознакомления широких кругов русского общества с жизнью своего народа. Таким путем предполагалось сформировать «правильное отношение» к адыгам со стороны других этнических групп [17, с. 96].

Осознавая настороженность казачьих верхов по поводу стремления к национальному самоопределению, адыгские общественные деятели на первых порах всячески пыталась завуалировать свои политические цели. В этой связи на состоявшемся в Екатеринодаре собрании горцев Кубани было заявлено об отсутствии со стороны горцев стремления «к какому-либо особому краевому выделению или автономии» [15].

Обострившиеся к лету 1917 г. политические противоречия между Советами и органами Временного правительства неизбежно приводили к нарастанию в центре анархии, что не могло не приводить к радикализации общественных настроений. Стремясь оградить Северный Кавказ от влияния большевиков и нарастания революционного движения, политически ангажированная часть адыгской интеллигенции пошла на сближение с

лидерами казачества. Ею была развернута широкая агитационная работа в поддержку Кубанского Войскового правительства.

Следует заметить, что инициатива в сближении с горцами принадлежала казакам, которые стремились создать на Кубани твердую базу для борьбы с радикальными партиями и в первую очередь с большевиками. С апреля 1917 г. наблюдался «приток» в аулы «агитаторов», проживавших ранее в городе, занимавшихся «обработкой» аульской интеллигенции в духе, «угодном» Кубанскому Войсковому Правительству и выступавших за союз с казачеством, стремясь тем самым вовлечь адыгов в гражданскую борьбу [19, с. 45].

Если попытаться уйти от идеологических штампов, сложившихся в советской историографии, то следует признать, что главной причиной сближения политически активной части адыгов с казачеством была не близость «классовых интересов», а стремление в условиях нараставшего в стране политического хаоса, слабости центральной власти найти в казачестве реальную политическую силу, союз с которой позволил бы достигнуть собственных политических целей.

С 10 по17 августа 1917 г. в ауле Хакуринохабль проходил съезд адыгов Кубанской области. Повестка дня съезда включала наиболее значимые для общества вопросы: о текущем моменте, о судебной реформе у горцев, о местном самоуправлении, о духовном управлении, об отношении горцев Кубанской области к абхазскому народу, о турецко-подданных горцах Кубанской области, о горцах – переселенцах в Турцию, о народном образовании и аграрный вопрос [6, л. 240].

В частности, заслушав доклад С. Шахим Гирея о национально-политических задачах горцев, съезд признал необходимой формой правления демократическую республику на территориально-федеративных началах областной автономии [6, л. 240].

Учитывая объективно существовавшую сложность определения административно-территориальных границ на Северном Кавказе, особого внимания заслуживает предложенный участниками съезда способ выделения автономии горцев. В соответствии с ним, при введении автономии областей на Северном Кавказе предлагалось изменить существующее административно-территориальное деление на области и отделы в соответствии с экономическим тяготением и национальными особенностями населения.

Горские племена Кубанской области в виду разбросанности их по отделам и невозможности сгруппировать на единой территории предлагалось выделить в особые округа с главным управлением в Екатеринодаре. Аулы же, расположенные в округах с русским населением при введении местного самоуправления должны были пользоваться правом представительства [6, л. 240].

Принимая во внимание абсолютное преобладание на Кубани русского населения, делегаты съезда отметили необходимость при выборах в разные учреждения по управлению областью соблюдать принцип гарантии представительства от меньшинства [6, л. 240]. Национальная автономия горцев Кубанской области и Черноморья должна была реализовываться через

избранные на съезде Горский Областной Кубанский Комитет и Горский Областной Кубанский Совет, перед которыми ставились следующие задачи: «1. Поддержание всеми мерами завоеваний революции и борьба с контрреволюцией; 2. Последовательное и планомерное проведение в жизнь начал, завоеванных революцией, и подготовка горского населения к выборам в Учредительное Собрание; 3. Охрана порядка и спокойствия в аулах; 4. Проведение в жизнь культурно-просветительских задач; 5. Возможно широкое ознакомление горского населения с текущим моментом путем воззваний, лекций и т.п.» [6, л. 239].

Содержание предложенного проекта национального самоопределения через автономию в рамках Российской Федеративной республики свидетельствует о том, что он исходил из конкретных реалий жизни народа и открывал возможности для его национально-демократического развития.

В числе важнейших политических вопросов, обсуждавшихся на съезде, был вопрос об объединении горцев с казаками в союз «с целью отстаивания своих интересов в смысле неприкосновенности, земли и политических идеалов, в будущем Учредительном Собрании» [19, с. 45]. Следует отметить, что в среде адыгов не было единства мнений по данному вопросу. Основная часть высказывалась за союз с казачеством, видя в нем наиболее влиятельную политическую силу, без содействия которой в условиях политического хаоса и ослабления центральной власти решение вопроса о повышении правового статуса адыгского народа не представлялось возможным. В результате деятельности по консолидации усилий казачества и горцев по вопросам защиты национальных интересов в буржуазных представительных органах власти возникло решение о создании межнационального регионального объединения Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. О его создании руководство Союза объединенных горцев и казачьи верхи провозгласили 20 октября 1917 г. во Владикавказе. Целью Юго-Восточного союза было формирование конфедерации автономных национально-государственных образований для совместного решения горской и казачьей элитой региональных проблем. Однако свою работу Союз так и не начал в связи с революционными событиями октября 1917 г., изменившими расклад политических сил в стране [17, с. 161].

Надо отметить, что среди адыгов были и те, кто был против союза с казаками. Данная позиция была обусловлена пониманием того, что между казаками и иногородними назревают серьезные противоречия, которые могут перейти в схватку с оружием в руках. Причиной тому было стремление казачьих верхов сохранить свои привилегии и главенство в Кубанской области. У горцев же не было причин ссориться с иногородними, они не претендовали на горские «гнилые клочки земли». Более того, осознавалось, что если «горцы пойдут на союз с казаками, то это для них кончится бедой» [18, с. 20].

Особенно активно данную точку зрения отстаивал Айдамир Намитоков. Он отмечал, что горцы Кубани и Черноморья живут «разбросанными» среди казачьих и иногородних поселений, что создает невыгодное положение при «возникновении каких-либо серьезных событий» [18, с. 20]. Как показала

история, данная точка зрения оказалась пророческой для адыгского народа. Примечательно, что сторонников объединения горцев с иногородним населением на съезде не нашлось [6, л. 239].

Революционные события в России позволили адыгам по новому поставить вопрос об исправлении последствий Кавказской войны. Принимая во внимание, что часть горского населения переселилась в Турцию после покорения Кавказа из религиозных и политических побуждений, съезд постановил: считать всех переселившихся в Турцию горцев «политическими эмигрантами и просить Временное правительство дать им возможность после окончания войны вернуться на Родину на правах граждан Российского государства» [6, л. 241].

Смелость и актуальность предложенного на съезде способа решения вопроса о горцах-переселенцах в Турции позволяет современным историкам расценивать решения, принятые на съезде, как «вершину» работы съезда [14, с. 110]. В целом уровень организации, характер выносимых на обсуждение вопросов и результаты работы Хакуринохабльского съезда позволяют говорить о способности политически активных адыгов ставить и решать наиболее важные вопросы общественной жизни.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. резко изменил ситуацию, обострив политические и социальные противоречия. В условиях углублявшегося социально-экономического, политического кризиса в России наметились серьезные изменения в политической ориентации адыгского населения Кубанской и Терской областей. Если Кубанской области, в условиях безусловного доминирования казачества, адыги были склонны продолжать курс на союз с ним в целях совместного решения региональных проблем, то адыгские общественные деятели Кабарды осуществляли политическую деятельность в условиях острого конфликта отдельных групп населения Терской области с казачеством.

Большое влияние на политическую ориентацию адыгов Кубани оказала политика лидеров кубанского казачества. Стремясь «заполучить» в лице адыгов союзника в борьбе за создание самостоятельной казачьей республики и антибольшевистской деятельности, они допустили в состав Кубанской законодательной рады девять представителей от горцев, причем шесть из них были адыги: Султан-Шахим-Гирей, Батир Малахов, Касполет Улагай, Гамид Трахов, Султан Крым-Гирей, Крым-Гирей Шеретлуков [2]. Более того, постановлением Краевой Законодательной Рады и Кубанского правительства адыги были уравнены в правах с казачеством. Тем самым казачество демонстрировало готовность содействовать горцам в решении вопроса о национальном самоопределении.

Такие политические деятели как С. Шахим-Гирей, А. Намитоков и М. Гатагогу откликнулись на этот посыл, продолжив курс на сближение с Кубанской краевой Радой, провозгласившей Кубань самостоятельной республикой, входящей в состав России на федеративных началах (8 января 1918 г.) Под лозунгом борьбы с большевиками и создания национальной автономии ими была проделана большая работа по мобилизации адыгского

населения в добровольческие отряды в помощь войскам краевого правительства. В начале февраля 1918 г. начинается формирование добровольческих отрядов из адыгов в помощь войскам краевого правительства под предводительством С. Килеч Гирея. Для каждого аула была установлена норма пропорционально населению для дачи вооруженных всадников. Помимо этого, объявлялась обязательная явка в распоряжение С. Килеч-Гирея всех ранее служивших в дикой дивизии. В результате данных мобилизационных мероприятий из адыгов-добровольцев был сформирован целый полк [19, с. 85-86]. «Я должен и считаю необходимым теперь указать на ту славную и доблестную роль в борьбе с большевизмом, какую проявили горцы Кубанского края. – отмечал войсковой атаман в своей речи на шестом заседании чрезвычайной Рады, – С первого же дня они заняли определенную позицию, противную Советской власти. С первого же дня здесь образовались воинские части из горцев, которые доблестно в то время служили…» [19, с. 85-86].

Обращаясь к деятельности политически активной группы адыгской интеллигенции в Раде, следует отметить, что она занимала достаточно четкую позицию, направленную не только на удовлетворение политических, социально-экономических интересов своего народа, но и на консолидацию всех сил в регионе для защиты достижений Февральской буржуазно-демократической революции. Адыги, члены Законодательной Рады, как ни одна другая региональная политическая сила, продемонстрировали политическую дальновидность в достижении общественного согласия на Кубани.

Как известно, одним из наиболее острых вопросов в регионе, имевшим первостепенную политическую значимость был аграрный вопрос. Адыги члены Рады, исходили из того, что земельные проблемы в крае должны были быть решены справедливо с учетом интересов всех групп населения как этнических, так и сословных, «что только учет интересов всех сторон в земельном вопросе принесет мир и спокойствие в край и объединит все региональные группы в борьбе с большевиками» [17, с. 152]. Кубанское же казачье войско стремилось во что бы то ни стало сохранить за собой все права по владению, пользованию и распоряжению принадлежащими ему землями [6, л. 5].

Именно адыги, члены Краевой Законодательной Рады, обращали внимание на то, что подобная позиция неминуемо приведет к конфликту интересов не только с горским населением, но и с иногородними, подталкивая их к сближению с большевиками. На заседаниях они настоятельно требовали от казачества поступиться частью своих земельных прав и тем самым предотвратить раскол в обществе. Показательным в этой связи было то, что в защиту иногородних, практически не имевших по новым кубанским законам никаких прав на землю, поднимали свой голос исключительно горские делегаты, «хотя положение горского населения было в новом государственном образовании значительно лучше иногороднего» [17, с. 152].

В частности, С. Шахим-Гирей настоятельно обращал внимание членов Рады на ненормальность отсутствия широких прав у иногороднего населения, подчеркивая, что это «особенно сильно отразилось на всех этапах кубанской революции» [5, л. 2]. Поддерживая эту точку зрения, М. Гатагогу отмечал:

«Решение данного вопроса может быть проведено только лишь уступками казаков в земельной области. Ибо до тех пор, пока казачество не поступится из своих прав в пользу иногороднего населения, до тех пор успокоения не будет» [5, л. 3].

Подобная позиция адыгских депутатов часто воспринималась, как действия, направленные против казачества, и всячески игнорировалась казачьими депутатами, не желавшими поступиться своими интересами. В результате огромная масса иногороднего населения, ущемленная в правах, оказала поддержку большевикам. Остается только предполагать, как могли развернуться события Гражданской войны на Кубани, если бы возобладала позиция адыгских представителей в Законодательной Раде.

Серьезный импульс политической переориентации буржуазно-демократического крыла адыгской интеллигенции дало сближение Кубанского правительства и Краевой Рады с белым движением. Стремление белых воссоздать Россию как единое и неделимое государство, нежелание допускать какой-либо национальной автономии никак не соответствовало устремлениям адыгской интеллигенции. Показательным являлся факт того, что адыгские представители в Кубанской Раде оказались в центре конфликта Кубанского правительства и генерала А.Деникина, не признававшего независимости Кубани.

Члены Рады С. Шахим-Гирей, М. Гатагогу и А. Намитоков активно отстаивали право Кубани на образование независимого государства и были на стороне «самостийшиков», стоявших на позициях конфедеративного устройства России, чего никак не желал допустить А. Деникин. Более того А. Намитоков являлся членом кубанской делегации, подписавшей в июле 1919 г. Договор дружбы в Париже между Кубанским правительством и Междлисом горских народов Кавказа, а также ходатайствовавшей перед президентом США В. Вильсоном о признании Кубани независимым государством.

В ответ А. Деникин издал приказ о предании военно-полевому суду всех членов парижской делегации. В свою очередь Кубанская Рада опротестовала данное решение [4, л. 9, 14]. Заслушав и обсудив приказ генерала А. Деникина, Рада признала, что он «нарушает суверенные права Кубанского края», и постановила «протестовать самым энергичным образом против означенного приказа генерала Деникина» и «требовать его срочной отмены» [8, л. 2].

В своем выступлении на заседании Рады С. Шахим-Гирей заявлял, что «Кубань – независимое государственное образование, а приказ ставит нас в состояние вассального подчинения Главнокомандующему. В этом акте нужно усматривать попытку установить диктатуру власти» [8, л. 2]. Вскоре результатом этого противостояния стал роспуск Рады. Распоряжением Командования белой армии на Юге России из пределов России были высланы с запретом въезда на время Гражданской войны 11 членов Рады, в числе которых были С. Шахим-Гирей и М. Гатагогу, ставшие, как и А. Намитоков, политическими эмигрантами [7, л. 122].

Высылка белой администрацией «из пределов России» наиболее радикально настроенных адыгских представителей в Раде, отстаивавших право

адыгов на национальную автономию, стала проявлением конфликта интересов. Великодержавная политика белых оттолкнула адыгов от союза с казачеством и заставила искать новых политических союзников. Часть адыгской интеллигенции пришла к мысли об отделении от России и создании в союзе с другими северокавказскими и закавказскими народами независимого государства.

Несколько иную направленность имела политическая деятельность адыгов Кабарды. 27 марта 1917 г. в Нальчике был образован Нальчикский окружной гражданский исполнительный комитет, в который вошли активные представители демократически настроенной интеллигенции Г. Сохов (председатель окружного исполкома), И. Абаноков, П. Коцев, М. Абуков, А. Кармов и др [13, с. 326]. Они считали, что Февральская революция открыла для горских народов большие возможности в области национального самоопределения и представления их интересов в центральных органах власти.

В этой связи интерес представляет выдержка из речи З. Даутокова-Серебрякова, произнесенной им на митинге в Пятигорске: «Спокойствие, порядок и законность должны для всех являться лозунгом дня и основанием деятельности. Новое право предоставляет всем слоям населения высказывать свою волю и участвовать в общей жизни. Рабочие, солдаты, крестьяне – все имеют легальные возможности заявить свои требования и добиться их осуществления. Т.е., кто покушается на изменение существующего порядка – суть насильники; им не дороги ни свобода, ни порядок» [29, с. 33]. В условиях фактического безвластия на Северном Кавказе в союзе с идейными лидерами других северокавказских народов Терека либерально настроенная горская интеллигенция попыталась сформировать самостоятельные органы власти.

О слабом распространении среди адыгов леворадикальной революционной идеологии свидетельствует тот факт, что в качестве кандидатов в Учредительное собрание по Терско-Дагестанскому избирательному округу от Нальчикского округа в ноябре 1917 г. от большевиков и эсеров были выдвинуты И.П. Осокин, А.П. Ратнер и А.И. Сахаров., т.е. среди них не оказалось ни одного этнического адыга при том, что адыгское население в Нальчикском округе преобладало над другими этническими группами. Этот факт нашел отражение в мемуарах свидетеля событий К.А. Чхеидзе, который отмечал, что сторонниками большевиков в Кабарде были, «главным образом русские по происхождению; русские и евреи» и что «среди кабардинцев стопроцентных большевиков не было ни одного» [29, с. 27, 28].

В конце 1917 – начале 1918 гг. в Кабарде действовали гражданские исполнительные комитеты, не признавшие новой власти [12, с. 25-27]. Следует отметить, что и в Советах рабочих и крестьянских депутатов, действовавших на территории Нальчикского округа и Терской области позиции большевиков не были сильны. Ведущую роль в них играли эсеры и меньшевики

Показателен обмен мнениями на совещании в Пятигорске 29 ноября 1917 г. В ответ на утверждение о том, что сама жизнь требует передачи власти Советам рабочих и солдатских депутатов З. Даутоков-Серебряков, представлявший на совещании кабардинский конный полк, заявил: «Здесь

высказывались мысли, что инициаторы передачи власти Советам тем самым защищают интересы горцев. За защиту – спасибо. Должен только указать, что большевистское царство в Пятигорске вызовет самое отрицательное отношение со стороны тех, кого вы собираетесь защищать. В Кабарде и Чечне могут совершенно не понять всех ваших благих порывов…» [12, с. 34]. Тем не менее, 4 марта на II съезде народов Терека большевикам удалось добиться признания Советской власти. В результате была провозглашена Терская республика, в состав которой вошла и Кабарда.

Однако «образец коллективной формы национальной государственности» обернулся ограблением Кабарды, поскольку под давлением Терской республики значительная часть кабардинских земель в соответствии с принципом социализации была отдана соседним народам. В итоге «провозглашение советской власти в Нальчикском округе привело к попранию национальных прав кабардинцев в самой важной сфере их жизнедеятельности» [1, с. 41, 42]. Массы адыгов Кабарды стали осознавать, что существование в составе Терской республики не отвечает их интересам. Это побуждало к выработке стратегии поведения, которая в наибольшей степени отвечала бы интересам национального развития. IV окружной народный съезд в августе 1918 г. признал незаконными действия Чрезвычайной земельной комиссии по отмежеванию кабардинских земель. Тем самым, по оценке В.Х. Кажарова, съезд «выступи в защиту территориальной целостности Кабарды» [1, с. 42, 43].

Принципиальную позицию в ходе съезда заняла духовная интеллигенция. Она настаивала на соблюдении Нальчикским округом нейтралитета в вопросах войны и мира. Данная позиция была продиктована желанием сохранения и без того малочисленного кабардинского народа. Хотя Нальчикский округ открыто не заявил о своем выходе из состава Терской республики решения съезда, в основной своей части, противоречили политике Терской республики и свидетельствовали о политической автономии округа. Следует отметить, что позитивное значение для дальнейшего развития округа имело то обстоятельство, что руководящее положение в органах власти заняли представители местной интеллигенции, имеющие достаточно большой профессиональный опыт административной работы и искренне озабоченные будущим народа.

В атмосфере национального подъема летом 1918 г. один из активных общественных деятелей Кабарды З. Даутоков-Серебряков выступил инициатором создания партии «Свободная Кабарда». Положения ее программы достаточно показательны и красноречиво говорят о политических устремлениях адыгов. В частности, в ней провозглашается право Кабарды устраивать свою жизнь на основах самоопределения. С этой целью предлагалось создание Национального Совета «для дел чисто кабардинских». Высказывалась необходимость иметь национальное войско «из честных людей без различия сословий», которое должно было защищать территориальную целостность Кабарды и положить конец увеличившемуся воровству и грабежам.

Учитывая, что З. Даутоков-Серебряков и его сторонники в советской исторической науке причислялись к реакционным кругам буржуазной

интеллигенции, следует остановиться на следующем пункте программы «Свободной Кабарды»: «Партия «Свободная Кабарда» выступает, главным образом, в защиту темного, неграмотного, запуганного простого народа, не знающего своих прав, полученной свободы. Князья и дворяне, которые желают народу блага, обязаны присоединиться к нам. Тех из них, кто вздумает становиться нам поперек дороги, партия объявит врагами Кабарды и предаст их беспощадному народному суду» [25, л. 32].

Содержание данного пункта никак не позволяет относить членов «Свободной Кабарды» к защитникам интересов эксплуататорской верхушки и «душителям свободы» кабардинского народа. Антибольшевистское вооруженное движение, возглавляемое З. Даутоковым-Серебряковым «подчинялось не интересам отдельных социальных групп, а интересам всего народа», пострадавшего в результате решения большевиками земельного вопроса в Терской области за счет кабардинских территорий [11, с. 275, 283].

Следует отметить, что движение, возглавляемое З. Даутоковым-Серебряковым, не имело исторических перспектив в условиях нараставшей борьбы более влиятельных политических сил. Понимал это и он сам. Поэтому в сложившихся политических обстоятельствах З. Даутоков-Серебряков пошел на союз с руководством Добровольческой армии. Его адъютант К.А. Чхеидзе по этому поводу писал: «При других обстоятельствах едва ли бы Заурбек признал нового вождя (имеется в виду генерал А. Деникин)… Но эта вынужденность признания, это «использование момента» и составляли некрасивую его сторону» [29, с. 104].

По мере развития революции адыги оказывались втянутыми в жесточайшую политическую борьбу. Переход части горского населения на сторону советской власти был обусловлен, с одной стороны, великодержавной политикой белого движения, которая грозила горцам возвратом в имперское прошлое, а с другой, грамотно организованной пропагандистской работой большевиков среди горцев Северного Кавказа.

Заявленные большевиками демократические принципы организации государственной жизни новой России, решительное отрицание всех и всяческих форм принуждения в отношении национальностей, отмена всяких национально-религиозных ограничений, признание права народов на самоопределение, призыв свободно и беспрепятственно устраивать свою национальную жизнь [9, с. 40] становились для народов Северного Кавказа более привлекательными, чем лозунг белого движения о «единой и неделимой России». В результате поддержку большевикам в годы Гражданской войны оказывала не только малочисленная леворадикальная часть адыгского общества, но и та, которая не разделяла политической доктрины большевиков.

Ярким результатом пропагандистской работы большевиков стало движение революционных мулл, получившее широкое распространение среди духовенства Кабарды. Характеризуя его горский отдел Государственного политического управления, докладывал в высшие партийные органы, что к активному участию на стороне Советской власти в годы Гражданской войны

«их побуждало скорее бывшее царское иго, чем преданность соввласти» [20, л. 22-24].

В сложившихся политических обстоятельствах именно с Советской властью они связывали возможность реализации своих надежд относительно национального самоопределения и организации общественной жизни народа на основах шариата. Основную массу революционных мулл составили выходцы из адыгской так называемой трудовой крестьянской среды. Принимая деятельное участие в становлении Советской власти на Северном Кавказе, они полагали, что «шариат и советская власть совместимы, т.е. могут работать в контакте» [26, л. 48].

Искренне поверив в возможность революционных преобразований, исходя из исламских традиций часть северокавказского мусульманского духовенства выдвинула лозунги: «За советскую власть, за шариат!», «Национально-освободительного движения» и т.п. [28, л. 15]. По признанию белой администрации именно мусульманское духовенство Кабарды, являясь «корнем большевистской агитации в 1918 году», стало во главе революционного движения [28, л. 15]. Положительную роль мусульманского духовенства Кабарды в борьбе с «остатками феодализма и царским абсолютизмом» признавали и большевики, отмечая, что этому, главным образом способствовала принадлежность мулл в абсолютном большинстве к сословию крестьян и отказ царского правительства в привилегиях мусульманскому духовенству, коими пользовалось православное духовенство [26, л. 47].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что революционные события в России резко активизировали национальное движение на Северном Кавказе, во главе которого стала национальная интеллигенция. Основным содержанием общественно деятельности адыгской интеллигенции, не смотря на разнообразие существовавших политических позиций, было оформление национального суверенитета своего народа.

Содержание и направленность общественно-политической деятельности адыгской интеллигенции определялось во многом внешними факторами. Не смотря на это, она выступила как достаточно независимая сила в смысле выбора политических ориентиров. В сложный период противостояния различных общественно-политических сил интеллигенция пыталась ориентироваться на те, которые в наибольшей степени были способны содействовать решению национальных проблем адыгов. При этом она часто оказывалась гораздо более индифферентной в отношении социально-экономической и классовой политики боровшихся за власть политических сил. По мере развития революции углублялась политическая поляризация адыгской интеллигенции. Помимо ее воли, она оказывалась втянутой в жесточайшую политическую борьбу.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. – Нальчик: Эль-фа, 1999. – 183 с.

2. *Вольная Кубань*. – № 66. – 1 октября 1917 г.
3. *Государственный архив* Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 799. – Оп. 1. – Д. 11.
4. *ГАКК*. – Ф. Р–1542. – Оп. 1. – Д. 7.
5. *ГАКК*. – Ф. Р-1542. – Оп. 1. – Д. 18.
6. *ГАКК*. – Ф. Р–1542. – Оп. 1. – Д. 11.
7. *ГАКК*. – Ф. Р–1542. – Оп. 1. – Д. 16.
8. *ГАКК*. – Ф. Р–1542. – Оп. 1. – Д. 109.
9. *Декреты Советской власти*. – Т.1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Госполитиздат, 1957. – 627 с.
10. *Емтыль З.Я.* Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. 20-х гг. XX в. в очерках и документах. – Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2016. – 228 с.
11. *Жанситов О.А.* Антибольшевистское движение в Кабарде и Балкарии под руководством З. Даутокова-Серебрякова // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНИ РАН. – Нальчик, 2002. – № 9. – С. 275-284.
12. *История Кабардино-Балкарской* АССР: в 2-х т. Т. 2. С Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. – М.: Наука, 1967. – 439 с.
13. *История многовекового* содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.
14. *Кошев М.А.* Штрихи в северокавказском политическом процессе 1917 г. // Кошев М.А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках иллюстрациях и документах (конец XIX – XX вв.). – Майкоп: Качество, 1999. – 195 с.
15. *Кубанские областные* ведомости. – 14 марта 1917 г.
16. *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 328 с.
17. *Машитлев Р.М.* Адыги Северо-Западного Кавказа в революционных событиях и гражданской войне (1917-1920). Дисс… кнд. истор. наук. – Армавир, 2005. – 178 с.
18. *Намитоковы*: память рода / составители Р.Ю. Намитокова, Н.А. Нефляшева, И.А.Нефляшева. – Майкоп: Качество, 2004. – 196 с.
19. *Раенко-Туранский Я.Н.* Адыги до и после Октября. – Ростов н/Д: Крайиздат,1927. – 181 с.
20. *Российский государственный* архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 112. – Д. 385.
21. *Очерки истории Адыгеи*: в 2-х т. Т. 2. Советский период. – Майкоп: Адыг. отд-ние краснодар. кн. изд-ва,1981. – 368 с.
22. *Союз объединенных горцев* Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918). Горская республика (1918-1920). Документы и материалы. – Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии, 1994. – 438 с.
23. *Сталин И.В.* Октябрьский переворот и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. – М., 1951. – Т. 4. – С. 155-167.
24. *Хакуашева М.А.* Новые сведения к биографии Нури Цагова // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. – Нальчик. 2003. – Вып. 10. – С. 3-10.
25. *Центральный государственный* архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). – Ф. Р-197. – Оп. 1. – Д. 38.
26. *Центр документации* новейшей истории Кабардино-Балкарской республики (ЦДНИ КБР). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 80.
27. *ЦДНИ КБР*. – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 36.
28. *ЦДНИ КБР*. – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 45а.
29. *Чхеидзе К.А.* Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. – Нальчик: КБГИИ, 2008. – 120 с.

УДК 947.084.2. (470.62/.64) DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-48-62

АДЫГСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОБЫТИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА 1917-1920 гг.: СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

З.Я. ЕМТЫЛЬ

Кубанский государственный технологический университет
350072, Россия, г. Краснодар, ул. Московская, 2
E-mail: adg1070@gmail.com

Аннотация. В статье на широком фактическом материале исследуется общественно-политическая деятельность адыгской интеллигенции в период революционных преобразований в России 1917-1920 гг. Выявляются направленность и формы политической активности интеллигенции. Делается вывод о том, что основным ее содержанием являлось повышение политического, правового и социального статуса адыгов. В новых политических обстоятельствах интеллигенция ощутила не только возможность создания условий для сохранения национальной, культурной самобытности своего народа, но и его самоопределения. Содержание и направленность общественно-политической деятельности адыгской интеллигенции определялось во многом внешними факторами. Не смотря на это, она выступила как достаточно независимая сила в смысле выбора политических ориентиров. В сложный период противостояния различных общественно-политических сил интеллигенция пыталась ориентироваться на те, которые в наибольшей степени были способны содействовать решению национальных проблем адыгов.

Ключевые слова: адыги; иногородние; казачество; национальная интеллигенция; национальное самоопределение; национальное самосознание.

ADYGHE INTELLIGENTSIA IN THE COURSE OF REVOLUTIONARY DEVELOPMENTS IN 1917-1920: SUBJECT AND GOALS OF SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITIES

Z.YA. EMTYL

Kuban State Technological University
350072, Russian Federation, Krasnodar, Moskovskaya street, 2
E-mail: adg1070@gmail.com

Abstract. In this article on the wide circle of practical materials the social and political activity of Adyghe intelligentsia in the period of the February Revolution's transformations in Russia of 1917-1920 is studied. The trend and forms of political activity of Adyghe intelligentsia are revealed. It is concluded that its main aim was the increase of political, legal and social status of the Adyghes. In the new political conditions intelligentsia felt not only the possibility of creating the conditions for saving national, cultural originality of their people but also of its self-determination. The essence and direction of the social and political activity of Adyghe intelligentsia was determined mainly by the external factors. Despite this, it performed as power independent enough in the meaning of choosing the political guidelines. In this complicated period of the opposition between different social and political powers the intelligentsia tried to orientate for those which at least were able to promote solving the national problems of the Adyghes.

Key words: Adyghes; nonresidents; Cossacks; national intelligentsia; national self-determination; national self-consciousness.

С.А. АЙЛАРОВА О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИХ ПРЕЛОМЛЕНИИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ОЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

Ю.В. Бунькова
А.В. Ахиева
Ф.Ч. Касимова

Проблемы северокавказского просветительства отмечены устойчивым научным интересом исследователей, а развитие этого историографического направления характеризуется глубокой научной преемственностью. Новые поколения исследователей опираются на труды своих предшественников и воздают им справедливую дань. Вместе с тем, важно не упускать из виду те поворотные моменты, периодические «парадигмальные сдвиги», которыми отмечен историографический процесс. В свое время (в 1960-1970-е гг.) такой сдвиг выразился в резком расширении масштабов исследования общественной мысли народов Северного Кавказа «дореволюционного периода» и в складывании самой концепции северокавказского просветительства.

На рубеже XX-XXI вв. сложились условия для двоякого сдвига парадигмальных основ северокавказской историографии. С одной стороны, всплеск национального самосознания вызвал потребность в переосмыслении прошлого народов региона не только в категориях социальной эволюции, но и в терминах историко-политической субъектности и национального развития. С другой стороны, обнаружилось, что Россия в целом и ее народы к концу XX в. еще не завершили процесс модернизации основ собственного социального бытия. В советской историографии история народов Северного Кавказа 1860-1917 гг. трактовалась как незавершенный переход к капитализму, а история советского времени – как вполне завершенный переход к социализму. Теперь актуализировались основанные на теории модернизации концепции западной историографии, типологизирующие Россию XIX-XX вв. как «развивающееся», «переходное» общество «догоняющей модернизации».

С.А. Айларова стала, на наш взгляд, первой, из северокавказских историков, кто системно и глубоко применил к исследованию общественной мысли народов региона и накопленный к концу XX в. исторический опыт; и представление о модернизации не просто как о совокупности «преобразований» (буржуазных или социалистических), а как о широком культурно-историческом процессе; и концептуальные достижения социальной науки в изучении «развития» и «переходности». Этим обусловлена качественная новизна осуществленных ею исследований.

Согласно концепции С.Н. Айларовой, исторический период 60-90-х гг. XIX века дал два крупных социально-исторических типа интеллигенции: просветительски-реформаторский и народнический. Два типа интеллигенции различны по хронологическому признаку (это различные поколения), по характеру идейных влияний и, наконец, по своим социальным

характеристикам. Культурный облик первого (просветительского) типа северокавказской интеллигенции начал формироваться еще в первой половине XIX века, а логика развития второго (народнического) – уже выводит в первые десятилетия XX века [1, с. 10].

В воззрениях северокавказских просветителей 1860-70-х гг. С.А. Айларова структурно выделяет идеалы европеизма, поиск национальной идентичности, этику труда и хозяйствования, осмысление русско-кавказские отношении. А относительно северокавказских просветителей 1880-90-х гг. выделены: основные черты народнического сознания, историзм взглядов, фокус на проблемах социально-экономического развития горских народов, фиксация революция возрастающих потребностей в горском селе, осмысление проблемы «интеллигенция и народ» [1; 2].

С.А. Айларова подробно характеризует черты социально-экономических взглядов северокавказского просветительства. По ее оценке, передовая интеллигенция 1860-70-х гг. – И. Д. Кануков, У. Лаудаев, Ч.Э. Ахриев, А.-Г. Кешев, Д.С. Кодзоков и другие – давали развернутые характеристики хозяйственных занятий и экономических условий жизни населения региона. Труды просветителей этого периода являются одними из самых репрезентативных источников по истории хозяйственно-экономического развития горских народов в XIX веке. Они показывают основные виды производственной деятельности горцев, состояние земледелия и скотоводства, местных ремесел, процесс хозяйственного освоения плоскостных земель, экономические связи коренного населения и влияние хозяйственной культуры русских переселенцев и казаков. В период проведения модернизационных преобразований социально-экономических основ жизни северокавказских народов, на переломном этапе развития возникла необходимость формирования новой хозяйственной культуры. Для просветителей 60-70-х гг. эта задача была связана с защитой хозяйственных интересов горского крестьянства. Именно последнее должно было стать социальной основой нового, адекватного требованиям современности хозяйственного уклада [7, с. 9].

Поколение 1880-90-х гг. – А. Г. Ардасенов, К.Л. Хетагуров, Г.М. Цаголов и другие, – сохранив моральный императив творчества просветительской интеллигенции 1860-70-х гг., ее озабоченность гуманитарно-духовными аспектами преобразований, сумело усилить таковые аналитическим инструментарием. Они давали характеристику кризисному и противоречивому характеру развития капитализма на Северном Кавказе, анализировали становление товарно-денежных отношений в крае, достоинства и отрицательные последствия рыночной экономики для горских народов, ставили вопрос о необходимости модернизации всех сторон жизни [7, с. 10]. В работе А.Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» прослеживается особое качественное состояние горской экономики в пореформенный период. В творчестве Коста Хетагурова в полной мере обозначена главная задача развития горских обществ – формирование подлинного субъекта модернизации в лице народных масс [1, с. 10].

С.А. Айларовой представлено комплексное исследование того, как отразились в работах северокавказских просветителей второй половины XIX века культурно-исторические проблемы модернизации и сопряженная с ними проблема самоидентификации интеллигенции. Ею затронуты все ключевые аспекты этих сложных вопросов.

В творчестве северокавказских просветителей 60-70-х гг. XIX века огромное место занимает тема труда и хозяйственной деятельности. Актуализация этой проблемы в данный период понятна: модернизирующаяся Россия, осуществлявшая реформы, предъявляла к хозяйствованию вошедших в ее государственный и экономический организм горских народов все более возраставшие требования. На переломе исторического развития возникла необходимость обновления трудовой и хозяйственной культуры [3, с. 23]. Поэтому эти вопросы детально рассмотрены в ряде работ С.А. Айларовой.

Просветители всматриваются в социальные слои стоящего перед радикальными изменениями горского общества, стремятся разглядеть в его представителях культурные черты будущих предпринимателей и созидателей, способных к подлинному хозяйственному творчеству. И они находят эти социокультурные черты – и в горском крестьянстве и в бывших горских феодалах [8, с. 3].

В статье «Ценностные доминанты северокавказской экономической мысли 60-70-х гг. XIX века» [3] С.А. Айларова раскрывает взгляды А.Г. Кешева, Д.С. Кодзокова, Ч. Ахриева и И. Канукова о необходимости формирования у горских народов современной хозяйственной культуры в творчестве. Автор показывает, что просветители анализируют национальные традиции хозяйствования и отмечают важность воспитания культурных установок на обогащение и бытовое обустройство, повседневный практицизм и рационализацию хозяйства. Они мечтают о предприимчивости как базовом принципе хозяйственной деятельности горских народов [3, с. 23].

Просветители верят, отмечает С.А. Айларова, что лишь в накоплении капиталов, в спонтанном народном стремлении к зажиточности и хозяйственному творчеству – залог процветания народа и страны. Сам ход событий, требования новой экономической ситуации, по их мнению, покончат с традициями «набеговой экономики», создадут новую материальную основу жизни. Встреча с европейской цивилизацией заставит уйти в прошлое традиции кавказской бранной жизни с ее воинскими ценностями. Просветители видят новые горизонты бытия горских народов, где будут ценны красота созидания и глубина интеллекта, – они радостно приветствуют «зарю новой жизни, жизни труда и мысли». Подъем экономических сил народа, становление современного хозяйствования для просветителей – основа интеграции горцев не только в социальный и хозяйственный организм России, но и в европейскую цивилизацию [3, с. 31].

В ряде работ С.А. Айларовой выявляется идейная доминанта творчества горских просветителей XIX века – стремление к европеизации всех форм жизни и сознания народа [1; 2; 4]. Анализируются различные аспекты просветительской программы европеизации – эмансипация личности, борьба с

косными обычаями, новая этика труда. С.А. Айларова рассматривает как просветителями ставится проблема гармонизации европеизации с социально-культурными традициями народов Северного Кавказа. Европеизация не означала неизбежного разрыва в культурно-исторической преемственности Северного Кавказа – просветители всегда настаивали на совместимости, гармонизации европейских форм жизни и сознания с сохранением национальной специфики горских культур, ставили вопрос не только о преодолении традиций, как источнике архаики и консерватизма, но и их соответствующей интерпретации и отборе, отвечающих задачам современности. Не механическое перенесение на горскую почву европейских институтов, норм поведения и мышления, а соединение достижений Европы с традиционным строем горской жизни, его творческое преобразование. «Если изменение общественных условий основано на принципе прогрессивного развития народа, – писал ингушский просветитель Ч. Ахриев, – и вводимые реформы вполне гармонируют с народным характером, то оно с течением времени незаметно изменит и самый характер народа в том направлении, какое дадут ему руководители народной жизни». Так, в частности, успех судебной реформы на северном Кавказе зависел, по его мнению, от «особенной системы соединять вводимые судебные реформы с такими туземными юридическими обычаями, нарушение которых может неблагоприятно подействовать на ускорение доверия туземцев к правительственным мерам [4, с. 129].

Весьма важным представляется наблюдение С.А. Айларовой, что в воззрениях просветителей 1860-70-х гг. проблема поиска национальной идентичности, совмещается с проблемой взаимодействия модернизирующих реформ и этнических культур горских народов. При рассмотрении ее, а также других аспектов воззрений просветителей второй половины XIX века, о которых мы говорили выше, С.А. Айларова по сути обозначает проблемы социокультурного дуализма в их работах и содержательно их раскрывает.

Северокавказская интеллигенция второй половины XIX века, интеллектуально и эмоционально переживающая драму своей неукорененности, интеллигентской маргинальности, стремится обрести национальную «почву», пытается раскрыть для себя самой и других подлинный облик. Однако, встав на путь культурного самоопределения, погружаясь в истоки, интеллигенция сохранила привязанность к русской и европейской культуре. Будущее национальных культур для нее не сводится к религиозной или фольклорной традиции, оторванной от обогащающего воздействия иных культур. От включения в европейскую цивилизацию, от усвоения ее достижений зависит существование целых народов, обреченных в противном случае на неразвитость и нищету. Технические, научные и социальные достижения Европы необходимы для северокавказских народов, чтобы жить в большом современном мире [1, с. 52].

С проблемой буржуазных реформ, необходимостью европеизации горских обществ связана и историческая концепция просветителей. Северокавказские просветители (У. Лаудаев, Ч. Ахриев, И. Кануков, А. Гассиев, Д. Кодзоков, К. Атажукин) не только мечтают о культивировании в

горских обществах европейских социально-культурных и политико-правовых ценностей, но и смотрят на северокавказскую историю сквозь призму этих ценностей и постулатов [1, с. 79-80].

Деятельность поколения горской интеллигенции 1880-90-х гг. протекает в обстановке углубляющихся противоречий на Северном Кавказе, вовлекаемом в процесс «обуржуазивания». Общественная мысль данного периода, подчеркивает С.А. Айларова, это в первую очередь реакция образованного меньшинства северокавказских обществ на происходившие в крае и стране в целом гигантские изменения: становление товарно-денежных отношений, складывание совершенно новой социальной стратификации, разрушение основ традиционной культуры. В то же время, продолжая традиции предшествующего поколения просветителей, деятели конца XIX века выступают против отживающих феодальных и архаичных институтов и нравов. Творчество всех северокавказских публицистов насыщено протестом против косной и застойной старины [2, с. 218-219]. Они видят изменения в структурах ментальности северокавказских народов, которые произошли в результате модернизационных процессов. Просветители выделяют из системы норм и ценностей, присущих традиционной цивилизации, те элементы, которые противоречат системе норм и ценностей современной цивилизации. Они подвергают критике адаты, кровную месть, абречество, калым, подчиненное положение женщины и др. Бороться с вредными, с точки зрения современной цивилизации, традициями и обычаями просветители предлагали не административным путем, а с помощью образования и воспитания. Вместе с тем, в основе перехода от традиционной к европейской цивилизации, по мысли просветителей, должен лежать социально-культурный синтез, а отнюдь не потеря национальной и культурной самобытности. Однако на определенном этапе он порождает напряженность как на персональной, так и социальном уровне.

Для северокавказских просветителей характерно понимание устойчивой значимости социально-культурных, духовных факторов экономического развития. С одной стороны, они подчеркивали, что включение горских народов в цивилизованное развитие невозможно без формирования у них системы ценностей, близкой европейской, т. е. ценностей труда, достижительности, прагматизма, рационального ведения хозяйства и т. д. С другой стороны, для устойчивого развития и стабильности общества необходимо сохранение традиционной культуры, самобытных ценностных систем, в том числе экономических. Представители передовой интеллигенции понимали, что явления хозяйственной жизни имеют определенные культурные предпосылки, основываются на менталитете данного народа и общества. Просветительская мысль искала равновесие между необходимостью более динамичного развития и сохранением горскими обществами своих национальных ценностей и идентичности [7, с. 11].

Осмысление ситуации социокультурного дуализма северокавказского просветительства второй половины XIX века выпукло показано С.А. Айларовой через анализ творчества отдельных его представителей.

В центре внимания публицистики А.Г. Кешева – пути национального развития и социального обновления горских народов второй половины XIX в. С.А. Айларова отмечает, что в литературных произведениях и публицистике А.-Г. Кешев затрагивает и освещает множество аспектов социально-экономической, хозяйственной и духовно-политической истории адыгских народов. Все эти темы как бы фиксируются в одной проблеме: смогут ли адыги вписаться в реалии наступающей индустриальной цивилизации, воспринять ее трудовые ценности, или превратятся в некий экзотический этнографический заповедник с пугающими европейского туриста всадниками, винтовками, кинжалами и набегами [9, с. 157]. Любовь к труду и хозяйственному творчеству – а А.-Г. Кешев был уверен в том, что они живут в недрах горского крестьянского общества – обязательно помогут народам Северного Кавказа пережить трудности переходного периода, встать на ноги, экономически состояться и стать достойной частью российского хозяйственного мира [10, с. 450]. А.-Г. Кешев в своих произведениях поднимает проблему самоидентификации интеллигенции.

И.Д. Кануков концентрирует внимание на человеческих факторах становления новой экономики, воспитании современной хозяйственной психологии и мышления. Он стремится выявить в социально-культурной ткани горского общества факторы, которые могли бы способствовать развитию продуктивной экономики: это крестьянские трудолюбие и практицизм и «предпринимательский дух» бывшей горской воинской элиты. Непременное условие изменения экономических и бытовых условий жизни горцев – умение учиться трудовым и хозяйственным навыкам у передовых, экономических развитых обществ Европы и России [6, с. 18]. Повести И.Д. Канукова освещают знаменательные для Осетии процессы – формирование в первые пореформенные десятилетия новых ценностных ориентаций в обществе, фиксируют складывающуюся потребность в хозяйственной культуре, отвечающей условиям нового времени. Осетинский просветитель прослеживал судьбу бывшей социальной элиты осетинского общества – алдар, носителей воинского этоса. Столкнувшись в ходе драматических исторических событий с новыми требованиями жизни, отдельные представители этого слоя не только обратились к хозяйственным занятиям, но и привнесли в сферу пореформенной осетинской экономики черты «предпринимательского духа» своих предков: решительность и смелость, отвагу и способность идти на риск [7, с. 10].

Наиболее развернутое и концептуально насыщенной представления проблема социокультурного дуализма нашла в работе А.Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» [5]. В ней осмыслена историческая ситуация «встречи» отставшего традиционного общества (он пишет преимущественно об осетинах, осетинском обществе, хотя касается и чеченцев, и ингушей) с европейской цивилизацией, ситуация включения в мировой процесс буржуазного развития (через российский рынок) аграрного по преимуществу региона. Происходит встреча двух различных фаз исторического развития – и это столкновение несет в себе с исторической, экономической и социально-культурной точек зрения ряд оригинальных моментов [2, с. 263].

А.Г. Ардасенова интересовали адаптивные возможности северокавказских обществ в процессе модернизации. Он анализировал и условия хозяйствования, и традиционную горскую хозяйственную и социальную культуру. Недостаточная земельная обеспеченность, низкий уровень срединной хозяйственной культуры, неразвитость гражданских форм общежития, отсутствие целостности социального космоса – вот факторы, осложнявшие, по мнению А.Г. Ардасенова, для горских народов модернизационный переход. Выход он видел во внедрении новых интенсивных методов агрокультуры, культивировании в народной среде установок на производительное, коммерчески ориентированное сельское хозяйство, воспитании ценностей трудолюбия и рационального хозяйствования. И здесь главная роль отводилась образованию. А.Г. Ардасенов выдвинул идею образования как национальную идею для горских народов, как идею выживания этносов. Без помощи интеллигенции, приобщающей население к знаниям, осуществляющей глубокую переработку, переориентацию горских культур, как считал автор, северокавказским народам не вырваться из «переходного состояния». Стихийное же развитие приведет к «раскрестьяниванию» наций, гибели самобытных культур, деморализации и криминализации общества [7, с. 11].

Таким образом, С.А. Айларова внесла весомый вклад в изучение общественной мысли Северного Кавказа. Можно констатировать, что ее исследования обусловили переход историографии общественной мысли Северного Кавказа второй половины XIX века на качественно новый уровень.

На наш взгляд в основе этого лежит по новому осмысленная актуальность изучения интеллектуального наследия северокавказского просветительства. Дело не только в отношении к нему современных поколений как к национальному достоянию. Дело в том, что сам предмет исследования – общественная мысль народов Северного Кавказа второй половины XIX в. – *содержательно актуален*. Исторические задачи, с которыми она столкнулась еще не решены до конца; вопросы, которые она поставила еще не получили исчерпывающих ответов; поиск самоидентификации не только по отношению к прошлому (к корням), но и к будущему, т.е. поиск достойного места в глобальном и динамичном мире не завершен.

Построенные на понимании этих реалий работы С.А. Айларовой отличаются новыми подходами к изучению указанных проблем. Прежде всего, она впервые в историографии провела комплексное исследование общественной мысли Северного Кавказа, а не ее отдельных национальных вариаций. Благодаря этому ее многогранность и содержательность, предстали полнее и глубже. На первый план выступила не субъективная «авторская» принадлежность тех или иных взглядов, а их соотнесение с объективными историческими трендами и противоречиями. С.А. Айларова рассматривает модернизационные идеи северокавказской интеллигенции в рамках типологических универсалий.

Следствием комплексного подхода к изучению культурно-исторических проблем модернизации стал более детальный анализ всего спектра основных

вопросов и идей в воззрениях северокавказских просветителей второй половины XIX века и более четкая характеристика эволюции социально-экономических взглядов от 1860-70-х к 1880-90- годам. С.А. Айларова впервые выделила такой аспект как проблемы европеизации в творчестве северокавказских просветителей 60-70-х гг. XIX в.

Центр тяжести анализа воззрений северокавказских просветителей в работах С.А. Айларовой лежит в области проблем взаимодействия модернизирующих реформ и этнических культур горских народов. Одновременно, это проблема органичного включения народов региона в российский цивилизационный процесс и соответствующей трансформации структур идентичности на личном и групповом уровне. С.А. Айларова показывает, что восприятие в общественной мысли Северного Кавказа общих целей экономической и политической модернизации России означало для них не «смену идентичности», а усложнение ее структуры. Отсюда – поиск северокавказскими просветителями баланса между необходимостью более динамичного развития и сохранения горскими обществами своих национальных ценностей и идентичности. Впервые в историографии она содержательно определила социокультурный дуализм как долговременную характеристику переходного общества и фундаментальную проблему северокавказской общественной мысли второй половины XIX века. Методологическое значение этих положений не ограничивается хронологическими рамками работ самой С.А. Айларовой и вполне применимо к изучению последующих периодов истории народов Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айларова С.А.* Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. - Владикавказ: СОГУ, 2002. - 213 с.

2. *Айларова С.А.* Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации - Владикавказ: СОГУ, 2003. - 366 с

3. *Айларова С.А.* Ценностные доминанты северокавказской экономической мысли 60-70х гг. XIX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. - 2009. - № 4. - С. 22-32.

4. *Айларова С.А., Бекоева Е.Д.* Проблема европеизации народов Северного Кавказа в творчестве горских просветителей (60-70-е гг. XIX века) // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2015. - №4. - С. 125-134.

5. *Айларова С.А., Кадиева З.Х.* А.Г. Ардасенов – видный представитель кавказского просветительства конца XIX – начала XX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. - 2014. - № 4. - С. 23-27.

6. *Айларова С.А., Суанова З.С.* Предприниматель как новый социально-культурный тип в северокавказской общественной мысли второй половины XIX века (по материалам творчества И.Д. Канукова // Известия Алтайского государственного университета. - 2010. - №4-1 (68). - С. 13-18.

7. *Айларова С.А., Суанова З.С.* Социально-экономические взгляды северокавказской интеллигенции (XIX в.) // Научные проблемы гуманитарных исследований. - 2010. - №1. - С. 5-11.

8. *Айларова С.А., Тебиева Л.Т.* Адыгское крестьянство в период социально-экономических преобразований 60-70-х гг. (о культурно-хозяйственных воззрениях

адыгского просветителя А.-Г. Кешева) // Вестник гуманитарного научного образования. - 2015. - №5 (50). - С. 3-7.

9. *Айларова С.А., Тебиева Л.Т.* Культура и хозяйство: взгляд северокавказских просветителей (конец XVIII- XIX вв.). - Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. - 296 с.

10. *Айларова С.А., Тебиева Т.Л.* «На холме» А.-Г. Кешева (Каламбия): хозяйственный мир горского села // Мир науки, культуры, образования. - 2015. - №5 (54). - С. 448-450.

УДК 930 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-63-72**

С.А. АЙЛАРОВА О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИХ ПРЕЛОМЛЕНИИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ОЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

Ю.В. БУНЬКОВА
А.В. АХИЕВА
Ф.Ч. КАСИМОВА

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: y.bunkova@inbox.ru, anzhela.axieva@mail.ru, kas.fatima2016@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время наблюдается потребность в специальных работах о проблемах изучения исследователями взглядов и деятельности северокавказских просветителей. На современном этапе следует отметить большой вклад С.А. Айларовой в изучение проблем северокавказской общественной мысли. Статья посвящена исследованию С.А. Айларовой социокультурного дуализма в трудах северокавказских просветителей второй половины XIX века. Социокультурный дуализм рассмотрен С.А. Айларовой в контексте исследования осмысления в трудах северокавказских просветителей культурно-исторической модернизации, обусловленной пореформенным периодом. Осмысление культурно-исторической модернизации просветителями, как показывает С.А. Айларова, непосредственно связано с осмыслением развития Северного Кавказа в пореформенный период в контексте российского цивилизационного процесса. С.А. Айларова останавливается на показанных в трудах просветителей изменениях в быту и ментальности северокавказских народов, которые произошли в результате модернизационных процессов.

Ключевые слова: история Северного Кавказа; историография истории Северного Кавказа; культура Северного Кавказа; общественная мысль Северного Кавказа; северокавказские просветители.

S.A. AILAROVA ON CULTURAL-HISTORICAL PROBLEMS OF MODERNIZATION AND THEIR REFRACTION IN THE NORTH CAUCASUS SOCIAL THOUGHT OF THE NINETEENTH CENTURY

YU.V. BUNKOVA
A.V. AKHIEVA
F.CH. KASIMOVA

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Nalchik, Chernyshevsky street, 173
E-mail: y.bunkova@inbox.ru, anzhela.axieva@mail.ru, kas.fatima2016@yandex.ru

Abstract. Nowadays there is a need in special works about the problems of investigators' study of outlook and activities of the enlighteners of North Caucasus. Today we must mention a valuable contribution of Ailarova S.A. to the investigation of the problems of the public thought of North Caucasus. This article is devoted to Ailarova's investigation of problems of social and cultural dualism in the writings of the enlighteners of the North Caucasus of the second part of the 19th century. Ailarova investigated the social and cultural dualism in the context of investigation of comprehension in the writings of enlighteners of cultural and historic modernization of North Caucasus, which was caused by post reform period. Ailarova demonstrates that comprehension of cultural and historic modernization is connected with the development of North Caucasus in the post reform period in the context of civilizational process of Russia. Ailarova underlines the changes in mentality of the peoples of North Caucasus that were noted by the enlighteners in their writings and were caused by the processes of modernization.

Key words: history of the North Caucasus; historiography of the history of the North Caucasus; culture of the North Caucasus; public mind (public thought) of the North Caucasus; North Caucasian enlighteners.

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ИЗДАНИЯ МОНОГРАФИИ А.Н. ГЕНКО «АБАЗИНСКИЙ ЯЗЫК. ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК НАРЕЧИЯ ТАПАНТА»

П.К. Чекалов

Затрагиваемая в данной работе проблема никогда ранее не становилась предметом исследования специалистов, что объясняется двумя основными причинами. 1. Профессор А.Н. Генко при жизни дважды подвергался арестам и умер в тюрьме, и эти факты не способствовали популяризации его научного наследия; 2. Не хватало документов, проливающих свет на историю создания и издания первой монографии об абазинском языке. Сейчас А.Н. Генко реабилитирован (1991), а обнаруженные в самое последнее время архивные материалы позволяют воссоздать почти детективную историю выхода в свет монографии ленинградского ученого.

Из рукописного предисловия к монографии «Абазинский язык. Материалы для характеристики. Грамматический очерк языка Тапанта» (при издании предисловие было снято) мы знаем, что с конца 1927 по весну 1929 года Анатолий Несторович занимался научным изучением абхазского языка и тогда же подготовил рукопись «Грамматики абхазского литературного языка». Считая ашхарский диалект абазинского языка северо-абхазским или зеленчукским наречием абхазского языка, Генко захотел восполнить уже готовую рукопись абазинскими параллелями. Именно для того, чтобы решить задачи сравнительно-диалектологического характера он в августе 1929 г. предпринял поездку по абазинским аулам Черкесской автономной области и набрал солидный полевой материал, тогда же частично обработанный. По признанию самого Анатолия Несторовича, собранные материалы он использовал в различных университетских курсах по горскому языкознанию, которые читались им в Ленинградском государственном университете [12, л. 8].

Когда же осенью 1932 года Г.П. Сердюченко, заведующий лингвистическим отделом Горского научно-исследовательского института (Ростов-на-Дону) и одновременно заместитель председателя Северо-Кавказского краевого комитета нового алфавита, обратился к Анатолию Несторовичу с просьбой предоставить для публикации статьи по горским народам, наряду с исследованиями по убыхскому и чеченскому языкам Генко предложил «тексты фольклорного характера с переводом и комментарием, словарь, грамматический очерк» абазинского языка. Тогда же он высказал желательность «уточнить и углубить материалы, собранные в 1929 г. поездкой на места», которая могла быть осуществлена не ранее июля 1933 года [9, л. 87].

На тот момент абазинский язык оставался одним из самых не изученных, вследствие чего Сердюченко идею поддержал и способствовал тому, что в сентябре – начале октября 1933 г. состоялась еще одна научная экспедиция

ленинградского ученого в абазинские аулы. Поэтому Генко счел нужным в конце предисловия к монографии выразить благодарность Георгию Петровичу и подчеркнуть, что последняя поездка была предпринята по его непосредственной инициативе [12, л. 8].

После завершения командировки Анатолий Несторович выступил с отчетом о проделанной работе на совместном совещании научного совета Горского научно-исследовательского института и краевого комитета нового алфавита (Ростов-на-Дону). И самая первая фраза Анатолия Несторовича «*Имея поручение от Сев. Кав. К.К.Н.* [Северо-Кавказский краевой комитет Нового] *Алфавита и Горского Научно-Исследовательского Института подготовить к началу 1934 года научную грамматику абазинского языка* (наречия Тапанта), очерк абазинской диалектологии и словаря…» не оставляет сомнения в том, что решение о необходимости создания монографии было обговорено заранее [10, л. 1].

Во время обсуждения доклада Сердюченко взял слово и поставил вопрос об установлении конкретной даты предоставления рукописи монографии: «Теперь нам нужно только записать здесь срок. Анатолий Несторович обещал нам к первому января 34 года. Сейчас он просит дать отсрочку на два месяца. Нам нужно этот вопрос решить. Нам важно, чтобы этот материал вышел из печати в мае-июне, чтобы школа могла использовать его в смысле подготовки к следующему учебному году…». Генко на это возразил: «Я позволю напомнить т. Сердюченко, что, когда речь шла об январе, как сроке выполнения мною окончательно обязательства, то предполагалось, что самая поездка состоится не в октябре, а в июне. Не правда ли?»

Для директора института на тот момент вопрос о сроках, видимо, приоритетным не являлся, и, не углубляясь в прения, предложил: «Давайте, товарищи, на этом закончим». Сердюченко же настаивал: «Нужно записать, что срок к первому марта или к первому января. Но, помимо этого, просить Анатолия Несторовича к первому декабря дать статью об абазинско-абхазском склонении. Нужно от него получить подтверждение, что он это обещание выполнит.

Буркин: Подтвердим. Больше нет предложений?» [10, л. 26-27].

В принципе, обсуждение вопроса на этом завершилось. Прошло около восьми месяцев, но Горский институт рукописи абазинской грамматики не дождался. И тогда директор послал Анатолию Несторовичу раздраженное письмо:

«28.05.34.

Академия Наук СССР. Институт Востоковедения. Профессору Генко.

Согласно заключенному Вами с Горским научно-исследовательским институтом договору, Вами должна быть предоставлена к 15 марта 34 года в готовом для печати виде работа «Абазинский язык».

По договоренности с тов. Сердюченко срок предоставления В/работы был отложен до 25 мая.

Работа до сих пор Институтом не получена.

Горский институт настоятельно просит с получением этого отношения немедленно выслать В/работу в адрес Института.

В случае неполучения В/работы в ближайшие дни Институт принужден будет расторгнуть заключенный с Вами договор с вытекающими отсюда последствиями.

Ждем обещанных Вами дополнительных материалов по абазинской орфографии.

Директор Института Буркин» [11, л. 16].

О реакции профессора можно судить по обнаруженному в Институте восточных рукописей (Санкт-Петербург) черновику ответа:

«17 июня 1934 г. Ленинград.

Сегодня прибывший из Ростова тов. Павленко передал мне отношение С.К. [Северо-Кавказского] Горского Института, предлагающее под угрозой расторжения договора выслать рукопись Абазинской грамматики «в ближайшие дни». Имею сообщить по сему поводу о нижеследующем.

Согласно устной договоренности с представителем Института, т. Сердюченко, я обязался привезти собственноручно рукопись грамматики в Ростов (в связи с предполагавшимся моим приездом на краевую конференцию Нового Алфавита) к 25 мая с.г. Рукопись около 10 листов, законченная мною в условленный срок, а именно – в последние дни предполагавшегося отъезда (22 числа) не могла быть по понятным причинам своевременно написана во втором экземпляре (запасном), что не вызывало у меня особых опасений в виду намерения моего лично доставить ее по назначению. После того, как выяснилось, что конференция откладывается – о чем мне стало известно лишь за несколько дней до намеченного срока – для меня, естественно, встал вопрос о необходимости застраховать свой труд от случайности и сохранить у себя проверенный текст своего труда, потребовавший в виду его сложности медленной и тщательной переписки, каковая близится в настоящее время к концу – самое позднее 22-23 июня.

В виду того, что в аналогичном положении находится и другая менее существенная часть работы – текстовые приложения, которые потребуют еще около 2-3 недель на переписку, прошу не отказать в любезности уведомить меня безотлагательно, удовлетворяет ли Институт вышеизложенные объяснения или же нет. В последнем случае кропотливая работа по выверке предстоящей под моим наблюдением переписке текстов потеряет свою срочность, и я смогу посвятить свое время другим очередным занятиям.

Проф. Генко» [5, л. 138].

Из ответного письма видно, что Анатолий Несторович был человеком достоинства и никому, даже тем, от кого зависела судьба его исследования, не позволял говорить с собой назидательно, а тем более – угрожающе. Он, скорее,

готов был отказаться от будущей книги, чем сносить повелительный тон по отношению к себе.

Но здесь позволим себе сделать небольшое отступление в иную сферу.

В одном из писем Л.Б. Панек, жена А.Н. Генко, обронила фразу о муже: «Анатолий работает с семи утра до 10 вечера» [1, с. 64]. То есть – 15 часов кряду изо дня в день! Невероятная самоотдача! И письма А.Н. Генко подтверждают, что это не пустословие:

«…Я был с 18 по 25 июля в Москве для утверждения <…> моего проекта цахурского алфавита, с 31 июля по 7 октября я провел свое время в Дагестане и Азербайджане в экспедиционных работах, с 17 по 23 октября опять в Москве с докладом о результатах проведенного мною обследования табасаранской письменности. Что касается того времени – всего примерно месяц <…>, когда я находился в Ленинграде, то здесь я был сплошь занят 1) чтением и исправлением (по существу же писанием заново) безобразной корректуры <…> статьи моей для Вашего злополучного сборника «Языки Северного Кавказа»; 2) писанием в сверхударных темпах статей (числом около 20) по различным народностям Кавказа для издаваемого спешно <…> «Списка языков и народностей СССР», 3) писанием в начале октября спешно же ответной статьи на возмутительную рецензию на меня В. Дондуа, а также к прискорбию и В. Абаева, воспроизводящую анахронически переход 1930-1932 гг. <…>, 4) проверкой и корректированием <…> тех статей по кавказским народностям, написанных не мною <…>.

…Сейчас мне, по решительному и категорическому мнению моего врача, требуется максимальная осторожность и экономия, чтобы не сказать более, расходования сил, ибо я на грани в лучшем случае – временной нетрудоспособности: не отдыхав уже 3 года по существу ни одного дня (написав, в частности, за 1934 г. около 40 печатных листов (из них 9/10 якобы для сверхспешного печатания, что, как выяснилось, «не совсем» соответствует действительности), я должен, тем не менее, успеть дать к началу 1935 г. свыше 20 листов «Табасаранской грамматики», которую будто бы (мало верю, конечно) Академия совместно с ВЦКНА [Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита] будут сразу же печатать <…>. Этого мало: я имел слабодушие поддаться настояниям Коримасова и Анте… [фамилии неразборчивы] совершить поездку в декабре в Махач-Калу и Грозный по поручению ВЦКНА, а по смыслу моих обязательств по отношению Наркомпросса Азербайджана январь частично уйдет на занятия с цахурским… Нужно ли добавлять, что я предпочитаю не думать о завтрашнем дне и уповаю слепо на то, что всё «как-нибудь образуется» вопреки печальной действительности» [6, л. 1].

60 печатных листов за один только год! В переводе на стандартные страницы это составляет около 1500! И это не считая многочисленные разъезды, время, потраченное на экспедиции и отчеты за командировки! При такой колоссальной нагрузке не мудрено было основательно подорвать свое здоровье в не полные 40 лет. Но приведенные фрагменты свидетельствуют не только об исключительной производительности ученого, но и о необычайном

природном даре, без которого даже при самой феноменальной работоспособности выдать столько научной продукции невозможно ни при каких обстоятельствах.

Непомерная перегруженность ученого не давала ему возможности своевременно выполнить свои научные обязательства, и он вынужден был оправдываться перед чиновниками, которым важно было соблюсти букву договоренности.

Теперь вернемся к ответу Генко Буркину 17 июня 1934 г. и тезисно обозначим суть письма:

– рукопись книги объемом около 10 листов была закончена 22 мая;

– в силу сложившейся необходимости отправлять рукопись почтой пришлось заняться ее перепиской, которая должна завершиться 22-23 июня;

– переписка текстовых приложений займет еще около 2-3 недель.

Как же в действительности обстояли дела?

Не совсем так, как излагалось в письме.

Сохранился черновик рукописи монографии. Материалы представляют собой четыре тетради по 24 страницы, исписанных очень мелким почерком. Тетради образованы из сложенных вдвое обычных листов желтой газетной бумаги форматом А4. Так вот: в верхней части первой тетради проставлены даты: «6-V-34 – 26-VI-34» [2, л. 2]. На оборотной стороне 81 страницы записано: «Конец первой части. 27 июня 1934 г. 5 ч. 51 м. утра» [2, л. 81 об.]. После этого Анатолием Несторовичем были дописаны еще 5 страниц: с 82 по 86. Таким образом, в действительности рукопись была завершена в самом конце июня 1934 года. И окончательный ее объем (без предполагавшихся изначально текстовых приложений и словаря, которые, вероятно, обозначали собой вторую часть) равнялся 14,5 печатных листов.

Анатолий Несторович не уложился в отведенные договором сроки (15 марта), не уложился и в сроки, достигнутые по устной договоренности с Сердюченко (25 мая). Задержав подготовку рукописи на месяц, ему потом понадобилось еще некоторое время для перепечатки. В результате Горский научно-исследовательский институт получил рукопись монографии А.Н. Генко в июле 1934 года. Сам Генко говорил об этом в «Отзыве на статью Г. Сердюченко «Личные местоимения и местоименные префиксы в абазинском языке»: «…Автор статьи [Г.П. Сердюченко], в те годы (1932-1937) один из руководящих работников Северо-Кавказского краевого научно-исследов. института и Северо-Кавказского комитета нового алфавита, *заказал мне и в июле 1934 года получил довольно обширную грамматику абазинского языка 14 1/2 печ. листов*» [3, л. 4].

Тогда, конечно, чиновники от науки должны были быть раздосадованы тем, что профессор нарушил поставленные ими плановые сроки, но для самой науки ни тогда, ни сейчас это ровно никакой роли не играло. Для нее, науки, важное значение имело лишь суть уникальной, пионерской работы. Даже с учетом того, что какую-то предварительную обработку собранного материала Генко проводил еще во время самих экспедиций, колоссальный труд его неполных двух месяцев не может не поразить воображения! Бегло очертим круг

основных вопросов, освещенных им в своей монографии: общие сведения об абазинах (расселение, общая численность, взаимоотношения с абхазами, историческое прошлое, история существующих селений, классификация языков и наречий «абаза»), особенности звуковой системы языка, кабардинское влияние на национальную фонетику, абазинский алфавит (гласные, согласные, сонорные, спиранты, взрывные, аффрикаты), явление ассимиляции, слог и его виды, ударение, интонация, словообразование и словоизменение, омонимия, морфемы и их виды, понятие синтагмы, классификация частей речи, междометия, местоимения, существительные, прилагательные, причастия, деепричастия, глагол, наречие, послелоги, числительные, союзы и частицы, словосочетания и предложения… И это все – впервые за многовековую историю абазин!

Ответственным редактором издания предполагался И.И. Мещанинов. Сохранился бланк «Паспорта рукописи», собственноручно заполненный и подписанный академиком:

«Краткая аннотация: Работа представляет в форме грамматического очерка подробную фонетику, морфологию и краткий обзор основных явлений синтаксиса литературного наречия абазинского языка Тапанта, служащего главным орудием языкового общения для абазинской части населения Черкесской Автономной области на Северном Кавказе. Автор не ограничивается в своем изложении простым описанием литературного наречия абазинского языка, но систематически привлекает для сравнения и объяснения описываемых явлений факты ближайше родственных языков Северного Кавказа – абхазского и черкесского. Работа основана на материалах, собранных автором по поручению Академии наук на месте путем двукратного посещения Черкесской области в 1929 и 1933 г.

Акад. И. Мещанинов (подпись).

Краткое заключение: Будучи первой научной грамматикой абазинского языка, работа доктора языкознания А.Н. Генко, уже много лет специализировавшегося на изучении горских языков Северного Кавказа, имеет двустороннее значение – практически-прикладное и теоретическое. Существующая с 1932 г. абазинская национальная письменность лишена до сегодняшнего дня научных пособий по языку, насущно необходимых для успешного разрешения ряда языковых задач, стоящих перед абазинской школой. С другой стороны, абазинский язык представляет значительный интерес теоретический в рамках как специально яфетического, так и общего языкознания по своеобразной его фонетической и морфологической структуре. Потребность в издании подобной грамматики давно и остро сознавалась, вследствие чего инициатива написания настоящей работы принадлежала в 1932 г. местным северо-кавказским организациям.

Подпись ответственного редактора: акад. И. Мещанинов (подпись)» [2, л. 1-1 об.].

Итак, в июле 1934 года рукопись монографии Генко была готова, академик Мещанинов обоснованно рекомендовал ее к изданию. Что же дальше?

Два с половиной года она пролежала без всякого движения, после чего *копия* рукописи была возвращена автору для внесения некоторых поправок. По словам Генко, «работа потребовала кропотливой выверки и исправления, закончена еще в январе сего года [1937] и находится в переписке; предполагаю, что переписка будет закончена через несколько дней и выслана в Пятигорск[1] (объем работы около 16 печ. листов) не позднее первой половины апреля месяца» [7, л. 1 об.].

Но и после доработки рукопись книги, которую столь строго требовали от автора, не была издана ни в 1937-м, ни в последующие годы.

Тем временем был подготовлен к выпуску сборник научных работ «Языки Северного Кавказа и Дагестана», куда была включена и статья Г.П. Сердюченко «Личные местоимения и местоименные префиксы в абазинском языке». В начале ноября 1940 г. материалы издания попали на рецензию к Генко. Познакомившись с ними, профессор высказался против публикации статей Егорова, Касаева и Сердюченко. Обо всем этом становится известно из письма Мещанинова на официальном бланке Института языка и мышления им. Марра, директором которого он тогда являлся:

13 февраля 1941 № 97
ПРОФЕССОРУ Анатолию Несторовичу ГЕНКО

Ввиду того, что в Вашей рецензии на Сборник «Языки Северного Кавказа и Дагестана» есть прямое указание, что статья проф. Г.П. Сердюченко «воспроизводит с некоторыми грубыми ошибками в дополнениях, сделанных автором… соответствующую главу» Вашей работы «Очерк грамматики абазинского языка» «без указания источника заимствования», дирекция Института [не разборчиво] просит Вас передать на [не разборчиво] дня в распоряжение Института Вашу рукопись «Очерк грамматики…» с указанием тех мест, на основании которых Вы сделали Ваши выводы о работе проф. Г.П. Сердюченко.

Институт просит также представить обоснования Ваших возражений против напечатания статей т.т. Егорова и Касаева.

Институт чрезвычайно заинтересован в выяснении вышеуказанных вопросов, так как Сборник выходит под совместной маркой Института языка и мышления им. Марра и Ростовского Пединститута и под редакцией директора Института языка и мышления им. Марра акад. Мещанинова.

Директор Ин-та академик: (подпись) (И.И. Мещанинов).
Ученый Секретарь (подпись) (С.Л. Быховская) [3, л. 1].

И тогда, в феврале 1941 года, Анатолию Несторовичу пришлось на 21 машинописной странице изложить развернутое обоснование своего отрицательного отзыва. Основная мысль его сводилась к тому, что в статье

[1] Краевой центр к тому времени переместился в г. Пятигорск.

Георгия Петровича нет «ни одной самомалейшей крупицы оригинального», а все приводимые в ней факты с конкретными примерами взяты из рукописи книги самого Генко [3, л. 1], которая вот уже почти 8 лет находится в руках Сердюченко. Таким образом, Анатолий Несторович уличил автора статьи в прямом плагиате, в специальном приложении к отзыву на *14 машинописных страницах* (!) приводя конкретные примеры заимствований.

Показав множество погрешностей и изъянов статьи Сердюченко, Анатолий Несторович вынужден был прекратить анализ в виду невозможности «перечислять просто *грубые и грубейшие недочеты, которыми кишат* и дальнейшие строки разбираемой статьи, да это, пожалуй, и излишне. Могу резюмировать свое мнение о статье выводом: *автор не знает или почти не знает того языка, об особенностях которого он взялся информировать русских читателей на страницах серьезного научного издания*, и я считаю долгом предостеречь от помещения подобной работы в академическом издании» [3, л. 4].

Не удовлетворившись этим, Генко напомнил плагиатору необходимость соблюдения профессиональных и этических правил: должностное лицо организации одним фактом заказа другому лицу специального исследования **совершенно неизвестного в науке предмета** и получением в свои руки готового исследования ставит себя в безусловно очевидную моральную и юридическую невозможность использования результатов чужого труда без риска быть обвиненным в злоупотреблении оказанным ему доверием; нельзя публиковать работы совершенно тождественного с заказанным трудом содержания до появления труда пионера в печати [3, л. 6].

Напомним, что эти прописные истины приходилось повторять одному из руководящих работников Северо-Кавказского краевого научно-исследовательского института и Северо-Кавказского комитета нового алфавита.

О научной недобросовестности Сердюченко свидетельствует и более поздняя публикация (1949) специалиста по абазинскому языку, доктора филологических наук К.В. Ломтатидзе. Не вдаваясь в подробный анализ работы, воспроизведем некоторые тезисы из нее:

«Проф. Г. Сердюченко сплошь и рядом искажает действительное положение вещей» [20, с. 169];

«Нет возможности исчерпать в наших замечаниях все случаи подобных искажений в упомянутых статьях проф. Г.П. Сердюченко» [20, с. 169];

«Проф. Г.П. Сердюченко путает времена глагола» [20, с. 169];

«Проф. Г.П. Сердюченко путает местоименно-притяжательные префиксы в данном случае с личными префиксами переходного глагола» [20, с. 172-173];

«Сердюченко обнаруживает полное незнание соответствующих фактов» [20, с. 173];

«Статьи проф. Г.П. Сердюченко не свободны и от противоречий» [20, с. 175];

«В рассмотренных нами работах профессора Г.П. Сердюченко нет почти ни одного положения, которое восходило бы к автору, профессору Г.П. Сердюченко, и не являлось бы спорным» [20, с. 178];

«Даже из того, что отмечено нами выше, с несомненностью следует, что, во-первых, автор рассмотренных нами работ, проф. Г.П. Сердюченко, рекомендующий себя в качестве единственного специалиста по абазинскому языку, не владеет, – говоря мягко, – исследуемым им материалом и поэтому он не в состоянии разобраться даже в элементарных фактах абазинского языка.

Во-вторых, автор, проф. Г.П. Сердюченко, грубо попирая элементарные требования этики советского научного работника, обходит молчанием работы, имеющиеся в его распоряжении и явно им используемые, и позволяет себе даже отрицать их существование» [20, с. 178].

Укажем на то, что К.В. Ломтатидзе была прекрасным знатоком абазинского языка: в 1944 году она выпустила монографию «Тапантский диалект абхазского языка», а в следующем году по этой же теме защитила докторскую диссертацию. Отметим и следующее: когда Кетеван Виссарионовна говорила о имеющихся в распоряжении Сердюченко научных работах, она имела в виду не монографию Генко, а собственные исследования. При всем том, что вывод грузинского ученого близко перекликался с заключением ленинградского профессора, необходимо заметить: публикация Ломтатидзе с отзывом Генко никак не была связана. Таким образом, двое ученых совершенно независимо друг от друга дали уничижительную оценку научной состоятельности третьего лица. И еще одна немаловажная деталь: разгромная статья Ломтатидзе появилась в печати через три года после того, как Г.П. Сердюченко защитил докторскую диссертацию по абазинскому языку (1946).

В «Вестнике Академии наук СССР» по этому поводу сообщалось:

«В развернутом исследовании (600 страниц) на тему «Язык абазин (очерк диалектов, фонетика, морфология, тексты и словарь первичных корней)» подробно изложены общие сведения об абазинах и история изучения абазинского языка, дана характеристика абазинских диалектов и впервые детально описана абазинская фонетика, вокализм и консонантизм. Автор излагает законы абазинского словообразования, освещает основы, на которых построена абазинская письменность, и знакомит с ее историей. Главное внимание в диссертации сосредоточено на всестороннем освещении абазинской морфологии, причем дана подробная характеристика всех частей речи в абазинском языке и показаны его основные синтаксические особенности. После раздела морфологии следуют абазинские тексты с подробным комментарием и словарь первичных корней. Диссертантом приведена подробная литература по вопросу.

По отзыву официального оппонента члена-корр. АН СССР Н.К. Дмитриева, работа проф. Сердюченко «представляет подлинный вклад в науку кавказского и, в известной степени, также и общего языкознания». Занимаясь в течение многих лет изучением абазинских диалектов и принимая активное участие в создании абазинской письменности и учебной литературы для школ, проф. Сердюченко выступает не только как теоретик абазинского языка, но и как практик, как методист его преподавания. В диссертации собран по

первоисточникам редкий новый для науки материал, представленный в стройной, глубоко продуманной научной системе.

Проф. Сердюченко дает впервые исчерпывающее монографическое описание абазинского языка, сопоставляя его факты с языковыми фактами абхазского, адыгейского и кабардинского языков. Материал диссертации содержит много данных и по общелингвистическим проблемам.

Другой официальный оппонент проф. Н.Ф. Яковлев считает, что диссертация представляет собой «капитальный труд по малоизученному и почти неизвестному кавказоведческой науке языку и является работой крупного научного значения».

Актуальность работы проф. Сердюченко и ее значение для кавказского яфетического языкознания отметил в своем отзыве также третий официальный оппонент доктор филологических наук Л.И. Жирков.

Ученая степень доктора филологических наук была присуждена проф. Сердюченко единогласно» [8, с. 129].

Однако необходимо заметить, что диссертация Сердюченко ничего оригинального по сравнению с работами Генко и Ломтатидзе не представляла. Более того, она во многом пересказывала «своими словами» содержание подготовленной к печати еще в 1934 году книги Анатолия Несторовича Генко. Определенная часть научной общественности догадывалась об этом, вследствие чего в 1949 г. была создана экспертная комиссия в составе профессоров Чемоданова, Бокарева, Лаврова, сверившая докторскую диссертацию Сердюченко с рукописью А.Н. Генко и пришедшая к выводу о том, что «в работе Г.П. Сердюченко оказались материалы и соображения А.Н. Генко без соответствующих ссылок». И это заключение было зафиксировано в составленном комиссией акте [19, с. 216], однако ученой степени доктора наук Сердюченко не лишили, а впоследствии он стал даже член-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР.

Почему все это стало возможно?

Вернемся в 1933 год и вспомним, что во время обсуждения отчета Генко о поездке в абазинские аулы Сердюченко, помимо утверждения сроков представления рукописи монографии, вменял в обязанность Анатолия Несторовича «к первому декабря дать статью об абазинско-абхазском склонении» [10, л. 26]. Позже появилась идея запросить от профессора еще статью об абазинской орфографии. И сохранившаяся переписка дает представление о том, что Сердюченко являлся чиновником строгим и требовательным. 9 марта 1934 г. он от лица Горского института просил Генко выслать материал по орфографии не позднее 15 марта [11, л. 6]. Через четыре дня он же направил телеграмму:

«Ленинград Академия Наук Институт Востоковедения Генко
Срочно высылайте абазинскую орфографию.
13.03.34. Сердюченко» [11, л. 18].

Вслед за этим полетела еще одна:

«Ленинград Академия Наук Институт Востоковедения Генко

Высылайте срочно Орфографию. Срывается работа. Сердюченко» [11, л. 24].

Тексты телеграмм наглядно демонстрируют настойчивость, с которой Сердюченко добивался выполнения поставленной перед Генко задачи. Наверно, существовала объективная необходимость в том, чтобы материалы как можно скорее оказались в его руках. Неизвестно, как сложилась судьба статьи по абазино-абхазскому склонению, а вот большая работа по абазинской орфографии Анатолием Несторовичем была выполнена: 26 страниц этого начисто переписанного от руки труда сохранились в архиве Института восточных рукописей. После завершения работы проект орфографии был выслан Георгию Петровичу. *И она не была опубликована. Не только в 1934 году, а – вообще*. Куда же испарилась «объективная необходимость» выполнения заказа? Зачем нужно было терроризировать ученого, если результаты его труда не требовали срочного опубликования? Вопросы повисают в воздухе без ответа.

Прошло четыре года. 9 апреля 1938 года Анатолий Несторович был подвергнут аресту сотрудниками НКВД. 13 мая новый абазинский алфавит и орфография были утверждены народным комиссаром по просвещению РСФСР. Их автором явился не кто иной, как Г.П. Сердюченко. Уже во второй половине 1938 г. он выпустил брошюру под названием «Абазинский алфавит и орфография на русской графической основе». Тогда же он опубликовал статью «Об абазинских диалектах». После освобождения из заключения в самом начале 1940 г. Анатолий Несторович познакомился с публикациями Сердюченко и понял, что последний, пользуясь изоляцией автора, беззастенчиво использовал его материалы и разработки в собственных целях: «Из первой из названных работ я убедился в педагогической действительности своих проектов абазинской орфографии 1933 и след. годов, из второй – об удовлетворительном усвоении автором соответствующей части моей грамматики и способности к изложению диалектологических данных абаз. языка своими словами и без больших ошибок» [3, л. 5].

Но это было не все. Как говорилось выше, в ноябре 1940 г. в составе сборника «Языки Северного Кавказа и Дагестана» Генко обнаружил статью Сердюченко «Личные местоимения и местоименные префиксы в абазинском языке». Тогда же в своей рецензии Анатолий Несторович обвинил Сердюченко в том, что тот с некоторыми грубыми ошибками воспроизводит соответствующую главу его монографии без указания источника заимствования [3, л. 1]. Академик Мещанинова потребовал письменных разъяснений, в ответ на что Анатолий Несторович написал большой отзыв с выводом об отсутствии у Георгия Петровича «самомалейшей крупицы оригинального» [3, л. 1] с подробным сопоставительным изложением перенятого у него материала.

После такого прямого со всеми доказательствами обвинения в плагиате, казалось бы, должен был разразиться грандиозный скандал, после которого уже ничто не могло спасти научную репутацию Сердюченко. К сожалению, мы не обладаем никакими документами, свидетельствующими о том, что против Сердюченко были применены хоть какие-то меры воздействия. Если что-то и

было предпринято, как можно догадаться, отнюдь не радикального свойства. А последующие события (начало Великой Отечественной войны в июне 1941 г., второй арест Генко 1 сентября, его смерть в тюремном больничном изоляторе 26 декабря того же 1941 года, после чего имя и труды ученого были преданы забвению) и вовсе развязали руки любителю легкой наживы. По монографии А.Н. Генко Сердюченко оформил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук и в 1946 году защитил ее. По словам Л.Б. Панек, жены А.Н. Генко, это стало возможно потому, что диссертант находил сильную опору в лице некоторых крупных специалистов, прекрасно знавших все обстоятельства дела, но стоявших на его стороне [13].

И, тем не менее, когда Лидия Борисовна узнала о состоявшейся защите диссертации, она вступила в борьбу за установление истины и в первой половине января 1947 г. передала в партбюро Института Языкознания Академии наук СССР документы, изобличавшие новоиспеченного доктора наук, в том числе и отзыв Генко о статье Сердюченко «Личные местоимения и местоименные префиксы в абазинском языке». Из сохранившегося письма В.К. Тотрова становится ясно, что поначалу все шло обнадеживающе: «Дело приняло хороший оборот и разрешится в положительном плане, т.к. правда всегда всплывает, когда ее ищут. Наш «профессор» все избегает «очной ставки» его диссертации с работой Вашего Анатолия Несторовича, везде старается, ходит как кот вокруг горячей каши. Но мне кажется, ему ничего не поможет. <…> Он сам себя разоблачает тем, что боится экспертизы» [14].

Как отмечалось выше, экспертная комиссия отметила в акте простую истину о том, что «в работе Г.П. Сердюченко оказались материалы и соображения А.Н. Генко без соответствующих ссылок» [19, с. 216]. Когда же и этот вывод никакого действия не возымел (вероятно, благодаря «сильной опоре в лице некоторых крупных специалистов»), Лидия Борисовна предприняла попытку опубликования монографии мужа. Она передала машинописный экземпляр книги «Абазинский язык. Материалы для характеристики. Грамматический очерк языка Тапанта» в Институт языкознания Академии наук СССР. Ученый совет одобрил рукопись и рекомендовал включить ее в план изданий 1953 г. Однако препятствием к печатанию явилось то обстоятельство, что автор был репрессирован. Лидии Борисовне пришлось обращаться в Ленинградское отделение НКВД с просьбой выдать справку о том, что муж ее «не был осужден». Она просила ускорить разрешение вопроса в связи с тем, что «работа эта, один экземпляр которой оставлен был мужем еще до войны у редактора, будет печататься уже под именем присвоившего его редактора» [15].

Тем временем к работе над рукописями Генко была подключена К.В. Ломтатидзе, крупный специалист по абхазскому и абазинскому языкам. Изучив материал монографии, Кетеван Виссарионовна пришла к заключению:

«Данную работу автор написал в начале 1934 г. (она является первым опытом изучения речи тапантинцев). За это время далеко шагнуло вперед языкознание у нас. <…> Но и в том виде, какой она имеет теперь, эта работа составляет большой научный интерес, в ней много новых мыслей. Если б она

была бы издана своевременно, безусловно, оказала бы положительное влияние на исследование абазинской речи.

Следует здесь же отметить, что *эта работа находилась «в пленении» у одного из создателей аракчеевского режима проф. Г.П. Сердюченко*, который, не будучи специалистом абхазско-абазинской речи, *использовал ее и издал отдельные главы ее, как свои работы*, изменив в некоторой степени изложение и внеся туда антинаучные положения «нового учения о языке».

Такими пересказами отдельных глав данной работы проф. А.Н. Генко являются, как это теперь выясняется, «статьи» Г.П. Сердюченко:

– «Об абазинских диалектах» (Сб. памяти Н.Я. Марра, Москва, 1938).

– «Абазинская Фонетика» (Ученые записки Ростовского на-Дону Государств. университета им. В.М. Молотова, т. V. Труды историко-филологич. факультета, вып. 2, Таганрог, 1947 г.).

– «Абазинские местоимения» (Там же).

– «Переходные и непереходные глаголы в абазинском языке». (Язык и мышление. XI, Москва-Ленинград, 1948 г.).

– «О словообразовании в яфетических языках Западного Кавказа» (Ученые записки Кабард. научн.-исслед. института. Нальчик, 1949 г.).

– «Словарь простейших звукосочетаний» («Русско-абазинский словарь», Ставрополь, 1950 г.) и другие.

В этих статьях Г.П. Сердюченко повторяет даже и те ошибки, которые были допущены А.Н. Генко в своей монографии. <…>

Судя по данной работе А.Н. Генко, его безусловно можно было считать лицом, хорошо ориентированным в особенностях абазинской речи!

Итак, издание работы А.Н. Генко и сейчас, после выхода в свет специальной монографии о тапантском диалекте, мы считаем весьма полезным» [4, л. 6-10].

Рецензия была составлена 22 апреля 1951 года и отослана академику Виноградову, но дело продвигалось медленно. Лишь в мае 1954 года стало известно, что книга принята в производство. Сообщая об этом, Кетеван Виссарионовна предупреждала Лидию Борисовну: «Но это не значит, что кое-кто не помешает этому делу. Вы обязательно должны следить за ходом дела. Мне сообщат, если какое-либо изменение будет иметь место, и постараюсь довести это дело до конца, но Ваши права в этом деле не ограничены. Вы должны быть всегда готовы для каких-либо сюрпризов со стороны «уважаемого» Г.П. <…>.

Что друзья помогают Г.П. издать «грамматику» я тоже узнала, тем более надо поторопиться с изданием труда Ан. Нест-а» [16].

Возвращаясь в другом письме к личности Сердюченко, Кетеван Виссарионовна отмечала: «Достаточен и тот факт, что *он защитил докторскую диссертацию чужой работой и задерживает издание работы проф. А.Н. Генко*» [17]. В этом же письме отчетливо была заявлена гражданская позиция и кредо грузинского ученого: «На меня Вы всегда могли и можете положиться. За правду я всегда готова бороться» [17].

В следующем письме Кетеван Виссарионовна сообщала о том, что вычитала, подписала и выслала корректуры в издательство в конце сентября 1955 г. [18].

Таким образом, многострадальная монография профессора Генко через 21 год после своего завершения увидела свет в издательстве Академии наук СССР под названием «Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта» в самом конце 1955 года.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнов С.А.*, Волкова Н.Г., Сергеева Г.А. Вклад А.Н. Генко в этнографическое изучение Кавказа // Советская этнография. – 1987. – № 3. – С. 61-72.

2. *Архив Института* восточных рукописей (СПб). – Ф. 74. – Оп. 1. – Ед. хр. 8.

3. *Архив Института* восточных рукописей (СПб). – Ф. 74. – Оп. 1. – Ед. хр. 78.

4. *Архив Института* восточных рукописей (СПб). – Ф. 74. – Оп. 1. – Ед. хр. 90.

5. *Архив Института* восточных рукописей (СПб). – Ф. 74. – Оп. 1. – Ед. хр. 138.

6. *Архив Института* восточных рукописей (СПб). – Ф. 74. – Оп. 1. – Ед. хр. 141.

7. *Архив Института* восточных рукописей (СПб). – Ф. 74. – Оп. 1. – Ед. хр. 142.

8. *Вестник Академии* наук СССР. – 1946. – № 11 – 12. – С. 129.

9. *Государственный архив* Ставропольского края. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Ед. хр. 41.

10. *Государственный архив* Ставропольского края. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Ед. хр. 50.

11. *Государственный архив* Ставропольского края. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Ед. хр. 57.

12. *Государственный архив* Ставропольского края. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Ед. хр. 258.

13. *Копия письма* Л.Б. Панек Георгию Александровичу (?) от 15.01.1947 г. Из домашнего архива Г.А. Генко.

14. *Копия письма* В.К. Тотрова Л.Б. Панек от 19.3.47 г. Из домашнего архива Г.А. Генко.

15. *Копия заявления* Л.Б. Панек Уполномоченному Ленинградского отделения НКВД. Из домашнего архива Г.А. Генко.

16. *Копия письма* К.В. Ломтатидзе Л.Б. Панек от 26.05.1954 г. Из домашнего архива Г.А. Генко.

17. *Копия письма* К.В. Ломтатидзе Л.Б. Панек от 26.03.1955 г. Из домашнего архива Г.А. Генко.

18. *Копия письма* К.В. Ломтатидзе Л.Б. Панек от 24.10.1955 г. Из домашнего архива Г.А. Генко.

19. *Лавров Л.И.* Памяти А.Н. Генко // Кавказский этнографический сборник. Т. V. – М., 1972. – С. 213-222.

20. *Ломтатидзе К.В.* Некоторые замечания на работы проф. Г.П. Сердюченко по абазинскому языку // Труды Абхазского научно-исследовательского института им. акад. Н.Я. Марра. – Сухуми, 1949. Т. XXIII. – С. 165-178.

УДК 811.352.1 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-73-88**

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ИЗДАНИЯ МОНОГРАФИИ А.Н. ГЕНКО «АБАЗИНСКИЙ ЯЗЫК. ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК НАРЕЧИЯ ТАПАНТА»

П.К. ЧЕКАЛОВ

Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования
355007, г. Ставрополь, ул. Трунова, 71
E-mail: chekalov58@rambler.ru

Аннотация. На основе архивных материалов воссоздается история возникновения и издания первой научной грамматики абазинского языка. В статье отмечается, что профессор А.Н. Генко провел две полевые экспедиции в абазинских аулах Черкесии, в результате чего в июле 1934 г. подготовил и передал для издания в Горский научно-исследовательский институт рукопись монографии «Абазинский язык. Материалы для характеристики. Грамматический очерк языка Тапанта». Она оказалась в руках заведующего лингвистическим отделом Горского института Г.П. Сердюченко, но ни в 1930-е, ни в 1940-е гг. книга не была выпущена. В апреле 1938 г. А.Н. Генко подвергся аресту и заключению в тюрьму. После освобождения в январе 1940 г. ученый узнал, что, пользуясь изоляцией автора, Сердюченко опубликовал три статьи по абазинской тематике, в которых использовал его научные материалы. Анатолий Несторович уличил Сердюченко в плагиате, указав, что в трудах последнего нет «самомалейшей крупицы оригинального». После второго ареста (1 сентября – 26 декабря 1941 г.) и последовавшей смерти имя и труды профессора были преданы забвению. Сердюченко воспользовался сложившимися обстоятельствами, оформил докторскую диссертацию по рукописи монографии Генко и защитил в 1946 году. Это вынудило Л.Б. Панек, вдову Анатолия Несторовича, издать монографию мужа, вследствие чего передала машинописный экземпляр книги в Институт языкознания. Ученый совет одобрил рукопись и рекомендовал включить в план изданий. К работе была подключена К.В. Ломтатидзе, крупный специалист по абхазскому и абазинскому языкам, с помощью которой многострадальная монография под названием «Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта» вышла в издательстве Академии наук СССР в самом конце 1955 года.

Ключевые слова: Генко; Сердюченко; абазинский язык; монография; грамматика; архив; плагиат.

THE HISTORY OF CREATION AND PUBLICATION OF A.N. GENKO'S MONOGRAPH «ABAZA LANGUAGE. GRAMMATICAL SKETCH OF THE DIALECT OF TAPANTA»

P.K. CHEKALOV

Stavropol Regional Institute of a Development of Education, Professional Development and Retraining of Educators
355007, Stavropol, Trunov street, 71
E-mail: chekalov58@rambler.ru

Abstract. On the basis of archival materials the history of the origin and publication of the first scientific grammar of the Abaza language is reconstructed. The article notes that Professor A.N. Genko has conducted two field expeditions in Abaza villages of Circassia, with the result that in July, 1934, the manuscript of the monograph «Abaza language. Materials for characteristics. Grammatical sketch of the language of Tapanta» was prepared and submitted for publication to the Mountain Research Institute. It was in the hands of the head of the linguistic Department of the Mountain Institute G.P. Serdyuchenko, but the book was not published either in the 1930s or in the 1940s. In April 1938, A.N. Genko has been arrested and imprisoned. After his liberation in January 1940, the scientist found out that, using the isolation of the author, Serdyuchenko published three articles on the subject of Abaza, in which his research materials were used. Anatoly Nestorovich

caught Serdyuchenko at plagiarism, stating that in the writings of the latter there is «not a smallest grain of originality». After his second arrest (1 September – 26 December 1941) and the subsequent death the name and the works of the professor were forgotten. Serdyuchenko took advantage of the circumstances, issued his doctoral thesis on the basis of the manuscript of Genco monograph and defended it in 1946. This forced L.B. Panek, the widow of Anatoly Nestorovich, to publish a monograph of her husband. With this aim she handed the typewritten copy of the book to the Institute of Linguistics. The academic Council has approved the manuscript and recommended that it should be included into the publication plan. K.V. Lomtatidze, a prominent specialist on the Abkhaz and Abaza languages took part in this work, and at last the long-suffered monograph entitled «Abaza language. Grammatical sketch of the dialect of Tapanta» was issued by the USSR Academy of Sciences Publishing House at the end of 1955.

Key words: Genko; Serdyuchenko; Abaza language; monograph; grammar; archive; plagiarism.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

З.В. Канукова

Как известно, модернизационная парадигма в качестве достаточно целостной субстанции сформировалась к середине XX века на базе различных аналитических течений и претерпела в своем развитии значительные изменения – от полного отрицания традиции как рудимента прошедших эпох до признания ее значимости в процессах общественных модернизаций. Если классическая теория модернизации противопоставляет инновации традициям, прогнозируя вытеснение, ломку и уничтожение традиций, то современные теории модернизации признают методологическую несостоятельность тезиса о естественном и неизбежном угасании традиционной культуры и включают представления об инновационном потенциале этнических традиций. Ключевыми позициями многолинейной версии модернизации стали признание необходимости существования национальных моделей модернизации в соответствии с социокультурной спецификой, признание важности социокультурного фактора модернизации, взаимосвязи и взаимообусловленности экономической, политической и культурной составляющей модернизации.

Изучение исторического опыта традиционных обществ показывает, что развитие традиции (материальной, социальной, духовной), имеет внутреннюю логику, проходит по своим «законам». Попытки запретить, подавить традицию, которые, как правило, предпринимаются в ходе включения традиционных обществ в широкое инокультурное экономическое, социальное и правовое пространство, могут привести только к нивелированию активных и многообразных, чаще всего, визуальных форм бытования традиции. Развиваясь в течение многих веков, традиция приобретает безупречный механизм адаптации в изменяющихся объективных условиях, в значительной степени основанный на сочетании консервативности со способностью к постоянному обновлению.

Суть современных парадигм модернизации заключается в понимании того, что органичное принятие обществом инновационных экономических технологий возможно лишь в случае, если инновации вырастают из традиций. В частности, С. Хантингтон признал, что современные общества могут включать немало традиционных элементов, а модернизация способна не только сохранить, но и актуализировать традицию [16]. З. Бауман утверждал, что общество обречено на гибель, на полный коллапс социально-нормативной системы, если новые институты коллективности не смогут совместиться с традиционными [1; 2]. Роберт Патнэм считает, что успехов в модернизации

добились именно те регионы, в которых гражданское общество и демократические ценности сохранялись в форме культурных традиций [12].

Указанные авторы, как и многие другие зарубежные и российские исследователи, признают нерациональность радикального отказа от существующей традиции в процессе исторического творчества; модернизация мыслится ими как инновационный процесс, базирующийся на традиции, устойчивой основе общества. Традиция, в свою очередь, не блокирует модернизацию, а ограничивает ее, приспосабливая к существующим отношениям. При выборе моделей модернизации безусловным императивом должен быть учет социокультурной специфики общества, которая выражает определенные константы этнической и национальной культуры.

Анализ исторического опыта народов Северного Кавказа показывает, что в ходе включения в российское административное, правовое, социокультурное и хозяйственное пространство традиционные культуры проявили жизнеспособность, основанную на глубинных уровнях этнического мироощущения и сознания. Самообновленческие функции этнической культуры, подтвержденные социально-культурной практикой многих поколений людей, обеспечивают ее адаптацию к новым экономическим и социальным условиям. Более того, современное общество может использовать традиционный пласт своей культуры в целях инновационного развития. Подобные попытки предпринимаются достаточно активно общественными организациями, различными акционерными обществами; все больше проявляется и заинтересованное участие региональных органов власти.

Однако корректировать качество этого процесса, определять уровень востребованности традиционной культуры современным обществом возможно лишь научными методами изучения культурного наследия. Для этого необходимо научное осмысление единого культурного пространства как совокупности материальных и нематериальных составляющих, несущих функцию самосохранения и адаптации в условиях модернизационных перемен и внешних влияний; определение значимости культурного наследия как ресурсного основания инновационного развития.

Научная составляющая брендирования территории была разработана академиком В.А. Тишковым и апробирована в его проекте «Этнокультурный брэндинг субъектов Южного федерального округа как ресурс для инновационного развития» в рамках Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». Объектом исследования стал «уровень значений (смыслов), а также сама пространственная среда и ее изменения под воздействием человека: культурные ландшафты, поселения, здания и комнаты, организация интерьера и множество других визуальных проявлений пространственной организации». Наряду с визуальными, в понятие культурного пространства включены и «воображаемые пространства» [7; 8; 9; 14]. Инициатива В.А. Тишкова была поддержана исследователями на Юге России, в частности в Республике Северная Осетия – Алания и Республике Южная Осетия, что подтверждается проведением специальных научных

форумов [4]. Объектом исследования могут быть как узнаваемые бренды и образы, отражающие культурную уникальность (танцевальная культура адыгов, осетинское пиво, осетинский сыр, казачий обряд встречи гостей, традиционная карачаевская усадьба), так и потенциальные ресурсы культурного наследия (курортные места, перспективы этнокультурного туризма, отдельные памятные места и даже люди и др.)

Применительно к традиционной культуре Северного Кавказа, к числу объектов материальной культуры могут быть отнесены отдельные территории – памятники природы, архитектурные сооружения, культовые и памятные места, народные промыслы, прикладное искусство, традиционная одежда, орнамент, традиционная ритуальная и повседневная пища и др.

К объектам социальной культуры – советы старейшин, родственные объединения в форме общественных движений, фамильные пиршества, этикетные нормы, традиционные свадебные ритуалы, зрелищные, знаковые обряды жизненного цикла, традиционные игры, развлечения, спортивные состязания и др.

Из объектов духовной культуры весьма перспективными представляются символы и образы Нартовского и других эпосов, сказок, песенной и танцевальной культуры, праздничной обрядности, конфессиональные и праздничные традиции.

Исследование выявленных объектов может проходить по следующей схеме: выявление первоосновы отдельных элементов традиционной культуры, определение последующих напластований, формировавшихся в различные исторические периоды в результате внутренней динамики и внешних влияний; выявление отношения разных социальных и этнических групп к своему культурному наследию и востребованности его отдельных объектов и элементов; разработка системы популяризации и брендирования отдельных объектов культуры, определение сфер применения инновационных возможностей культурного наследия.

Исследование функционально-смыслового содержания историко-культурного наследия позволяет выявить новые функции и смыслы, пересмотреть некоторые устоявшиеся, но безосновательные толкования элементов традиционной культуры, а также определить в культурном наследии объекты, имеющие инновационные ресурсы.

Однако, информация о потенциальных этнокультурных символах, даже качественная и научно обоснованная, не может сама по себе создавать образ-бренд. Необходимо грамотное определение его сущности, позиционирования и стратегии управления, анализ рыночной ситуации, выявление целевой аудитории, исходного состояния и перспектив продвижения бренда, мониторинг и оценка эффективности. В коммуникациях стратегического маркетинга учитываются материальные (сама продукция, ее качество и характеристики, описание преимуществ) и нематериальные (доверие, надежность и другие формы, связанные с ценностными установками социума) компоненты бренда. Многие концепции конкурентной идентичности территории, в частности, «шестиугольник Анхольта» предлагают методику

оценки национальных брендов из 6 элементов: экспорт; управление; культура и историческое наследие; туризм; люди; инвестиции, миграция [6, с. 65; 10, с. 144].

Важную роль играет создание системы визуальной и вербальной идентификации, разработка способов презентации результатов проведенного исследования. К их числу могут быть отнесены различные визуальные источники – фотографии, открытки, каталоги, буклеты и пр. Хороший эффект дает включение объектов историко-культурного брендирования в популярные сериалы, фильмы, телепрограммы и пр. Определенные ресурсы имеют и традиционные изобразительные источники – живопись, скульптура. Огромный потенциал имеет комплексный подход к брендированию, параллельная разработка нескольких брендов с использованием интегрированных маркетинговых коммуникаций. Богатейшие возможности историко-культурного наследия нашего региона позволяют разработать интересные мега-проекты комплексного брендирования, объединить имеющиеся и поддержать перспективные направления.

Кроме теоретической значимости – вклада в сложную и многоаспектную проблему традиционной культуры в условиях модернизационных перемен, поставленная проблема имеет и прикладную ценность. Этнокультурное брендирование выявленных объектов, используемое в развитии различных видов туризма, народных промыслов, в производстве качественной и экологически чистой продовольственной продукции и в других сферах жизнеобеспечения, может способствовать повышению инвестиционной привлекательности, стимулированию малого бизнеса, решению проблемы занятости на селе.

Необходимость разработки новых методик исследования традиционной культуры, в частности системы этнокультурного брендирования, подтверждается отсутствием подобных исследований в регионе, а также появившимися попытками стихийного и неграмотного брендирования традиционной культуры со стороны бизнес-сообществ. Продвижение этнокультурных брендов имеет также информационную значимость в общероссийском масштабе, в плане нивелирования негативного имиджа кавказских народов, сложившегося в последние десятилетия, и создания мультикультурного позитивного образа региона.

Возрождение этнической культуры представляет собой позитивный социокультурный феномен современности, но как показывает опыт прошедшего двадцатилетия, может сопровождаться проявлениями нетерпимости по отношению к другим культурам. Межнациональные и межконфессиональные проблемы часто возникают от непонимания иного способа мышления, менталитета, этических ценностей. В связи с этим особое значение приобретает позитивное формирование этничности, которое предусматривает знание своей традиционной культуры, понимание и уважительное восприятие культур других этносов.

Традиционная культура, обладая мощными защитными механизмами и адаптационными возможностями, может стать важным ресурсом в

выстраивании конструктивного межэтнического и межконфессионального диалога. Для грамотного использования этого ресурса необходима разработка определенных методик этнокультурного брендирования, которое предполагает изучение и осмысление культурного пространства, насыщенного многочисленными материальными и духовными символами, образами, их выявление и продвижение с целью укрепления своей национальной идентичности, формирования позитивного имиджа и оживления социально-экономической и культурной жизни региона.

Представляется перспективным использование системы историко-культурных и этнологических брендов в развитии контактов соседствующих культур на Северном Кавказе. Для этого необходимо выявление и использование этнокультурных образов, общих и понятных для всех народов региона. Таковыми могут стать многие элементы материальной, социальной и духовной культуры (традиционный этикет, песенное и танцевальное искусство, национальный костюм, национальная кухня, нартовские сказания и др.)

Обязательным условием инновационного развития России, и особенно Северного Кавказа, является интеграция его народов и культур, укрепление этнической, общерегиональной и общероссийской идентичности. Система историко-культурных и этнологических брендов может способствовать решению этих задач.

В этой связи представляется перспективным создание в районе Кавказских минеральных вод «этнографической деревни», визуального «общего дома», где будут представлены этнические бренды - традиционные дома и подворья народов региона, включающие этношопы, этнорестораны, этномастерские и пр. Территория этнографической деревни может использоваться как площадка диалога культур для всего региона, места проведения различных фестивалей, форумов, научных, культурных и других мероприятий, способствующих воспитанию этнической и конфессиональной толерантности, установлению межнационального согласия.

Трудно переоценить значимость такой площадки для воспитания подрастающих поколений. С сожалением приходится признать, что на Северном Кавказе выросло поколение, не знакомое с соседствующими общностями и культурами, а перепалки части молодежи в интернете имеют явный националистический оттенок. Поэтому формирование позитивных социально-культурных практик становится первоочередной задачей.

Особого внимания заслуживает, в этой связи, межрегиональный молодежный проект «Построй свою башню», организованный министерством по делам молодежи, физической культуры и спорта Республики Северная Осетия-Алания.

Башня – неотъемлемая часть горного ландшафта, яркий символ культурного наследия многих кавказских народов, в котором отразились уникальность строительной техники, мастерство зодчих, каменотесов, каменщиков, оставивших потомкам великолепные монументальные сооружения, привлекающие внимание исследователей и путешественников.

Многочисленные легенды и предания, связанные с башнями, являются и частью духовной культуры, в частности устного народного творчества.

«Башню дружбы» возвели в поселке Верхний Фиагдон Северной Осетии молодые люди из всех республик Северо-Кавказского федерального округа. 24 волонтера из Ставропольского края, Чечни, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Дагестана, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии строили башню, как это делали их предки - обтесывали камни, размешивали раствор, а заодно учились у опытных мастеров азам строительной кладки. Башню возвели возле популярного в республике места отдыха школьников и студентов - туристического краеведческого центра «Барс». Для участников были организованы тренинговые занятия, направленные на развитие толерантного сознания, укрепление межэтнического диалога, экскурсии по культурно-историческим местам Северной Осетии [13]. Выбор этнокультурного бренда «башня», общего и понятного для многих северокавказских народов, представляется научно обоснованным и достаточно перспективным.

В последние годы самой популярной молодежной площадкой стал форум «Машук» - социально-образовательный проект, направленный на выявление и поддержку инициатив активных молодых граждан и проектных команд Северо-Кавказского федерального округа в области экономики, права, политики, журналистики, науки, инноваций, информационных технологий, гражданского общества, искусства, культуры, добровольчества и здорового образа жизни. Организаторами Форума выступают аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе, Правительство Ставропольского края при содействии Министерства образования и науки Российской Федерации, Федерального агентства по делам молодежи. Форум является итоговым в цикле межрегиональных молодежных мероприятий, проводимых субъектами СКФО, он собирает тысячи самых активных молодых людей, у которых есть инициативы, идеи, проекты, и которые хотят продвигать их дальше. Участниками его являются представители регионов СКФО, а также Абхазии и Южной Осетии. Обращают на себя внимание образовательные курсы: «Управление проектами», «Эффективные коммуникации» и «Межкультурное взаимодействие», «Инвестиции & Инновации» (посвященные проблемам образования, науки, инновационных производств), «Добрососедство» (волонтерство, добровольчество), «Мое дело» (проекты молодых предпринимателей), «Гражданская активность» (деятельность молодых общественников), «Медиа-Кавказ» (молодые журналисты и блогеры), «Индустрия гостеприимства» (сервис и туризм).

Важно отметить, что на форуме проводятся акции, презентующие объекты национальной культуры. Однако потенциал культурного наследия может использоваться более продуктивно, если включить эту тематику в контекст маркетинговой стратегии региона и привлекать молодежь к разработке креативных способов популяризации объектов этнических культур.

Следует отметить и новый проект известного российского журналиста Руслана Гусарова «Маяки дружбы. Башни Кавказа», нацеленный на сохранение историко-культурного наследия, укрепление межнациональных связей

и дружбы молодежи Авторы проекта также хотели привлечь внимание к достопримечательностям Северного Кавказа, как к объектам туризма. В 2016 году журналист был автором пилотного проекта, в рамках которого молодые активисты из Москвы провели 12 дней, участвуя в реставрационных работах на объектах архитектурного наследия - родовых башнях в Северной Осетии и Ингушетии. Гусаров предложил, чтобы одной из участниц проекта стала и Южная Осетия. По его словам, такое же предложение будет адресовано Абхазии. Тибилов принял предложение Гусарова и отметил, что он уже дал некоторые поручения Министерству культуры. «Правда, речь шла больше о реставрации наших архитектурных памятников. Это и храмы, и родовые башни. А идея привлечения к вашему проекту еще большего количества молодежи из разных регионов действительно будет иметь положительный эффект для укрепления мостов дружбы между нашими народами», - сказал президент. Партнерами проекта «Маяки дружбы. Башни Кавказа» выступают Аппарат полномочного представителя Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе и Московский кавказский клуб [15].

Кроме устойчивых символов – брендов можно выделять формирующиеся или потенциальные образы, исторические места, события, которые могут стать основой формирования популярных и действенных брендов. Несомненную пользу приносят такие проекты как «Этнокультурный лагерь», призванные изучать родной язык, традиции и обычаи. Особо успешным представляется привлечение к этим проектам диаспорной молодежи. Так, в проекте министерства Республики Северной Осетии – Алании по делам национальностей «Аланский след» принимают участие молодые представители турецкой осетинской диаспоры, а также гости из Венгрии, потомки венгерских ясов. В ходе проекта они знакомятся с осетинской культурой, проходят мастер-классы по осетинскому языку, по осетинским народным танцам, по изготовлению традиционных блюд, посещают исторические и памятные места, музеи, знакомятся со своими родственниками и сверстниками. К сожалению, столь значимые проекты, несмотря на их популярность, пока охватывают не так много участников.

Подготовленные представители молодежи могут популяризировать свои бренды в межрегиональных проектах, таких как «Машук». Организаторами форума являются Аппарат полномочного представителя Президента РФ в СКФО, Росмолодежь и министерство спорта, туризма и молодежной политики РФ. Форум собирает тысячи самых активных молодых людей, у которых есть инициативы, идеи, проекты, и которые хотят продвигать их дальше. Участниками его являются представители регионов СКФО, а также Абхазии и Южной Осетии. Обращают на себя внимание образовательные курсы: «Управление проектами», «Эффективные коммуникации» и «Межкультурное взаимодействие», «Инвестиции & Инновации» (посвященные проблемам образования, науки, инновационных производств), «Добрососедство» (волонтерство, добровольчество), «Мое дело» (проекты молодых предпринимателей), «Гражданская активность» (деятельность молодых

общественников), «Медиа-Кавказ» (молодые журналисты и блогеры), «Индустрия гостеприимства» (сервис и туризм).

Для осетин, как и некоторых других народов Северного Кавказа, весьма перспективными представляются символы и образы Нартовского эпоса, персонажи, сюжеты и предметы быта которого становятся этнокультурным брендом.

Востребованность нартовских сказаний как выражения этничности и духовности, их интегрированность во многие сферы художественной культуры – живопись, скульптуру, музыку, литературу в последние годы обретает качественно иной характер. Появляются социальные, культурные, образовательные и коммерческие проекты, связанные с «исторической энциклопедией осетинской жизни».

Популярным брендом становится «Яблоко Нартов» - символ чуда. Согласно сказаниям, у нартов в саду росла волшебная яблоня с сияющими небесной лазурью цветами и только одним золотым яблоком, созревавшим в течение дня. Чудесное яблоко, обладавшее живительной силой, кто-то похищал по ночам; а поскольку росло оно на верхушке дерева, могло достаться только самому умному и ловкому из нартов. Волшебное «Яблоко Нартов» - желанная награда героев осетинского эпоса; не случайно символ недосягаемой мечты активно используют организаторы различных конкурсов и состязаний, игр и фестивалей.

В последние годы было организовано немало проектов культурно-образовательной направленности, духовным сопровождением которых стал символ яблока из нартовских сказаний.

В 2005 году с целью развития осетинского языка и национальной культуры был учрежден благотворительный фонд Хадонова, учредивший Национальную премию «Яблоко Нартов». Она присуждаются на конкурсной основе в трех номинациях: в области художественной литературы, искусства и науки. Каждому победителю конкурса вручается статуэтка «Яблоко нартов», вместе с дипломом лауреата и 100 тыс. рублей.

В марте 2011 года во Владикавказе прошел Первый Северо-Кавказский фестиваль интеллектуальных игр «Яблоня нартов», при поддержке Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) и Всемирного банка. Интеллектуальные игры завоевали популярность во многих субъектах страны, как одна из форм консолидации и объединения молодежи, но в СКФО они вышли за рамки мероприятий, несущих исключительно образовательный характер. Проект предоставил уникальную возможность для молодых людей северокавказских республик, объединённых общностью идей, традиций, культуры, языка, за короткий период получить с помощью новых интеллектуально-игровых технологий знания в области изучения Нартовского эпоса, истории и культуры народов, населяющих Северный Кавказ, и вместе с тем, поделиться своими познаниями о малой родине, являющейся частью Кавказа. В фестивале принимали участие интеллектуальные сборные 6 субъектов СКФО – республика Северная Осетия-Алания, республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская республика, Карачаево-Черкесская республика, Чеченская

республика и республика Дагестан. В рамках фестиваля проходили игры «Что? Где? Когда?», «Брэйн-ринг», «Своя игра» и Круглый стол (дискуссия) на тему: «Влияние героев Нартовского эпоса на формирование личности современного молодого человека». В программе фестиваля также предусмотрены экскурсии по памятным и историческим местам Северной Осетии.

В формировании новой модели туристического рынка большое внимание уделено этнокультурной составляющей. Образы нартовских героев визуально презентуются в городе и его окрестностях. В этой связи заслуживает внимания проект историко-этнографического комплекса «Страна нартов», инициированный администрацией местного самоуправления города Владикавказ. По замыслу организаторов, человек, попадающий на территорию комплекса, должен чудесным образом окунуться в сказочную страну Нартов, где благородный Сослан борется с врагом, во главе Стыр Ныхаса рядом с именитыми нартами сидит Урузмаг, а мудрая Шатана привечает гостей... Важным символом проекта станет «Яблоня нартов», скульптурное изображение которой будет располагаться у входа и каждый желающий за символическую плату сможет приобрести и повесить на нее листочек со своим здесь же выгравированным именем, оказав таким образом содействие в строительстве комплекса.

Планируется предоставить туристам и отдыхающим возможность наблюдать и даже лично участвовать в приготовлении блюд национальной кухни, изготовлении предметов традиционного быта, сувениров. По замыслу авторов идеи, будет представлена сказочная страна с равниной Зилахар, подводным царством Донбеттыра, «Колесом Балсага», территориями Афсати, Ацамаза, Нарта Сослана, Сырдона, Сатаны, детской кольцевой дорогой, где будет оборудован своеобразный нарт-ленд «Путешествие Сослана».

28-31 марта 2011 г. впервые во Владикавказе прошел Первый Северо-Кавказский фестиваль интеллектуальных игр «Яблоня нартов». Фестиваль проводил Интеллектуальный клуб Альбус Республики Северная Осетия-Алания по гранту, выделенному Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ) и Всемирным банком. Интеллектуальные игры завоевали популярность во многих субъектах страны, как одна из форм консолидации и объединения молодежи, и давно вышли за рамки мероприятий, несущих исключительно образовательный характер. Проект является уникальной возможностью для молодых людей северокавказских республик, объединённых общностью идей, традиций, культуры, языка, за короткий период получить с помощью новых интеллектуально-игровых технологий большое количество знаний в области изучения Нартовского эпоса, истории и культуры народов, населяющих Северный Кавказ.

Когда в столице Южной Осетии готовился I Международный детско-юношеский фестиваль, в котором участвовали представители 16 стран мира, концептуальной основой этого значимого мероприятия также стал нартовский эпос. Фестиваль получил название «Яблоко Нартов», а организаторы, в числе которых исполнительный директор Израильского офиса Всемирного Конгресса Русскоязычного Еврейства, Генеральный директор израильского центра

поддержки детского творчества Элион Виленчик, президент международной Ассоциации благотворительных фондов «Мама» Раис Атнагулов и многие другие, единодушно признали, что дети, которые приехали сюда со всего мира, будут рады получить за свой талант Нартовское Яблоко.

В рамках государственной программы «Развитие образования РСО-Алания на 2014-2016 годы» в селении Чми Северной Осетии открылся детский этнокультурный лингвистический лагерь «Нарты», в котором обучаются 30 школьников из разных районов республики. Лингвистический лагерь, нацеленный на усовершенствование знаний родного языка у детей, проводится в Северной Осетии в пятый раз. Воспитанники лагеря «Нарты» изучают древнюю историю, культуру и традиции осетинского народа, участвуют в проведении инсценированных праздников и обрядов. Кроме этого, для детей организованы экскурсии по живописным ущельям родного края. Все мероприятия, игры и встречи лагеря «Нарты» проводятся на осетинском языке.

Фестиваль «Нартовские игры» проходит в Республике Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесии. Название означает участие в необычных соревнованиях, известных по нартовским сказаниям. В Северной Осетии состязания проходили в таких играх как поднятие тяжестей и метание больших камней, прыжки, стрельба из лука, армрестлинг, борьба на поясах, лазание по канату, перенос тяжестей, прыжки, бег на одной ноге. В Кабардино-Балкарии во время «Нартских игр» команды состязаются как в спортивном, так и в творческом плане. Участники мерятся силами в борьбе на поясах, джигитовке, скандырбеке (армрестлинге) и забеге в гору, а также демонстрируют ораторское искусство, исполняют народные песни и частушки. Целью проекта является возрождение нартского эпоса, а также укрепление среди молодежи знаний обычаев и традиций. Победители «Нартских игр», по традиции, представляют республику на «Кавказских играх», которые поочередно проходят субъектах СКФО.

Нартовские персонажи, скульптурные изображения которых представленные на главных улицах и площадях города Владикавказ и его окрестностей, могут стать и становятся самостоятельными брендами, их именами обозначают популярные места отдыха и другие объекты. Но в процессах этнокультурного брендирования эпические символы могут использоваться и в популяризации объектов материальной культуры. Например, с целью возрождения традиционного ритуального напитка осетин – пива – в Республике Северная Осетия-Алания проводится национально-культурный конкурс «Осетинское пиво», организаторами которого выступают министерство культуры и пивоваренная компания «Бавария». В результате, собраны рецепты приготовления пива в разных ущельях Осетии, желающим наладить производство пива предложено участие в системе кредитования малого бизнеса, что может стать вкладом в решение проблемы занятости на селе. Конкурс с национальными народными гуляньями, активной поддержкой СМИ, яркими слоганами на осетинском языке оказал огромную роль в возрождении традиции. Однако при профессиональном подходе этнокультурное сопровождение проекта должно включать популяризацию пива

как древнейшего сакрального напитка, появившегося в скифо-сакской среде и отраженного в нартовском эпосе как ритуального пития нартов.

А поскольку ритуальное осетинского пиво воспринимается исключительно в комплексе с чашей, эпические сказания могут стать культурологическим сопровождением восстановления еще одной традиции – деревообработки и резьбы по дереву. Образ чаши занимает видное место в осетинском нартовском эпосе. Нарты называют свою волшебную чашу Нартамонга, Уацамонга. Функции волшебной чаши не ограничиваются лишь даром определения достоинства героев. Амонга – иногда просто неиссякаемая чаша, всегда наполненная лучшими напитками. Она неизвестным образом наполнялась сама по себе и нарты никогда не оставались без чудесного напитка.

Священные напитки и чаши играли большую роль в древних индоиранских культах. Нартовская Уацамонга несомненно ведет свое начало от той чаши, которую описал Геродот в «Мельпомене» у скифов. В легенде о происхождении скифов, рассказанной Геродотом, говорится, что золотая чаша упала на скифскую землю с неба в качестве божьего дара. Согласно другой легенде, переданной Геродотом, золотая чаша была передана богатырем Гераклом праматери скифов – полудеве, полузмее, чтобы та передала её трем сыновьям, рожденным от Геракла. В память о той золотой чаше и до сего дня скифы носят на поясе чаши [3]. На эту связь указывал еще Вс. Миллер, доказывая преемственность скифо - алано - осетинской традиции [11].

Нартовский эпос - популярный источник духовного и культурного наследия, который активно используется и другими народами Северного Кавказа, в их национальных версиях. В Адыгее конкурс детского рисунка «Путешествие в страну нартов», организованный фондом развития карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид», в Абхазии - экскурсионно-развлекательный тур «Сокровища Земли Нартов», в Кабардино-Балкарии - Международного фестиваля-конкурса изобразительного искусства «Сокровище нартов». Последний представляется особенно интересным: в ноябре 2011 года в Аммане (Иордания) работала детская передвижная художественная выставка, для которой конкурсная комиссия приняла на рассмотрение более 400 рисунков, выполненных ребятами из Москвы, республик, краев и областей Юга России, стран, где есть большие диаспоры черкесов и абхазов, - Сирии, Иордании и Турции, а также Франции, Албании, Китая, Коста-Рики, Перу, Эквадора, Колумбии, Экваториальной Гвинеи [5, с. 10-11].

Этот бренд следует признать весьма действенным и перспективным, но стратегия его использования должна предусматривать и возможность дезинтеграционных тенденций, которые, к сожалению, наблюдаются в обществе и по своей сути являются непродуктивным «перетягиванием одеяла». Молодое поколение должно воспринимать Нартиаду как свое историко-культурное наследие, с уважением и с позиций академической науки оценивать его национальные версии.

Можно говорить о том, что Нартовские сказания становятся ресурсом социальных и культурных инноваций, своеобразным этнокультурным брендом,

общим и понятным для многих народов Кавказа. При цивилизованном и профессиональном подходе этот бренд может стать позитивного взаимодействия.

Создание единого пространства для культурного, образовательного, научного диалога между народами региона может позитивно содействовать решению проблем стабилизации, интеграции и инновационного развития на Северном Кавказе.

Продвижение этнокультурных брендов имеет также информационную значимость в общероссийском масштабе, в плане нивелирования негативного имиджа кавказских народов, сложившегося в последние десятилетия, и создания мультикультурного позитивного образа региона.

Реализация интегральных научных, образовательно-воспитательных и культурологических проектов требует объединения усилий интеллектуальной элиты всего региона. С этой целью предлагается организация постоянно действующего научного форума, место проведения которого может поочередно определяться во всех субъектах Северного Кавказа.

Выявление и брендирование историко-культурного наследия наряду с природно-климатическими и аграрно-промышленными факторами, должно быть направлено на повышение инвестиционной привлекательности, на решение проблемы занятости населения, на развитие рекреационной и туристической коммерческой деятельности. Вместе с тем, система этнокультурного брендирования является средством сохранения самобытной культуры, стабилизации межнациональных отношений и формирования позитивного имиджа региона.

Долгосрочные перспективы сохранения и актуализации культурного наследия связаны с научными методами его изучения, которые предполагают определение значимости культурного наследия как ресурсного основания инновационного развития, осмысление культурного пространства как совокупности материальных и нематериальных составляющих, несущих функцию самосохранения и адаптации в условиях модернизационных перемен и внешних влияний.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / Перевод с английского М.Л. Коробочкина. – М.: Весь Мир, 2004. – 188 с.

2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.

3. *Геродот*. История в девяти книгах. Книга четвертая. Мельпомена / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. – Владикавказ, 1991. – 80 с.

4. *Инновационная стратегия* Республики Южная Осетия: экономический, социокультурный и медико-биологический аспекты. Труды международной научной конференции (Цхинвал-Владикавказ, 14-17 октября 2010 г.) Владикавказ: ЮМИ ВНЦ РАН РСО-А, 2010. – 346 с.

5. *Канукова З.В.* Символы и образы нартовского эпоса в современных социальных и культурных практиках // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы интерпретации:

сборник научных трудов. ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – С. 8-15

6. *Ковынева Л.В.* Формирование территориального бренда в регионах России // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 5 (97). – С. 61-68.

7. *Культура и пространство*. Книга вторая. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / Под ред. В.А. Тишкова, В.К. Мальковой. – М.: ИЭА РАН, 2010. – 184 с.

8. *Культура и пространство*. Книга третья. Этнокультурный бренд и историко-культурные образы в инновационном развитии Северо-Кавказского региона / Под ред. В.А.Тишкова, М.А. Аствацатуровой, В.К. Мальковой. – Ростов-на-Дону – Пятигорск: ИАЭ РАН – ЮНЦ РАН, 2011, 210 с.

9. *Малькова В.К., Тишков В.А.* Культура и пространство. Книга первая. Образы российских республик в Интернете. – М.: ИЭА РАН, 2009. – 147 с.

10. *Масальский Д.С.* Анализ основных брендинговых моделей // Вопросы современной науки и практики. – 2010. – № 4-6 (29). – С. 242-250.

11. *Миллер Вс.Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1882. – № 8. – С. 1-21.

12. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Издательство «Ad Marginem», 1996. – 235 с.

13. *Северная Осетия*. - №166 (25703). - 10 сентября 2010 г.

14. *Тишков В.А.* Культурный смысл пространства // V Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2003. – С. 16-24.

15. *Южная Осетия* присоединится к проекту «Маяки дружбы. Башни Кавказа». 9 октября 2016 // Северо-Осетинский информационный портал 15-й РЕГИОН: сайт. URL: http://region15.ru/news/2016/10/09/20-43 (дата обращения: 12.04.2017).

16. *Хантингтон Э.* Политический порядок в меняющемся обществе. М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 235 с.

УДК 304.4/394 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-89-102**

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

З.В. КАНУКОВА

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук»
360040, РФ, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
E-mail: soigsi@mail.ru

Аннотация. Современные теории модернизации признают значимость социокультурного фактора, взаимосвязи и взаимообусловленности экономической, политической, культурной составляющей модернизации и включают представления об инновационном потенциале этнических традиций. В статье предложена система использования традиционной культуры народов Северного Кавказа в инновационном развитии региона. В качестве объектов традиционной культуры, имеющих ресурсный потенциал, рассматриваются элементы традиционной жизнеобеспечивающей, социальной и гуманитарной культуры, на основе

которых формируются современные социально-культурные практики, направленные на развитие экономики, культуры, социальной сферы, оживление рекреационной и туристической деятельности, повышение инвестиционной привлекательности; особое внимание уделено оптимизации межэтнического общения. На примере использования архитектурных памятников, традиционных игр, спортивных состязаний, эпических символов и образов и других элементов традиционной культуры рассматриваются механизмы ее адаптации в изменяющихся условиях, в значительной степени основанные на сочетании консервативности со способностью к постоянному обновлению.

Ключевые слова: Северный Кавказ; традиционная культура; инновационный потенциал; миротворческие ресурсы.

TRADITIONAL CULTURE IN THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE NORTHERN CAUCASUS

Z.V. KANUKOVA

North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies n.a. V.I. Abaev
– the branch of the Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
362040, RF, RSO-A, Vladikavkaz, Mira street, 10
E-mail: soigsi@mail.ru

Abstract. Modern theories of modernization recognize the importance of sociocultural factors, co-relationship and co-dependence of economic, political, cultural component of modernization and include views on the innovative potential of ethnic traditions. In the article the system of traditional culture of the peoples of the Northern Caucasus in the innovation development of the region is proposed. The elements of traditional life-supporting activity, social and human culture, on the basis of which formed modern socio-cultural practices aimed at economic development, culture, social sector, renewal of recreational and tourist activities, increase of investment attractiveness are studied as the objects of traditional culture, with resource potential; particular attention is paid to the optimization of interethnic communication. On the example of the use of architectural monuments, traditional games, sporting events, epic characters and images, and other elements of traditional culture mechanisms for adapting to changing conditions are considered, largely based on a combination of conservatism with the ability to constant renovation.

Key words: the North Caucasus; traditional culture; innovation potential; peacekeeping resources.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАРАЧАЕВЦЕВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Р.М. Бегеулов

Религиозный (исламский) фактор в политической, социальной, экономической жизни северокавказского региона на современном этапе играет существенную роль. Он же оказывает существенное воздействие на систему региональной безопасности и стабильности. Кроме того, как представляется, значимость религиозной идентичности у мусульманских народов России в силу современных интеграционных и глобализационных процессов, с учетом активности исламского мира будет и в дальнейшем возрастать. В этой связи научные исследования, касающегося данного вопроса, представляются востребованными и актуальными.

У карачаевцев, одного из кавказских этносов, религиозная (исламская) идентичность на протяжении последних столетий была довольно четко выражена. Осознание себя как «мусульманского народа» в их среде было ярко представлено как до революции, так и в советское время.

Интересно, что мусульманских «пережитков» в то время придерживались даже некоторые члены коммунистической партии. Так, согласно документам местного архива в 1928 г. партийная коллегия областной Контрольной комиссии ВКПб рассматривала дела об исключении из партии ряда лиц, в вину которым вменялось выполнение обязанностей муэдзина, несение религиозных обрядов и пр. [21, л. 1, 5, 27] Один из карачаевских коммунистов, согласно поступившей информации, вообще заявлял, что «партия всем своим членам разрешает молиться» [21, л. 5]. Ситуация, конечно, в дальнейшем несколько менялась, но даже в 1980-е гг. партийные органы вынуждены были с негодованием констатировать, что в отдельных районах Карачаево-Черкесии (КЧР) «похороны умерших в большинстве случаев держат в своих руках эфенди», а половина всех бракосочетаний совершалась «по религиозной обрядности» [11, с. 152].

Таким образом, советским властям, несмотря на активную политику в антирелигиозном вопросе, не удалось ни «искоренить» ислам, ни даже преломить ситуацию с мусульманской религиозной обрядностью. Естественно, что в условиях либерализации политического строя в СССР при М.С. Горбачеве и в последующие постсоветские годы возникли условия для возрождения религиозной жизни на качественно новом уровне.

В постсоветский период практически во всех горских селениях КЧР (в том числе карачаевских) появились мечети, в республике существует исламская пресса, браки и похороны в своих обрядовых моментах неразрывно связаны с духовенством.

В то же время, характерная черта конфессиональной ситуации у карачаевцев в постсоветский период – обилие нетрадиционных для них религиозных групп, течений.

На рубеже 1980-1990-х гг. в карачаевской среде появились последователи кришнаизма. Более того, некоторые местные кришнаитские общины возглавляли карачаевцы (например, в г. Черкесске).

Среди карачаевцев распространялась протестантская литература (Евангелие, выдержки из Ветхого Завета и др.) на родном языке. Перевод этих трудов был осуществлен балкарцем Ибрагимом Гелястановым. А изданы они были Институтом перевода Библии в Стокгольме [4]. Эти усилия не пропали даром. Несколько десятков человек, выходцев из «этнически мусульманской» карачаевской среды, являются на сегодняшний день последователями различных евангелистских групп, действующих на территории Карачаево-Черкесской республики [18, с. 36-39].

В 1990-е гг. активную миссионерскую деятельность в карачаевской этнической среде вели «Свидетели Иеговы», бесплатно распространявшие здесь свои журналы, а также видеопродукцию.

В 2000-е гг. некоторую популярность у карачаевцев приобрели приверженцы поклонения «испускающим энергию» дольменным сооружениям в Кяфаре (Зеленчукский район КЧР), якобы принадлежавшим исчезнувшей цивилизации неких «аронов». Карачаевец М. Кубанов издал про этот мифический народ специальную работу [13]. Адепты этой секты утверждают, что ароны – одно из племен атлантов, первые представители которых были ростом до 6 метров, а средняя продолжительность их жизни – 1,5 тыс. лет.

Впрочем, данные явления не приняли массового характера. Случаи прозелитизма были единичны, хотя и вызвали в среде местного мусульманского духовенства и части общества крайне негативную реакцию.

Гораздо более массовые и серьезные процессы в постсоветское время стали происходить в самой мусульманской среде. В начале 1990-х гг. в карачаевской этнической среде появились сторонники фундаменталистского течения в исламе. Местных приверженцев этого движения возглавил молодой проповедник Мухаммад Биджиев (Биджи улу). Он призывал к «возрождению традиций первых мусульман», не отягощенных «нововведениями» последующих веков, активно распространял издававшуюся в Москве газету «Ислам нюрю», учредил в КЧР отделение фундаменталистской Исламской партии возрождения (ИПВ). Его партийное отделение получало финансовую поддержку из стран Арабского Востока [17]. Она направлялась на строительство мечетей и медресе [5]. М. Биджиев провел свой мусульманский съезд, на котором был провозглашен раис-имамом, возглавляющим новый «духовный центр – имамат Карачая» [10].

В целом, ИПВ относилась к умеренному направлению приверженцев идеи религиозного возрождения. Однако благодаря СМИ, которые зачастую не различают фундаментализм и радикализм, одновременно отождествляя первый с экстремизмом [15], на структуры М. Биджиева началось давление со стороны правоохранительных органов.

В то же время такое отождествление было чрезвычайно выгодно местному традиционному духовенству, оформленному в структуру Духовного управления мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополья (ДУМКЧиС).

Традиционное духовенство открыто конкурировало и конфликтовало с «Имаматом Карачая». Против данной структуры выступали и региональные власти, напуганные активным участием М. Биджиева в политической жизни КЧР. В итоге, совместными усилиями ДУМКЧиС и республиканских властей публичную деятельность карачаевских фундаменталистов удалось пресечь. В последующем часть из них во главе с М. Биджиевым стала придерживаться умеренных взглядов, а другая – перешла на экстремистские позиции [20, с. 205-207], в основной своей массе перебравшись в практически не контролировавшуюся федеральными властями в то время Чеченскую республику.

Пытаясь как-то воздействовать на развитие ситуации и полагая, что основная опасность для мусульманской общины возникает из-за религиозного невежества, в 1993 году официальное духовенство учредило Исламский институт имени имама Абу-Ханифы, который возглавил Исмаил-хаджи Бостанов [7].

«Мода на религию» к концу 1990-х гг. у карачаевцев в некоторой степени ослабла, что было во многом связано, с одной стороны, с распространением экстремистских идей, а с другой – с жесткими действиями властей в отношении экстремистов. Известно, что «чем слабее государство и его механизмы, тем важнее роль религиозных институтов и тем сильнее звучит призыв религиозных идеологий, обычно фундаменталистской или теократической природы» [16, с. 165].

Карачаевские бизнесмены, некогда рекламировавшие себя как благотворители, в значительной степени сократили финансирование строительства мечетей. Например, городская мечеть в Усть-Джегуте, которая начала строиться в 1993 г. [1], была более или менее завершена только в 2016 г., то есть более двух десятилетий спустя.

Бурная «исламизация» 1990-х гг. (носившая, правда, чисто внешний характер) сменилась проявлениями «исламофобии», в том числе в карачаевской среде. Особенную неприязнь у значительной части «традиционных мусульман» стали вызывать молодые люди, отпускавшие бороды, и распространившаяся арабо-мусульманская («ваххабитская») мода в одежде. Наверное, наибольший поток критики при этом достался и достается хиджабу. Большой резонанс получил случай в одном из частных вузов, когда студентке угрожали исключением, если она не снимет «ваххабитский» платок [3].

В то же время прослеживались процессы деградации традиционного духовенства. Прежде всего, определенное воздействие на развитие ситуации оказывали проявившиеся нежелание и неготовность значительной части представителей традиционного духовенства конкурировать с молодежью на религиозном поприще. В ответ на подчас справедливую критику молодых верующих, выступавших против разорительных и имеющих весьма сомнительное отношение к исламу обычаев, осуждавших «банальную уголовщину» и «коммерциализацию религии» в деятельности высокопоставленных священнослужителей [2], со стороны ДУМКЧиС и

пожилых мусульман-активистов было немало попыток устранить конкурентов путем обвинений в «ваххабизме» и «натравливания» силовых структур [9].

На этом фоне неудивительно, что ДУМКЧиС во главе с муфтием имеет невысокий уровень авторитета и влияния среди населения. К тому же духовному управлению не удалось сохранить свое организационное единство своей. Весной 2010 г. о выходе из ДУМКЧиС заявили мусульманские общины Ставропольского края, которые образовали собственное духовное управление во главе с бывшим раис-имамом мусульман Усть-Джегутинского района КЧР [6].

В связи с вышесказанным, распространенные утверждения о том, что «каких-либо глубинных разногласий у духовных лидеров» внутри карачаевской общины мусульман «не существует» [14, с. 101], как представляется, не вполне отражают реальное положение дел в республике. Равно как и весьма популярное мнение о том, что в основе роста радикальных и экстремистских проявлений лежит социально-экономическая неустроенность. Последняя, конечно, играет свою роль, но не более чем другие факторы общественно-политического свойства. Как отмечают исследователи, «существующее общество дискредитирует себя. Наблюдается общая моральная деградация, тотальная коррупция. В обыденном сознании может складываться представление о том, что выходом может стать построение другого, альтернативного, «справедливого» общества на основе шариата… Совершенно очевидно, что мы имеем дело с социальным протестом, который находит выражение в радикальной религиозной идеологии. Иные формы выражения протеста, присущие гражданскому обществу, у нас фактически атрофированы: нет эффективно действующих общественных движений, дискредитировала себя избирательная система, у граждан нет эффективного способа борьбы за свои права и они, не имея возможности изменить общество, отворачиваются от него» [19].

Представляется, что мусульманское духовенство не только КЧР, но и других северокавказских республик, не вполне осознаёт подлинные опасности для паствы, более того – в известной мере дезориентировано. Об этом, в частности, свидетельствуют высказывания заместителя муфтия мусульман Карачаево-Черкесии Иналь-хаджи Хубиева, опубликованные в местной религиозной прессе. «Мы больше верим телевизору», - писал Хубиев, - «он наш наставник, учитель, мать и отец, для многих уже «бог»… Поэтому мы ругаем за оставленную ради Аллаха бороду сына, за одетый ради Аллаха хиджаб свою дочь, поэтому мы считаем, что «лучше пусть будет пьяницей или наркоманом или блудницей наше дитя, но зато оно не будет «ваххабитом», и его не арестуют и он будет жив». Это не мои слова, это слова, которые я многократно слышал и слышу и от пастуха, и от доярки, от деятеля искусств, от чиновников разного ранга, от умных просвещенных, продвинутых людей, педагогов, врачей и артистов и т.д. Вот в чем наша катастрофа» [8].

Как представляется, один из руководителей духовного управления не совсем точно обозначил суть проблемы. Она заключается не только и не столько во вредоносном воздействии телевидения, хотя никто не отрицает роль

масс-медиа в формировании общественного, в т.ч. конфессионального и этнического сознания. В принципе, сам Иналь-хаджи, не замечая этого, указал на реальную причину того, почему родители не хотят, чтобы сыновья носили бороды, а дочери – хиджабы. Главная причина в том, что за такие внешние маркеры молодые люди могут быть причислены к «ваххабитам», арестованы и даже убиты. Примеров того, как сотрудники правоохранительных органов вылавливали «ваххабитов» именно по внешним признакам немало. Поэтому родители, наверное, в чем-то и правы, надеясь, что если их дети внешне будут выглядеть как все, то их не арестуют и они будут живы. Это естественная родительская реакция на произвол со стороны властей, а не наивное доверие телевидению.

Ошибочные установки священнослужителей (заявление вице-муфтия – лишь один из примеров) порождают ошибки в их стратегии и тактике. Вместо того, чтобы разъяснять населению вредность религиозного радикализма, противодействовать милицейскому произволу, занимать активную гражданскую позицию муллы пытаются свалить все беды «на тлетворное влияние СМИ». Конечно, это легче повседневного подвижнического труда, легче бескомпромиссного выражения своей гражданской позиции и, уж тем более, правозащитной деятельности.

Сравнительно пассивная позиция священнослужителей, с одной стороны, и организационная, материально-финансовая слабость муфтията КЧР неуклонно ослабляют влияние традиционного духовенства. Данное обстоятельство, в свою очередь, создаёт условия для активизации более динамичных, целеустремленных, лучше организованных сил, которые могут вовсе не носить созидательную направленность.

В то же время следует отметить, что в КЧР в целом и среди карачаевского населения в частности, пока удалось избежать «атомизации» мусульманских общин и жесткого противостояния между ними. Определенные подвижки наблюдаются и в деятельности местного духовного управления мусульман. Медленная, но необходимая модернизация его деятельности и так называемого «традиционного ислама» все же прослеживается. К тому же среди карачаевцев не обрели популярности радикальные течения, в том числе политический ислам (исламизм). Определенное объяснение этому можно найти в исторических традициях и отсутствии опыта массовых проявлений радикализма как в прошлом, так и в современной ситуации, когда на долю северокавказского населения выпало немало потрясений. Впрочем, Карачаево-Черкесии удалось избежать массовых проявлений экстремизма и терроризма. За весь постсоветский период здесь не произошло ни одного крупного террористического акта. Остается надеяться, что отторжение радикалов от своей этнической среды получит у карачаевцев дальнейшее развитие.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *120 миллионов* на мечеть // Карачаево-балкарский мир. – 1993. – № 2. – Июль.
2. *Батчаев К.* Когда воровство во благо // Вести гор. – 2007. – 23 января.
3. *Бацаева М.* «Гюльчатай, открой личико» // Вести гор. – 2007. – 29 мая.

4. *Библия* на родном языке // Карачаево-балкарский мир. – 1995. – № 4(13).

5. *Биджи улу М.* Ислам партия тюзлюк ючюн кюрешеди // Къарачай. – 1992. – 25 апреля.

6. *В Ставропольском крае* образовано самостоятельное Духовное управление мусульман (30 апреля 2010) // Интернет-СМИ «Кавказский узел»: сайт. URL: http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/168654/ (дата обращения: 04.03.2017).

7. *Вчера. Сегодня. Завтра* // Карачаево-балкарский мир. – 1993. – № 3. – Октябрь.

8. *Где терпимость*, терпеливость и мудрое слово? // Мусульманин. – 2010. – № 1(29).

9. *Ибрагимов Б.* Облава в Хабезе // Вести гор. – 2007. – 29 мая.

10. *Ислам нюрю*. – 1992. – № 5.

11. *Карачаевцы*. Выселение и возвращение (1943-1957). Материалы и документы / Составители И.М. Шаманов, З.Б. Караева, А.-М.Ч. Алиев и др. – Черкесск: ПУЛ, 1993. – 176 с.

12. *Кипкеева Ф.М.* Возрождение ислама в Карачаево-Черкесии // Ислам этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире / Составитель С.М. Червонная / под. ред. М.Н. Губогло. – М.: ЦИМО ИЭА, 1998. – 449 с.

13. *Кубанов М.Л.* Город Солнца. Цивилизация дольменной эпохи. Народ «Ароны». – Черкесск: Полиграфист, 2004. – 52 с.

14. *Лайпанов Б.* Ислам в истории и самосознании карачаевского народа // Ислам этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире / Составитель С.М. Червонная; под ред. М.Н. Губогло. – М.: ЦИМО ИЭА, 1998. – 449 с.

15. *Малашенко А.* Мусульманство в России // Независимая газета. – 1992. – 8 мая.

16. *Мир после кризиса*. Глобальные тенденции – 2025 год: меняющийся мир. Доклад национального разведывательного совета США. – М.: Европа, 2009. – 188 с.

17. *Проваторов Н.* Цель или средство? (По вопросу одного выступления на третьем съезде мусульман) // День республики. – 1992. – 19 февраля.

18. *Стаховска Д.А.* Межконфессиональные отношения христианских неофитов КЧР с обществом // Вестник гуманитарного научного образования. Электронный научный журнал. 2015. Вып. 4(49). Июль-август. С. 36-39. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25766606_64773385.pdf (дата обращения: 03.02.2016).

19. *Такушинов Ш.Н.* Исследование причин религиозного экстремизма в молодежной среде в Карачаево-Черкесской Республике // Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации. Комплексный подход к формированию и функционированию системы противодействия распространению идеологии терроризма: материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. М., 2012. Т. 2. С. 138. / Электронная библиотека – www.konf.x-pdf.ru. / URL: http://konf.x-pdf.ru/19raznoe/171791-1-materiali-iii-y-vserossiyskoy-nauchno-prakticheskoy-konferencii-tom-2-koncepciya-protivodeystviya-terrorizmu-rossiyskoy.php (дата обращения: 24.04.2017).

20. *Ханбабаев К.М., Ханбабаев Э.К.* Религиозно-политический экстремизм в ЮФО // Ислам и политика на Северном Кавказе: история и современность. Материалы всероссийской научной конференции / Отв. ред. Б.Н. Тамбиев. – Карачаевск: КЧГУ, 2007. – С. 197-207.

21. *Центр документации* общественных движений и партий Карачаево-Черкесской республики (ЦДОДП КЧР). – Ф. П-45. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 1, 5, 27.

УДК 94(470.6) **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-103-109**

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАРАЧАЕВЦЕВ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Р.М. БЕГЕУЛОВ

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева
369202, КЧР, г. Карачаевск, ул. Ленина 29
E-mail: r_begeul@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с состоянием и эволюцией религиозной идентичности карачаевского этноса в постсоветское время. Отмечается, что она издавна занимала важное место в ряду маркеров самоидентификации данного народа. Основное внимание уделено модернизационным и трансформационным процессам в сфере исламской религиозной идентичности. Рассмотрены различные аспекты исламского возрождения в 1990-е гг., его особенности, а также дальнейшая эволюция этого процесса в новом столетии. В центре внимания статьи находятся проблемы взаимодействия традиционного мусульманского духовенства и представителей «новых» исламских общин, реакция различных слоев общества, властей республики на процессы, происходившие в конфессиональной сфере в описываемый период. Определенное внимание также уделено вопросам необходимости и возможности модернизации системы так называемого «традиционного ислама».

Ключевые слова: Карачаевцы; религиозная идентичность; конфессиональная ситуация; ислам; мусульманское духовенство.

RELIGIOUS IDENTITY OF KARACHAYS IN THE POST-SOVIET PERIOD: TENDENCIES AND PROBLEMS

R.M. BEGEULOV

Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliev
369202, KCHR, Karachaevsk, Lenin street, 29
E-mail: r_begeul@mail.ru

Abstract. The article discusses issues related to the status and evolution of religious identity of the Karachay ethnic group in the post-Soviet era. It is noted that it has long held an important place among the numerous markers of self-identification of the people. The focus is on modernization and transformation processes in the field of Islamic religious identity. Various aspects of Islamic revival in the 1990s, its characteristics and further evolution of this process in the new century are discussed. The focus of the article is on the problem of the interaction of the traditional Muslim clergy and representatives of the «new» Islamic communities, the reaction of various segments of society and the authorities of the Republic on the processes happening in the confessional sphere during the studied period. Some attention is also paid to the issues of the necessity and possibility of modernization of the system of the so-called «traditional Islam».

Key words: Karachay; religious identity; confessional situation; Islam; Muslim clergy.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

ЛЕЗГИНСКИЙ ИРРЕДЕНТИЗМ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ФАКТОР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Д.И. Узнародов

Термин «ирредентизм» впервые появился в Италии в конце XIX-начале XX веков и обозначал социально-политическое движение за присоединение к Италии приграничных австро-венгерских территорий с итальянским населением (Трентино, Триеста и др.). На сегодняшний день ирредентизм представляет собой один из видов национальной политики государства, реализуемой политическими партиями, либо движениями и направленной на интеграцию рассеянных по миру этнических групп, компактно проживающих на территориях государств, имеющих общие границы [3].

Для России проблема «разделенных народов» является актуальной уже на протяжении нескольких десятилетий, представляя собой наследие советской национальной политики. После установления в государстве советской власти характер национальной политики претерпел значительные изменения, страна была разделена на «титульные» и «нетитульные» этнические группы, из унитарного государства Россия трансформировалась в этнотерриториальную федерацию. Ключевым принципом национальной политики стал принцип «попарного сдерживания национализма», что окончательно было закреплено в реформе административно-территориального устройства, которая была произведена советскими властями в 20-е годы прошлого века [16, с. 22].

Следует подчеркнуть, что в период распада СССР и сопровождавшего его парада суверенитетов принцип «попарного сдерживания национализма» не способствовал сдерживанию центробежных тенденций, а в определенных моментах даже обострил их. Дали о себе знать проблемы так называемого «внутреннего ирредентизма», ставшего в постсоветской России одним из наиболее значимых факторов социально-политической нестабильности. Особенно остро проблемы внутреннего ирредентизма нашли свое проявление в северокавказском регионе [16, с. 22].

В настоящее время в этом регионе существует ряд субъектов, обладающих определенным ирредентистским потенциалом. К ним относятся Республика Северная Осетия (осетинский ирредентизм), Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика (черкесский ирредентизм), Ставропольский край, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика (ногайский ирредентизм). Во многом, ирредентистский потенциал данных этносов был заложен именно на заре советского периода, когда институционализация этничности, сопровождающаяся перекройкой административных границ, виделась для тогдашних властей страны чуть ли не единственно возможным вариантом решения различных проблем, связанных с ликвидацией большого количества центробежных тенденций в регионах в тот период.

К этническим группам, обладающим определенным ирредентистским потенциалом, относится также и лезгинский этнос. Разделение лезгинского этноса произошло еще в 1921 году, когда властями страны было принято решение провести границу по реке Самур, в результате чего часть лезгин оказалась в составе Азербайджана, а другая часть – в составе Горской Республики (Республики Дагестан). В период существования Советского Союза данный вопрос стоял не очень остро, прежде всего, в виду отсутствия государственной границы между Дагестаном и Азербайджаном, однако время от времени «лезгинский вопрос» получал определенную актуализацию. Первый активный протест представителями лезгинского этноса был выражен 5 декабря 1921 года, когда Совет народных депутатов Дагестана объявил спорными занятые Азербайджаном лезгинские земли и потребовал их возврата, а в 60-е годы XX века проблема разделенности лезгинского народа активно поднималась национальной интеллигенцией, в частности, в 1965 году журналистом И. Казиевым была сформирована неформальная лезгинская организация, главная цель которой состояла в создании отдельного административного образования, которое бы объединило все территории, компактно населенные лезгинами [5, с. 3]. Третья волна актуализации «лезгинского вопроса» датируется уже периодом распада СССР, когда в сентябре 1991 года на первом общенациональном съезде представителей лезгинского народа была официально озвучена инициатива о необходимости создания государственного образования Лезгистан в составе Российской Федерации [16, с. 23]. В тот же период «лезгинский вопрос» приобретает геополитическую составляющую. Прежде всего, это было связано с принятием конституционного акта «О государственной независимости Азербайджанской Республики» 18 октября 1991 года и провозглашением республикой государственной независимости в декабре того же года. С этого времени проблема лезгинского ирредентизма перестает быть исключительно внутриполитическим вопросом одного государства, поскольку начинает напрямую затрагивать интересы еще одного суверенного государства – Республики Азербайджан.

Начало 90-х годов прошлого века является периодом наиболее активного развития лезгинского национального движения. В это время появилось сразу несколько социально-политических движений, выражающих интересы лезгинского этноса: на территории Российской Федерации – Лезгинский Национальный Совет и Лезгинское Национальное Движение «Садвал» (в переводе с лезгинского – «Единство»), а на территории Азербайджана – Лезгинский национальный центр «Самур» и Лезгинская Демократическая Партия. Наиболее влиятельной структурой за время своего существования показало себя движение «Садвал», сформированное 14 июня 1990 года. В качестве основной цели своей деятельности «Садвал» выделяет восстановление целостности лезгинского народа с последующим созданием отдельного административного образования – Республики Лезгистан [5, с. 3].

В 1992 году движением «Садвал» были проведены массовые акции протеста с требованием создания единой Республики Лезгистан, однако

большой поддержки населения протесты тогда не получили, растворившись среди многочисленных событий, связанных с «парадом суверенитетов», проходившим в тот период на территории постсоветских государств [13].

Период наибольшей активности движения «Садвал» датируется 1993-1994 гг., когда организацией руководил генерал М. Кахриманов. В этот период часто были слышны призывы к силовому изменению границ [11, с. 113]: в 1993 году были организованы нападения на погранзаставу в Кусарском районе Азербайджана, где доля лезгин, согласно переписи населения 2009 года, составляет 90,63% [15].

В 1995 году активность радикального крыла организации существенно уменьшилась: движение отказалось от силовых методов борьбы, а основными требованиями являлись свободное пересечение российско-азербайджанской границы и создание свободной экономической зоны «Самур» в районе компактного проживания лезгин [11, с. 113]. Возрождение радикального крыла движения происходит в конце 90-х годов, когда «Садвал» вновь начинает сочетать законные и силовые формы деятельности: в конце 90-х-начале 2000-х гг. численность вооруженных отрядов боевиков «Садвала» составляла порядка 14 тыс. человек, вследствие чего властями Азербайджана было принято решение о дислоцировании на приграничных территориях до четырех войсковых бригад [11, с. 114].

Следует отметить, что на протяжении всего постсоветского периода Азербайджан отрицает наличие «лезгинского вопроса» в государстве, отвергая любые предложения по федерализации или создании национальной автономной области. Подобного курса азербайджанские власти придерживаются и в отношении других этнических групп, на что ключевое влияние оказывает наличие по-прежнему нерешенного нагорно-карабахского конфликта.

Определенную напряженность лезгино-азербайджанским отношениям придает религиозный аспект, главным образом, связанный со спецификой шиитско-суннитских взаимоотношений и со свойственными им многовековыми противоречиями. В апреле 2010 года несколько религиозных деятелей Республики Дагестан выступили с критикой политики действующих властей Азербайджана по отношению к представителям различных религиозных меньшинств, в частности, мусульманам-суннитам, к которым относятся и лезгины: «Мы, мусульмане России, возмущены и протестуем, что в соседнем мусульманском Азербайджане, где компактно и дружно веками проживают представители всех религиозных конфессий, разделяют мусульман по суннитским и шиитским взглядам и на этой почве закрывают мечети Аллаха» [10].

Обострение геополитического аспекта «лезгинского вопроса» произошло в 2011 году, когда Федеральной Лезгинской национально-культурной автономией (создана 9 апреля 1999 года) была проведена кампания против ратификации Договора о государственной границе между Россией и Азербайджаном, подписанного 3 сентября 2010 года президентами государств Дмитрием Медведевым и Ильхамом Алиевым. Согласно подписанному документу, Азербайджану передается водозабор реки Самур, вместе с двумя

лезгинскими поселениями-эксклавами Магарамкентского района Дагестана – Урьяноба и Храхоба численностью 600 человек. Федеральной Лезгинской национально-культурной автономией были проведены различные акции протеста на территории Дагестана [8], направлены официальные обращения в Правительство России, Аппарат Полномочного представительства Президента в Северо-Кавказском федеральном округе, а также Министерство иностранных дел, однако, это никак не повлияло на принятие итогового решения: 17 июня 2011 года договор был ратифицирован российским парламентом [11, с. 116]. Подобное решение вызывает немало вопросов, прежде всего, относительно возможных рисков возрастания социально-политической напряженности в Магарамкентском районе Дагестана и дестабилизации межэтнической обстановки в Хачмазском районе Республики Азербайджан, в состав которого по итогам межгосударственного договора были включены поселения Храхоба и Урьяноба.

До 1954 года эти села входили в состав Азербайджанской ССР, но в мае того же года, согласно постановлению Совета министров Советского Союза, были переданы на временных условиях Дагестанской автономной республике РСФСР в качестве пастбищных земель. В 1984 году решением Совета министров Азербайджанской ССР документ был пролонгирован, а в 2004 году срок действия документа истек: с этого периода Азербайджан претендует на полный контроль над данной территорией [8].

Поскольку до 2004 года поселения Храхоба и Урьяноба представляли собой российский эксклав на территории Азербайджана, жители этих сел могли свободно перемещаться по территории Республики, но, начиная с 2004 года, время пребывания на территории Азербайджана для населения Храхобы и Урьянобы было ограничено до трех дней с момента пересечения границы [12]. Специфика состоит в том, что абсолютное большинство населения Урьянобы и Храхобы имеет только российские паспорта, что является инструментом манипулирования и давления со стороны властей Азербайджана. Как отмечается в докладе Международной группы по предотвращению кризисов, который был посвящен Северному Кавказу, начиная с 2007 года регулярно поступали жалобы жителей сел Храхоба и Урьяноба на оказываемое давление со стороны азербайджанских властей, в частности, в документе акцентируется внимание на том, что Азербайджан принуждает население лезгинского анклава принимать гражданство Республики, либо уезжать на постоянное место жительства в Россию [7].

В 2013 году поступило официальное поручение президента России Владимира Путина от 13 августа 2013 года министерству регионального развития, министерству финансов, а также полномочному представителю президента в Северо-Кавказском федеральном округе о переселении жителей сел Урьяноба и Храхоба с территории Республики Азербайджан на территорию Российской Федерации, а именно, Магарамкентский район Республики Дагестан. В 2013 году также была разработана целевая программа по переселению на территорию Дагестана 137 лезгинских семей, сумма которой составила 987 миллионов рублей [6]. Между поселениями Советское и Новый

аул Магарамкентского района, близ села Бут-Казмаляр, был выделен участок под строительство площадью 86 гектаров. Данная территория располагает необходимой инфраструктурой: имеется наличие газовых коммуникаций, высоковольтных электролиний, проходит канал с питьевой водой [9].

Казалось бы, подобные факторы должны были способствовать ускорению процесса строительства новых населенных пунктов для лезгинских переселенцев, однако, переселение граждан России с территории Азербайджана по-прежнему не завершено. Проблемы начались уже на начальном этапе строительства. В начале 2014 года жители села Храхоба не смогли встретиться с представителями строительной организации «Промжилстрой», выигравшей тендер на строительство, поскольку на месте юридической регистрации вместо кампании находилось кафе [6]. Как объяснил руководитель «Дирекции государственного заказчика-застройщика», в начале 2014 года финансирования целевой программы по переселению начато еще не было, поскольку необходимых средств выделено не было, а торги были объявлены, чтобы показать федеральным чиновникам, что тендер проведен и уже есть победитель [6].

В 2016 году в Министерстве Российской Федерации по делам Северного Кавказа было проведено совещание по вопросу обустройства на территории Республики Дагестан жителей сел Урьяноба и Храхоба. В ходе совещания было отмечено, что обустройство на территории Республики Дагестан переселенцев из данных населенных пунктов предусмотрено в рамках подпрограммы «Социально-экономическое развитие Республики Дагестан на 2016-2025 годы» Государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года». В процессе реализации программы переселения с 2017 по 2023 годы предполагается построить 138 домов, школу, детский сад, фельдшерско-акушерский пункт, автомобильную дорогу и необходимую инженерную инфраструктуру [4].

Еще одним фактором, способствующим активизации лезгинского ирредентизма, является недовольство лезгинского социума относительно действующей системы распределения власти в Республике Дагестан. На протяжении 90-х годов политическое представительство этнических групп в Республике Дагестан гарантировалось как местными законами о выборах, так и республиканской Конституцией. До 2006 года роль высшего органа власти в республике играл Государственный Совет, избираемый Конституционным собранием. В состав Государственного Совета входили по одному представителю от всех 14 «титульных» народов Республики Дагестан, из числа которых впоследствии избирался председатель высшего органа власти [1, с. 69]. Специфика функционирования этого политического института состояла в том, что каждый член Государственного Совета имел право воспользоваться правом вето в процессе принятия любого политического решения, затрагивающего интересы своей этнической группы [1, с. 69]. Что касается законодательного органа власти, Народного Собрания, то здесь обеспечение представительства этнических групп происходило путем резервирования мест в парламенте за представителями «малых народов», а также через особую избирательную

систему, центральное место в которой играли национально-территориальные округа [1, с. 69].

Современное российское законодательство не содержит такого понятия, как «этническое квотирование»: после проведения федеральным центром политики по унификации правового поля внутри страны в начале 2000-х годов, региональные власти должны были исключить из местного законодательства положения, касающиеся квотного представительства этнических групп в органах государственной власти.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на изменения в законодательстве, проведенные федеральными властями в начале 2000-х годов, принцип этнического представительства полностью не ушел из российской политической практики, трансформировавшись за прошедшие 13-14 лет в неформальный политический институт. Как и ранее, наиболее активно он продолжает действовать в Республике Дагестан. Любопытным является то, что такие должности, как глава республики, председатель республиканского правительства и спикер парламента занимают исключительно представители трех этнических групп: аварцев, даргинцев и кумыков [1, с. 70]. Интересно, что подобная конфигурация сохраняется независимо от того, избирается ли глава республики через всенародное голосование, утверждается депутатами республиканского парламента, или назначается федеральным центром.

Подобная система распределения власти в республике является предметом недовольства представителей других этнических групп, в том числе, и лезгинского этноса. Представителями движения «Садвал» неоднократно высказывались претензии к институту этнического квотирования, который в настоящее время на неформальной основе действует в республике. В частности, руководители организации отмечали, что из 17 министерств в правительстве республики лишь одно возглавляет лезгин, а 19 комитетов правительства и иные структуры исполнительной власти и вовсе не возглавляются лезгинами [11, с. 118]. Следует отметить, что подобные недовольства представителей лезгинской организации «Садвал» говорят о наличии в современном Дагестане определенного социального заказа на неформальное этническое квотирование, которое многими жителями республики представляется «своеобразным компенсаторным механизмом достижения общественного согласия и этнополитического компромисса» [2, с. 354].

В настоящее время в Республике Дагестан действует пропорциональная избирательная система, которая, по мнению некоторых исследователей, не может способствовать эффективной институционализации связей между депутатами и определенными этническими сегментами общества. Как отмечает М.Х. Фарукшин, депутатов парламентов из числа этнических меньшинств «никто не уполномочивал выступать в роли представителей этнической группы. Будучи избранными, например, по общенациональному партийному списку, они, как и другие депутаты от данной партии, представляют интересы не отдельных этнических групп, а всех избирателей, проголосовавших за партию» [14, с. 35]. С подобной точкой зрения можно согласиться. Учитывая определенный запрос населения Дагестана на этническое квотирование,

целесообразным может стать принятие такого политического решения, как переход республики к мажоритарной избирательной системе, а также к парламентской форме правления, в рамках которой главой республики будет являться глава правительства, избираемый парламентом республики. Подобное решение может повысить эффективность этнического квотирования как неформального политического института и механизма поддержания социально-политической стабильности в республике. Переход к мажоритарной избирательной системе также позволит повысить институционализацию связей между законодательной ветвью власти республики и различными этническими сегментами общества.

Итак, переходя к выводам, следует отметить, что в настоящее время лезгинский ирредентизм представляет собой весьма серьезный геополитический фактор на Северном Кавказе, развитию которого способствуют две основные проблемы: передача Азербайджану в 2011 году российского эксклава – лезгинских поселений Храхоба и Урьяноба, а также недовольство лезгинского этноса межэтническим распределением властных полномочий в Республике Дагестан. Говоря о вариантах решения обозначенных проблем, необходимо подчеркнуть, что наиболее оптимальным вариантом решения первой проблемы является реализация программы переселения российских граждан из сел Храхоба и Урьяноба на территорию Российской Федерации, поскольку, как известно, закон обратной силы не имеет и, соответственно, какое-либо изменение Договора о государственной границе между Россией и Азербайджаном, ратифицированного 17 июня 2011 года, на данный момент невозможно. Что касается второй проблемы, то одним из возможных вариантов ее преодоления может стать внесение изменений в политическую и избирательную системы Республики Дагестан, предполагающих, в частности, переход республики к парламентской форме правления и мажоритарной избирательной системе, что позволит сделать более эффективным функционирование неформального института «этнического квотирования», который является одним из важнейших механизмов поддержания социально-политической стабильности в республике.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Адиев А.З., Курбанов Р.Ш.* Распределение властных позиций в Дагестане: исследование политического представительства этнических групп в региональной власти // Социум и власть. - 2016. - № 4 (60). - С. 68-74.

2. *Аствацатурова М.А.* Этнополитические доктрины властных элит Северо-Кавказского федерального округа РФ // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. - 2014. - № 4. - С. 352-357.

3. *Василик М.А., Вершинин М.С.* и др. Политология: словарь-справочник. М.: Гардарики, 2001. 328 с. URL: http://www.novsu.ru/npe/files/um/1412/bg/shell/arh/slov/Василик%20М.%20Политология%20Словарь-справочник.htm (дата обращения: 07.06.2017).

4. *В Минкавказе России* обсудили решение проблем переселенцев из сел Храх-Уба и Урьян-Уба в рамках Госпрограммы социально-экономического развития СКФО //

Официальный сайт Министерства РФ по делам Северного Кавказа. 2016. 15 июн. URL: http://minkavkaz.gov.ru/press-center/news/2121/ (дата обращения: 08.06.2017).

5. *Гушер А.* Лезгинский фактор // Азия и Африка сегодня. - 1999. - №7. - С. 3-11.

6. *Дагестанские переселенцы* жалуются на отсутствие информации о программе переселения // Информационное агентство REGNUM. 2014. 20 янв. URL: https://regnum.ru/news/polit/1756478.html (дата обращения: 05.06.2017).

7. *Дагестану понадобилось* 900 миллионов на переселение лезгин из Азербайджана // Информационное агентство Lenta.ru. 2012. 26 дек. URL: https://lenta.ru/news/2012/12/26/resettlement/ (дата обращения: 03.06.2017).

8. *Жители российского* анклава в Азербайджане провели митинг в Махачкале // Информационное агентство Lenta.ru. 2011. 8 фев. URL: https://lenta.ru/news/2011/02/08/hrahuba/ (дата обращения: 02.06.2017).

9. *Жители села Храх-уба* получили надежду на переселение в 2014 году (Дагестан) // Информационное агентство REGNUM. 2013. 3 дек. URL: https://regnum.ru/news/1740442.html (дата обращения: 06.06.2017).

10. *Казенин К.* О чем Медведева не спросят в Азербайджане? // Информационное агентство REGNUM. 2010. 1 сен. URL: https://regnum.ru/news/polit/1320893.html (дата обращения: 02.06.2017).

11. *Литвинова Т.Н.* Особенности институционализации этнонационального движения на Северном Кавказе России (на примере лезгин) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. - 2015. - № 1. - С. 110-122.

12. *Мирмаксумова А.* Рубли и манаты в одном кошельке // Российская газета. 2008. 13 мар. URL: https://rg.ru/2008/03/13/reg-jugrossii/hrahuba.html (дата обращения: 03.06.2017).

13. *Тесемникова Е.* «Великая Черкесия», «свой Лезгистан»… // Вестник Кавказа. 2011. 1 сен. URL: http://www.vestikavkaza.ru/analytics/42204 (дата обращения: 23.05.2017).

14. *Фарукшин М.Х.* Политическое представительство этнических групп // Вестник российской нации. - 2011. - № 4-5. - С. 24-44.

15. *Ethnic composition* of Azerbaijan 2009 // Population statistics of Eastern Europe – pop-stat.mashke.org. URL: http://pop-stat.mashke.org/azerbaijan-ethnic2009.htm (date of access: 05.06.2017).

16. *Uznarodov D.I.* The specifics of the internal migration processes in the North Caucasus in the post-Soviet period // Science almanac of Black Sea region countries. - 2016. - № 2. - P. 22-26.

УДК 323.1 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-110-118**

ЛЕЗГИНСКИЙ ИРРЕДЕНТИЗМ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ФАКТОР НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Д.И. УЗНАРОДОВ

ФГБУН Южный научный центр РАН,
Лаборатория казачества
344006, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается геополитический аспект проблемы лезгинского ирредентизма в постсоветский период, проводится анализ основных факторов, влияющих на ее развитие. Отмечается, что к таким факторам относятся передача Азербайджану в 2011 году в результате ратификации Договора о государственной границе между Россией и

Азербайджаном российского эксклава – лезгинских поселений Храхоба и Урьяноба, а также недовольство лезгинского этноса межэтническим распределением властных полномочий в Республике Дагестан. Делается вывод, что переход данных населенных пунктов в управление Республики Азербайджан может спровоцировать рост межэтнической напряженности на данных территориях, а также стать источником социально-политической нестабильности в районах компактного проживания лезгинского этноса на территории Республики Дагестан, где факт принятия этого политического решения был воспринят достаточно негативно со стороны местного населения. Одним из наиболее оптимальных вариантов решения данного вопроса может стать реализация программы переселения российских граждан из сел Храхоба и Урьяноба на территорию Российской Федерации. Что касается второй проблемы, то в качестве варианта ее преодоления предлагается внесение изменений в политическую и избирательную системы Республики Дагестан, предполагающих, в частности, переход республики к парламентской форме правления и мажоритарной избирательной системе, что позволит укрепить такой неформальный институт как этническое квотирование, являющийся механизмом достижения общественного согласия, этнополитического компромисса, а также социально-политической стабильности.

Ключевые слова: ирредентизм; Российская Федерация; Азербайджанская Республика; Северный Кавказ; Республика Дагестан; лезгинский этнос.

LEZGIN IRREDENTISM AS A GEOPOLITICAL FACTOR IN THE NORTH CAUCASUS

D.I. UZNARODOV

Southern scientific center of the Russian Academy of Sciences,
Laboratory of studying of Cossacks
344006, Rostov region, Rostov-on-Don, Chekhova av., 41
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Abstract. The article discusses the geopolitical aspect of the problem of Lezgin irredentism in the post-Soviet period, analyzes main factors influencing on its development. It is noted that these factors include the transfer to Azerbaijan in 2011 of the Russian exclave – Lezgin settlements Khrakhoba and Uryanoba as a result of the ratification of the Treaty on the state border between Russia and Azerbaijan; the second factor is the displeasure of the Lezgin ethnic group with ethnic distribution of power in Republic of Dagestan. It is concluded that the transition of these settlements to the administration of the Republic of Azerbaijan can provoke the growth of interethnic tension in these areas and become a source of socio-political instability in areas of compact residence of the Lezgin ethnic group on the territory of the Republic of Dagestan, where the fact of adoption of this political decision was perceived rather negatively by the local population. One of the best solutions to this issue may be the implementation of the program of resettlement of citizens of Russia from villages Khrakhoba and Uryanoba to the territory of Russian Federation. As for the second problem, changes in the political and electoral system of the Republic of Dagestan, including, in particular, the transition to a parliamentary Republic form of government and majoritarian electoral system that will strengthen such informal institution as ethnic quotas, which is the mechanism for achieving social cohesion, ethno-political compromise, as well as socio-political stability is proposed as a variant of its solution.

Key words: irredentism; Russian Federation; Azerbaijan Republic; the North Caucasus; Republic of Dagestan; Lezgin ethnic group.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ, УСТОЙЧИВОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ

А.А. ТУМОВ

Постановка проблемы

Изучение избирательной системы республик Северного Кавказа (и Кабардино-Балкарии, в частности) в политологической литературе обычно проводится в контексте определения их места на электоральной карте страны [26; 37; 39]. По итогам федеральных избирательных кампаний появляются аналитические публикации критического характера. Фиксируемые в них «аномалии» электорального процесса в этом регионе, распространяются и на Кабардино-Балкарию [32; 37]. В качестве специальных исследований по материалам республики следует выделить работы С.И. Аккиевой, рассматривающие избирательные кампании 1993 и 1995 гг. в КБР, но они выполнены в плане мониторинга общественно-политической ситуации без постановки более широких аналитических задач [1; 2].

Между тем, использование более широкого системно-исторического подхода позволяет прийти к корректировке устоявшихся представлений об особенностях избирательных процессов в регионе и сделать более сбалансированные выводы о ходе развития этих процессов. Опыт подобного исследования продемонстрирован в исследовании А.Х. Борова на примере электорального процесса в КБР 1990-х гг. [4]. В нем показано, что ключевым фактором формирования электорального опыта Кабардино-Балкарии в 1990-е гг. была необходимость для республиканских элит адаптироваться к условиям перманентной политической неустойчивости в стране на этапе кризиса и демонтажа советской политической системы (1990 – октябрь 1993 г.) и на этапе функционирования ельцинской «режимной системы» (декабрь 1993 – декабрь 1999).

Однако налицо контраст, который составляют избирательные процессы в Российской Федерации в 2000-е гг. в сравнении с предыдущим периодом, и связан этот контраст с новым раундом реформ федеративной и региональной политической системы, а также со снижением электоральной конкуренции [18]. В данной статье осуществляется анализ влияния упомянутых выше факторов на избирательный процесс в Кабардино-Балкарской Республике 2000-х гг., в частности, таких его сущностных показателей и тенденций изменения, как участие избирателей в голосовании, их политические предпочтения и степень конкурентности выборов с целью построить более дифференцированное представление о процессе становления современной электоральной культуры региона.

Выборы 2000-2003: Кабардино-Балкария в новых политических условиях

В политической истории современной России наступление нового 2000 года оказалось связано с переходом к новому курсу высшего государственного руководства – курсу на консолидацию общества и укрепление государства. Он персонифицировался в фигуре В.В. Путина, который в августе возглавил правительство, с начала 2000 года стал и.о. Президента РФ. Выборы Президента были назначены на 26 марта 2000 года.

То, что за думскими выборами декабря 1999 г. вскоре последовали именно президентские, позволило республиканским элитам быстрее сориентироваться в новой политической обстановке. Из 12 выдвинутых кандидатов на пост Президента РФ наибольшими шансами, по оценкам политологов, обладал Председатель Правительства РФ В.В. Путин. Результаты голосования свидетельствуют, что в Кабардино-Балкарии, как и в ряде других «национальных» республик, политическая переориентация происходила опережающими темпами (Таблица 1).

Впервые на федеральных выборах по КБР был показан уровень участия избирателей в голосовании и уровень поддержки основного кандидата, более чем на 20% превышающий среднероссийские показатели. Примерно такое же превышение имела доля голосов за В.В. Путина над среднероссийскими показателями (74,47% против 52,94%). Основной конкурент В.В. Путина лидер КПРФ Г.А. Зюганов получил в республике почти на 10% меньшую долю голосов, чем по стране (19,65% против 29,21%).

Таблица 1. Итоги выборов Президента РФ 26 марта 2000 г. по Кабардино-Балкарской Республике [11]

	РФ		КБР	
	Абс.	%	Абс.	%
Число избирателей, внесенных в список	109 372 046		510669	
Число избирателей, принявших участие в голосовании	75 070 776	68,64	451928	88,50
Число голосов избирателей, поданных за каждый список				
Говорухин Станислав Сергеевич	328 723	0,44	449	0,10
Джабраилов Умар Алиевич	78 498	0,10	880	0,19
Жириновский Владимир Вольфович	2 026 513	2,70	2142	0,47
Зюганов Геннадий Андреевич	21 928 471	29,21	88811	19,65
Памфилова Элла Александровна	758 966	1,01	1255	0,28
Подберезкин Алексей Иванович	98 175	0,13	407	0,09
Путин Владимир Владимирович	39 740 434	52,94	338378	74,87
Скуратов Юрий Ильич	319 263	0,43	757	0,17
Титов Константин Алексеевич	1 107 269	1,47	821	0,18
Тулеев Аман-Гельды Молдагазыевич	2 217 361	2,95	4702	1,04
Явлинский Григорий Алексеевич	4 351 452	5,80	7043	1,56
Против всех	1 414 648	1,88	2730	0,60

На этом фоне и с учетом накопленного республиканскими властями опыта «организованного проведения выборов» очередные выборы Президента КБР, назначенные на 13 января 2002 года, должны были бы пройти гладко. Но они знаменовали собой своего рода возвращение к конкурентности после безальтернативных и триумфальных для В.М. Кокова выборов 1997 г. Для

участия в выборах зарегистрировались восемь кандидатов, однако двое из них позже отозвали свои кандидатуры. Анализ средств массовой информации, освещающих предвыборные кампании кандидатов, показывает, что наибольшую активность перед выборами проявили А.Х. Кажаров, М.Т. Батыров и действующий президент В.М. Коков. В определенной мере эта кампания продолжила тенденцию выхода на политическую арену республики «больших денег», обозначенную кампанией Р.А Теуважукова в 1999 г. [4, 165]. За спиной А.Х. Кажарова – несомненно, и М.Т. Батырова – с большой долей вероятности – стояли бизнес-структуры А.Б. Канокова. Оппоненты В.М. Кокова вели активную и наступательную кампанию с использованием достаточно широкого набора средств воздействия на избирателей. С этим связана одна из парадоксальных черт избирательных процессов в Кабардино-Балкарии, если предположить, что официальные данные отражают реальное поведение избирателей. Явка на этих выборах была показана на уровне 85,87% от числа зарегистрированных избирателей. То есть получается, что в ситуации безальтернативных выборов 1997 года с предрешенным результатом граждане республики проявили значительно большую заинтересованность и активность (97,72% явки). ПО подведении итогов выборов была зафиксирована победуа Кокова, получившего 87,18% голосов (Таблица 2).

Таблица 2. Итоги выборов Президента КБР 13.01.2002 г.
(в % от числа принявших участие в выборах) [10]

№	**Кандидаты**	Баксанская	Зольская	Майская	Нальчикская городская	Прохладненская	Прохладненская городская	Терская	Урванская	Чегемская	Черекская	Эльбрусская	Итого
1	Батыров М.Т.	21,47	3,26	0,84	13,27	4,19	5,64	4,55	1.60	8,64	1,68	1,39	8,39
2	Кажаров А.Х.	0,86	0,11	0,47	2,43	0,65	1,19	0,30	2.37	0,41	0,24	0,12	1,28
3	Коков В.М.	73,89	95,60	96,97	79,85	92,69	87,89	94,18	95,25	83,89	96,63	97,68	87,18
4	Мурачаев Р.Х.	0,52	0,47	0,46	0,77	0,50	0,57	0,09	0,16	4,62	0,07	0,23	0,80
5	Хавжоков Б.Х.	0,03	0,01	0,14	0,16	0,06	0,10	0,01	0,03	0,05	0,01	0,00	0,07
6	Юхаев С.Д.	0,07	0,03	0,08	0,20	0,05	0,06	0,00	0,01	0,02	0,00	0,03	0,08
	Против всех	0,44	0,12	0,47	1,65	0,51	2,50	0,05	0,04	0,37	0,34	0,23	0,79
	Доля избирателей, принявших участие в выборах	84,06	96,34	97,73	75,72	96,29	66,62	98,10	95,86	93,08	97,30	94,75	85,87

Суммарно конкуренты действующего президента получили почти 11% голосов, из которых 8,39% пришлись на долю М.Т. Батырова. При этом в Баксанском районе он получил 21,47%, а в Нальчике 13,27% голосов. Но еще одна особенность этих выборов состояла в том, что проигравшие их участники оспорили результаты голосования в судебном порядке. Претензии носили широкий характер и свидетельствовали о том, что кандидаты располагали

значительными возможностями, чтобы контролировать ситуацию в ходе предвыборной агитации и в день голосования [42].

В 2003-2004 гг. начинается новый этап в развитии электоральных практик, связанный с изменением порядка формирования Парламента и отменой выборов глав исполнительной власти субъектов РФ. 11 июня 2003 г. был принят закон «О поправках к главам 3-9 Конституции Кабардино-Балкарской Республики», согласно которому устанавливался переход от двухпалатной к однопалатной структуре Парламента КБР и увеличении числа депутатов с 72. Возникшую вероятность снижения уровня представительности Парламента в важном для республики этнополитическом аспекте компенсировало увеличение числа депутатов до 110 [23].

7 декабря 2003 г. прошли очередные выборы в Государственную Думу. Выборы проходили по смешанной системе. Ход и результаты избирательной кампании по общефедеральному округу (голосование по партийным спискам) и по одномандатному округу, где избирался один депутат от республики, существенно различались. Голосование по партийным спискам соответствовало официальным позициям республиканского руководства (в Таблице 14 приведены результаты по 11 партиям, набравшим в общенациональном масштабе не менее 1% голосов). Вновь имели место очень высокие показатели участия в голосовании и поддержки впервые консолидированно выступившей на них новой «партии власти». Отрыв от среднероссийских показателей явки составил свыше 20% (75,71% против 55,67%), а «Единая Россия» получила вдвое больше голосов, чем в среднем по стране (74,78% против 37,57%). Это было больше, чем в 1999 г. получили в республике «Отечество – вся Россия», «Единство», НДР и «Женщины России» вместе (66,28%).

Таблица 3. Итоги голосования по партийным спискам на выборах в Государственную Думу 7 декабря 2003 года [25]

	РФ			КБР		
	Абс.	%		Абс.	%	
Число избирателей, включенных в списки избирателей	108906244			505638		
Число избирателей, принявших участие в голосовании	60633179	55,67		382809	75,71	
Число голосов избирателей, поданных за каждый список						
Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	7647820	12,61	12,61	28315	7,40	7,40
Российская партия пенсионеров и партия социальной справедливости	1874739	3,09	6,15	5484	1,43	2,92
Народная партия Российской Федерации	714652	1,18		1299	0,34	
Партия Возрождения России - Российская партия жизни	1140333	1,88		4384	1,15	
Аграрная партия России (АПР)	2205704	3,64%	41,21	8461	2,21	76,99
«Единая Россия»	22779279	37,57		286255	74,78	
Союз правых сил	2408356	3,97	8,27	5261	1,37	2,04
«Яблоко»	2609823	4,30		2567	0,67	
«Родина»	5469556	9,02	21,64	12174	3,18	6,61
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	6943885	11,45		11475	3,00	

«Единение»	710538	1,17		1630	0,43	
Всего		89,88			95,96	
Число голосов избирателей, поданных против всех федеральных списков кандидатов	2851600	4,70%		5052		

В одномандатном округе развернулась борьба между 6 кандидатами, и наибольшую активность проявили кандидат блока «Единство и Отечество» З.А. Нахушев и самовыдвиженец А.Л. Шхагошев. Кандидаты в депутаты потратили значительные суммы денег на избирательную кампанию (1,6 млн и 2,3 млн руб. Соответственно [34]), а также выдвинули серию взаимных обвинений в нарушениях правил проведения предвыборной агитации. Анализ освещения предвыборной агитации в газете Правительства и Парламента КБР «Кабардино-Балкарская правда» показывает, что поддержка была оказана именно З.А. Нахушеву. Явка на выборах в Государственную Думу в КБР составила 75,9% (общероссийский показатель – 55,75%), голоса 70,06% избирателей были отданы за З.А. Нахушева.

В тот же день 7 декабря 2003 г. состоялись выборы депутатов Парламента КБР 3 созыва. Согласно новому законодательству, половина депутатов избиралась по одномандатным избирательным округам, вторая половина – по единому республиканскому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты Парламента. Были утверждены списки для голосования по республиканскому избирательному округу от шести партий, однако пройти в Парламент смогли представители лишь трех партий (Таблица 4).

Таблица 4. Итоги голосования по партийным спискам на выборах депутатов Парламента КБР третьего созыва 7 декабря 2003 года [8]

Число избирателей, включенных в списки избирателей	506640	100
Число избирателей, принявших участие в голосовании	381212	75,39
	Число голосов избирателей, поданных за каждый республиканский список кандидатов	В процентах от числа избирателей, принявших участие в голосовании
Кабардино-Балкарское отделение КПРФ	33137	8,69
Кабардино-Балкарское отделение Партии возрождения России	6022	1,60
Кабардино-Балкарское отделение партии «СПС»	7679	2,01
Кабардино-Балкарское отделение Российской партии жизни	7228	1,90
Кабардино-Балкарское отделение политической партии «Единая Россия»	272250	71,42
Кабардино-Балкарское отделение Аграрной партии России	32639	8,56
Число голосов избирателей, поданных против всех республиканских списков кандидатов	16756	4,40

Из 55 избранных по единому избирательному округу депутатов 44 представляли «Единство и Отечество», 6 – КПРФ и 5 – Аграрную партию России. В общем и целом результаты голосования на выборах в Парламент республики соответствовали общенациональным политическим сдвигам. Но в очередной раз проявилось определенное своеобразие местных электоральных практик. Аграрная партия России, которая в 1999 г. присоединилась к блоку «Отечество – вся Россия», вновь выступила на выборах 2003 года самостоятельно, и получила на общенациональном уровне 3,64% голосов. В республике голосование по партийным спискам в Государственную Думу дало ей только 2,21% голосов, а вот на выборах в местный парламент список АПР получил 8,56% голосов и 5 депутатских мандатов.

«Электоральный авторитаризм» и закрепление «аномалий» электоральных практик

Дело построения «вертикали власти», начатое еще в первый срок президентства В.В. Путина, было продолжено и после его переизбрания в 2004 г. Президентские выборы 14 марта прошли в условиях отсутствия реальной конкуренции действующему президенту. На общероссийском уровне Путин получил голоса 71,2% избирателей (при явке 64,38%). В КБР выборы прошли, по мнению председателя Избиркома Б.М. Зумакулова, «вяло» – в отсутствие активной работы со стороны доверенных лиц и штабов кандидатов в Президенты [15]. Тем не менее, итоги выборов фиксируют еще один качественный скачок в эволюции электоральных практик в КБР (Таблица 5).

Таблица 5. Итоги выборов Президента РФ 14 марта 2004 года по Кабардино-Балкарской Республике [12]

	РФ		КБР	
	Абс.	%	Абс.	%
Число избирателей, внесенных в список	108064281		521760	
Число избирателей, принявших участие в голосовании	69504278	64,32	509806	97,71
Число голосов избирателей, поданных за каждый список				
Глазьев Сергей Юрьевич	2850330	4,10	1880	0,37
Малышкин Олег Александрович	1405396	2,02	722	0,14
Миронов Сергей Михайлович	524392	0,75	611	0,12
Путин Владимир Владимирович	49563020	71,31	491916	96,49
Хакамада Ирина Муцуовна	2671519	3,84	1562	0,31
Харитонов Николай Михайлович	9514224	13,69	11310	2,22
Против всех	2396219	3,45	1250	0,25

Итоговые показатели активности избирателей и поддержки основного кандидата впервые на федеральных выборах приблизились к 100% – в выборах приняли участие 97,71% избирателей. Свои голоса за Путина отдали 96,49% проголосовавших.

В том же 2004 году были приняты политические (сентябрь) и законодательные (декабрь) решения, в результате которых порядок прямых выборов главы субъекта федерации заменялся процедурой наделения его

полномочиями законодательным собранием по представлению Президента России. Примерно через год после этого, 16 сентября 2005 г., Президент КБР В.М. Коков подал заявление об отставке. В течение короткого времени Президент РФ представил Парламенту КБР кандидатуры (причем в газете «Кабардино-Балкарская правда» была опубликована статья, в которой говорилось о том, что полпреду Президента России в ЮФО Д.Н. Козаку уже известно имя будущего главы КБР [22]). На протяжении всей недели в каждом номере «Кабардино-Балкарской правды» публиковались статьи, в которых внимание уделялось именно кандидатуре А.Б. Канокова. Уже 28 сентября А.Б. Каноков присягал на верность народу Кабардино-Балкарии в качестве нового главы республики. Практика назначения главы республики законодательным собранием продолжилась и в 2010 г., когда президент РФ Д.А. Медведев внес кандидатуру все того же Канокова (других кандидатур выдвинуто не было). 1 сентября 2010 г. кандидатура была утверждена Парламентом; начался второй пятилетний срок президентства А.Б. Канокова.

2 декабря 2007 г. прошли выборы в Государственную Думу ФС РФ, отмеченные рядом нововведений. Это были первые выборы, на которых барьер для партий, проходящих в Думу по партийным спискам, повышен с 5% до 7%. Кроме того, из законодательства исчезло понятие «нижний порог явки» и возможность голосовать против всех, отменена мажоритарная система и голосование по одномандатным округам, членам одной партии запрещено проходить по спискам другой, а партии потеряли возможность объединяться в выборные блоки; был упразднен институт независимых российских наблюдателей (оставлены только от партий) [21].

Результаты выборов в Кабардино-Балкарии не выбивались из общего тренда электорального процесса республики предыдущих лет (Таблица 6).

Таблица 6. Итоги голосования по партийным спискам на выборах в Государственную Думу 2 декабря 2007 года [5]

	РФ			КБР		
	Абс.	%		Абс.	%	
Общее количество избирателей	109145517			518183		
Приняло участие в голосовании	69537065	63,71		501004	96,68	
Партии						
КПРФ	8046886	11.57	11,57	8601	1.72	1,72
Партия социальной справедливости	154083	0.22	8,85	115	0.02	1,41
«Патриоты России»	615417	0.89		566	0.11	
«Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь»	5383639	7.74		6404	1.28	
АПР	1600234	2.30	66,60	596	0.12	96,24
«Единая Россия»	44714241	64.30		481583	96.12	
«Яблоко»	1108985	1.59	3,73	277	0.06	0,12
«Гражданская Сила»	733604	1.05		174	0.03	
«Демократическая партия России»	89780	0.13		51	0.01	
Союз правых сил	669444	0.96		119	0.02	
ЛДПР	5660823	8.14	8,14	2030	0.41	0,41

Явка на выборах составила 96,7% (что на 21% выше, чем на выборах 2003 г.). Результаты разительно отличались от общефедеральных: 96,12% голосов получила «Единая Россия» (в РФ – 64,3%). Партии, в целом по стране преодолевшие 7-процентный барьер, необходимый для прохождения в Думу (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»), в КБР получили ничтожно малые доли голосов – самый высокий результат составил 1,72% (КПРФ). Вызывает интерес тот факт, что многие кандидаты от ЕР баллотировались не от тех мест, в которых они проживают. Это относится в том числе к кандидату от КБР Ю.В. Васильеву, карьера которого сложилась в Ставропольском крае. Независимые наблюдатели отметили, что Кабардино-Балкария вошла в число регионов, где в целях пропаганды использовалась реклама, в которой «План Путина» совмещался с планом руководителя субъекта – «План Путина. План Канокова». В 10 районах КБР и явка избирателей, и поддержка «Единой России» превысила 95% (Кабардино-Балкария заняла неофициальное «третье место» в рейтинге поддержки «Единой России» среди субъектов РФ). Авторы исследования приходят к мысли о том, что подобные результаты свидетельствуют либо об отсутствии свободного волеизъявления, либо о прямых фальсификациях [27, с. 173]. О нарушении принципа свободных выборов в 2007 г. заявили и другие организаторы и наблюдатели [33].

Очередные выборы Президента РФ прошли 2 марта 2008 г. По результатам выборов победу одержал Д.А. Медведев, получивший 70,28% голосов. Его показатель в Кабардино-Балкарии – 88,8%; кандидаты Зюганов, Жириновский и Богданов получили 8,65%, 2,27% и 0,16% соответственно. Явка в КБР составила 91,5%. Любопытно, что на выборах 2008 г. Кабардино-Балкария показала более низкую явку, чем 2 декабря 2007 г., и более низкую, чем у «Единой России» в 2007 г., поддержку Д.А. Медведева, в то время как по всей стране эти показатели выросли (Таблица 7).

Таблица 7. Итоги выборов Президента РФ 2 марта 2008 г. по КБР [13]

	РФ		КБР	
	Абс.	%	Абс.	%
Число избирателей, включенных в списки избирателей	107222016		517715	
Число избирателей, принявших участие в голосовании	74746649	69,71	474720	91,70
Число голосов избирателей, поданных за каждый список				
Богданов Андрей Владимирович	968344	1.30	757	0.16
Жириновский Владимир Вольфович	6988510	9.35	10787	2.27
Зюганов Геннадий Андреевич	13243550	17.72	41075	8.65
Медведев Дмитрий Анатольевич	52530712	70.28	421551	88.80

Другой интересный факт связан с тем, что Медведев получил один из самых высоких показателей поддержки в Нальчике (90,89%) [35], хотя столица Кабардино-Балкарии всегда отличалась большей «оппозиционностью» (если можно таковой назвать разницу в несколько процентов) по отношению к победителям выборов – как президентских, так и думских.

Выборы в Парламент КБР, состоявшиеся за год до назначения А.Б. Канокова на второй президентский срок, прошли 1 марта 2009 г. Согласно

новому законодательству, с 2007 г. для ГД и законодательных собраний субъектов была введена пропорциональная система голосования по партийным спискам. Кроме того, уменьшилось количество депутатов Парламента со 110 до 72. Всего в избирательной гонке приняли участие 4 партии (Таблица 8.).

Четыре партии распределили между собой места в Парламенте: КПРФ (6), ЛДПР (5), «Справедливая Россия» (9) и получившая большинство мест в законодательном собрании «Единая Россия» (52). В приведенных результатах присутствуют данные, которые вызывают вопросы, поскольку не поддаются объяснению с точки зрения осознанного выбора избирателей. Так, впервые в истории современной КБР Либерально-демократическая партия получила свыше 7% голосов. Но интересен здесь не только резкий скачок по сравнению с результатами думских выборов 2007 года (0,41%), но и последующий еще более резкий спад поддержки ЛДПР на думских выборах 2011 года (0,08%). Аналогичная ситуация сложилась у Справедливой России, которая получила в КБР в 2007 году 1,28% голосов, в 2009 – 12,26% и в 2011 году – 0,20% голосов. Возможным объяснением представляется общая линия республиканского руководства на то, чтобы максимально обеспечивать интересы «партии власти» на федеральных выборах, идя при этом навстречу интересам других думских партий с точки зрения их представительства в региональном парламенте. Конкретные обстоятельства, объясняющие итоги выборов 2009 г., могут быть связаны с тем, что Президент КБР А.Б. Каноков стал депутатом Думы в 2003 г. по списку ЛДПР, а накануне выборов в Парламент КБР было достигнуто согласие с лидером Справедливой России по вопросу о замене руководства регионального отделения этой партии на более лояльных А.Б. Канокову лиц [26, с. 102-103].

Таблица 8. Итоги голосования по партийным спискам на выборах депутатов Парламента КБР четвертого созыва 1 марта 2009 года [9]

Число избирателей, включенных в списки избирателей	520067	100%
Число избирателей, принявших участие в голосовании	435006	83,64%
Партии	Число голосов избирателей, поданных за каждый республиканский список кандидатов	В процентах от числа избирателей, принявших участие в голосовании
КБРО «ЛДПР»	30548	7,02
КБРО «КПРФ»	36378	8,36
КБРО Всероссийской ПП «Единая Россия»	314468	72,29
РО ПП «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь» в КБР	53340	12,26

4 декабря 2011 г. состоялись выборы в Государственную Думу VI созыва. Согласно избирательному законодательству, политические партии имели право на полноценное представительство в Думе только при условии преодоления семипроцентного барьера. Кроме того, партии, набравшие от 5 до 6 % голосов, получали по одному мандату в Госдуме, набравшие от 6 до 7 % – два мандата. Однако в реальности такой результат не был показан какой-либо партией. По

результатам голосования все четыре партии, которые были представлены в нижней палате Федерального собрания V созыва, сохранили своё представительство в Госдуме VI созыва. При этом ни одна другая партия не смогла туда попасть. Согласно данным ЦИК, при явке 60,1% победу одержала «Единая Россия» с результатом 49,31%. Также в Думу попали прошедшие порог КПРФ (19,19%), «Справедливая Россия» (13,25%) и ЛДПР (11,86%). Партии «Яблоко», «Патриоты России» и «Правое дело» не прошли 7-процентный барьер, а последние две партии не набрали даже 1% голосов.

По результатам выборов (Таблица 9) Кабардино-Балкария оказалась одним из лидеров среди субъектов РФ по явке избирателей с результатом 98,33% [40]. А значительное большинство голосов получила «партия власти» – «Единая Россия» (81,91%). Не вызывало бы удивления второе место КПРФ (17,63%), если бы не резкое увеличение числа голосов в ее поддержку по сравнению с выборами 2007 года: с 8 601 (1,72%) до 92 153 (17,63%). Остальные партии не получили соответствующей общенациональным результатам поддержки в КБР – так, набравшая больше остальных «Справедливая Россия» получила 0,2% голосов. Эти цифры вызвали недоверие социологов, так как, согласно данным опросов, половина жителей региона никогда не принимает участие в выборах [36]. Вместе с тем, аналитики считают математически доказанной зависимость количества голосов, полученных «Единой Россией» в тех или иных избирательных округах от уровня явки. С превышением уровня явки в округе над средним значением в 60% на 5 и более процентов всегда наблюдается превышение доли голосов, полученных «Единой Россией» над средним значением, составляющим около 50% [32]. Некоторые авторы доказывают, что почти во всех регионах происходили приписки в пользу «Единой России» и по большей части голоса отнимались у КПРФ. График же, построенный по данным голосования 4 декабря 2011 г. в Кабардино-Балкарии, дает основание считать, что все происходило наоборот – у «Единой России» отнимали голоса и «приписывали» коммунистам [37, с. 53]. Но, разумеется, речь не идет об «отъеме» реальных голосов у «партии власти» и «передаче» их оппозиции. Скорее следует предполагать, что формировался такой общий результат голосования, который позволил получить место в Думе по списку КПРФ местному водочному «олигарху» А.Ж. Бифову.

Таблица 9. Итоги голосования по партийным спискам на выборах в Государственную Думу 4 декабря 2011 года [6]

	РФ			КБР		
	Абс.	%		Абс.	%	
Число избирателей, внесенных в список избирателей	109229337	100		531612		
Число избирателей, принявших участие в выборах	65648680	60,10		522724	98,33	
Число голосов избирателей, поданных за каждый список						
КПРФ	12599420	19.19	19,19	92153	17,63	17,63
Патриоты России	639067	0.97	14,22	135	0,03	0,23

«Справедливая Россия»	8695458	13.25		1045	0,20	
«Единая Россия»	32371737	49.31	49,31	428171	81,91	81,91
«Яблоко»	2252327	3.43	4,03	368	0,07	0,11
«Правое дело»	392727	0.60		228	0,04	
ЛДПР	7664516	11,68	11,68	418	0,08	0,08

Наводят на мысль об обеспечении поддержки центру и итоги выборов Президента РФ 4 марта 2012 г. Для участия в них выдвинулись не только представители думских политических партий, но и самовыдвиженец М.Д. Прохоров. Выборы состоялись в первом туре, с большим отрывом от конкурентов победил В.В. Путин (63,6%). Его ближайший конкурент – Г.А. Зюганов – получил всего 17,18%. В Кабардино-Балкарии выборы прошли в обстановке массированной агитации за кандидата от «Единой России», но общая картина их итогов уже не была привычно однозначной и по уровню участия избирателей голосования, и по уровню поддержки основного кандидата (Таблица 10).

Таблица 10. Итоги выборов Президента РФ 4 марта 2012 г. по КБР [14]

	РФ		КБР	
	Абс.	%	Абс.	%
Число избирателей, включенных в списки избирателей	109860331		528147	
Число избирателей, принявших участие в голосовании	71701665	65,27	385786	73,05
Число голосов избирателей, поданных за каждый список				
Жириновский Владимир Вольфович	4458103	6.22	11888	3,08
Зюганов Геннадий Андреевич	12318353	17.18	53261	13,81
Миронов Сергей Михайлович	2763935	3.85	11753	3,05
Прохоров Михаил Дмитриевич	5722508	7.98	8937	2,32
Путин Владимир Владимирович	45602075	63.60	299529	77,64

В КБР явка избирателей, как обычно, превысила общероссийский уровень (73% против 65,34%), но далеко не достигла 91,70%, как в 2008 г. Наибольшая явка зафиксирована в Нальчике – 76,69 процента, наименьшая – в Баксанском районе – 69,06 процента [6]. За Владимира Путина проголосовало почти триста тысяч человек, что составило 77,64 процента голосов, т.е. меньше, чем за Д.А. Медведева в 2008 г. (свыше 421 тысячи человек и 88,80%), за Геннадия Зюганова – пятьдесят три тысячи, или 13,81 процента, остальные кандидаты набрали по 2-3%. Выборы в КБР прошли с нарушениями, такими, как отключение веб-камер и вброс большого количества бюллетеней одним избирателем [28]. В сети во всеобщем доступе находится видеозапись со вбросом бюллетеней на участке 227 [16]. По заявлению одного из наблюдателей, он лично вбросил около пятисот бюллетеней в урны [43]. В отчетах говорится о случаях многократных голосований и использовании «каруселей». Согласно мнению внешних наблюдателей, массовые нарушения и подтасовки в ходе парламентских выборов 2011 года и президентских выборов 2012 года в регионе подорвали легитимность государства в глазах общества [43].

Выборы 2014-2016: смена руководства республики

Уже после думских выборов в президентском послании Д.А. Медведева 22 декабря 2011 г. было обозначено намерение провести некоторую либерализацию политической системы страны. Для регионов, Кабардино-Балкарии в том числе, в частности открылась возможность возвращения к прямым выбора главы субъекта населением и к смешанной системе выборов в парламент республики. Открывшаяся возможность выбора вариантов формирования доминирующего в политической системе республики института государственной власти стала актуальной для республиканских элит после того, как в декабре 2013 года произошла отставка действующего главы республики А.Б. Канокова и был назначен временно исполняющий обязанности Главы Ю.А. Коков. Выбор был сделан в пользу решения вопроса без участия населения. В апреле 2014 г. был закреплен в Конституции и республиканском законе порядок выборов Главы Республики депутатами Парламента, а в мае была принята новая редакция закона о выборах депутатов Парламента, сохранявшая порядок их избрания только по партийным спискам.

Выборы в Парламент КБР должны были состояться 14 сентября. С одной стороны, это были очередные выборы парламента, срок полномочий которого истек еще в марте 2014 г. С другой – избираться должен был парламент, наделенный полномочиями представлять Президенту РФ кандидатуры на пост Главы республики, а затем выбирать его из числа предложенных Президентом РФ кандидатов на эту должность [19]. Ход и результаты избирательной кампании могли послужить косвенным индикатором характера и глубины внутриэлитных подвижек.

Избирательная кампания прошла достаточно спокойно. Внимание привлекают лишь отдельные моменты. Избирательная комиссия Кабардино-Балкарии 15 июля заверила списки кандидатов в депутаты парламента республики, представляющих десять региональных отделений политических партий «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Родина», «Патриоты России», «Зеленые», «Яблоко», «Союз труда» и «Коммунистическая партия "Коммунисты России"».

Но вслед за этим прошли процедуры сбора подписей для «непарламентских» партий и проверки представленных сведений о кандидатах. По результатам проверки сведений о кандидатах КБР оказалась в числе субъектов федерации, где было выявлено наибольшее количество кандидатов, не указавших на наличие судимости. На 13 августа было выявлено 25 кандидатов в депутаты Парламента КБР, которые представили недостоверные сведения о судимости и не указали сведения о судимости [17].

Элементы соперничества проявились на этапе формирования партийных списков. Не без открытых споров утверждался состав первой десятки в списке КПРФ. Внутри региональных отделений партий «Яблоко» и «Справедливая Россия» имели место конфликты по поводу исключения или невключения в списки кандидатов. Но если руководитель Черекского районного отделения «Яблока» А. Султанова обжаловала свое исключение из партийного списка в

суде, то группа членов Баксанского районного отделения «Справедливой России» обратилась к врио Главы республики с жалобой на руководителя КБРО партии В.С. Кебекова, который, по их мнению, необоснованно оставил за чертой «проходной» части партийного списка Ч. Пшукова. Они открыто выражали убеждение, что «проходная» часть каждого партийного списка утверждается главой республики, чем и мотивировали свое обращение именно к нему. Комментируя этот эпизод В.С. Кебеков подчеркнул: «Естественно, никакого «проходного» списка не существует, и Ю.А. Коков вхождение в списки не контролирует» [20; 38].

Из этого следовало, что результаты выборов должны будут определяться конкурентной борьбой партий между собой и активностью их работы с избирателями. Но какие-либо открытые признаки межпартийной борьбы в ходе кампании не проявились, и активность практически всех партий в области прямой работы с избирателями была низкой. В середине августа все представленные в КБР парламентские партии «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР внесли свои предложения по кандидатурам на пост Главы республики. Первое место во всех партийных списках было отдано врио Главы КБР Ю.А. Кокову. Элементы политической критики и увязывание значения выборов не с общими принципами и лозунгами, а с насущной проблемой жизни республики прозвучали только в высказываниях руководителя КБРО «Яблоко» Х. Кучмезова. В целом накануне выборов наблюдатели фиксировали политическую апатию населения.

Новым элементом избирательной кампании стали публичные высказывания Ю.А. Кокова о необходимости обеспечить законность в процессе подготовки и проведения выборов [41]. Прежние руководители республики ограничивались указанием на необходимость «организованного» проведения выборов, что звучало несколько двусмысленно.

И тем не менее, убежденность, что действительная активность избирателей в ходе этих выборов значительно ниже официально заявленных данных, широко распространена в обществе. Появились отдельные оценки со стороны участников избирательного процесса. Их общий рефрен: «Выборы прошли как всегда» [3].

Итоговые цифры имеют некоторые особенности, способные навести на мысли об «управляемом голосовании» (Таблица 11). Это неожиданный успех «Зеленых», избирательный список которых возглавлял бывший (при А.Б. Канокове) министр образования и науки КБР. Это удивительно равные результаты партийных пар – КПРФ и «Справедливой России», ЛДПР и «Зеленых». Но вместе с тем, обращает на себя внимание снижение доли голосов, отданных «Единой России» (на 7,1% по сравнению с 2009 г.) и неравномерность поддержки партий в различных районах, отражающая особенности этносоциальной географии республики.

Таблица 11. Основные итоги голосования по выборам в Парламент КБР 14.09.2014 г. [24]

№	**Всего**	Баксанская	Баксанская городская	Зольская	Лескенская	Майская	Нальчикская городская	Прохладненская	Прохладненская городская	Терская	Урванская	Чегемская	Черекская	Эльбрусская
1	5.10	3.64	3.51	4.69	4.29	3.68	7.22	4.02	10.31	2.25	2.12	3.89	5.06	3.26
2	5.11	4.12	4.17	4.55	4.12	4.89	6.42	5.01	4.11	4.09	4.91	3.97	6.04	6.21
3	65.28	65.27	65.99	66.66	65.96	66.80	62.04	65.05	63.37	73.10	71.50	66.56	64.41	60.22
4	11.51	10.84	10.76	9.72	13.78	8.79	13.26	11.45	11.40	9.69	9.79	9.83	10.74	15.32
5	11.55	15.18	14.22	11.63	9.68	13.62	10.20	13.07	9.59	9.66	10.16	14.32	11.25	11,50

Расшифровка 1 графы:
1.КБРО ЛДПР
2.Российская экологическая партия «Зеленые» в КБР
3.КБРО Всероссийской ПП «Единая Россия»
4.РО ПП «Справедливая Россия» в КБР
5.КБРО КПРФ

Определенность и преемственность с предшествующей электоральной практикой в республике выразились в фиксации очередной победы партии власти. Абсолютное большинство – 50 мандатов из 70 – получила «Единая Россия» [29]. При этом состав фракции единороссов в новом парламенте республики существенно обновился за счет людей, рекрутированных в депутаты из местного чиновничества и работников бюджетной сферы – педагогов, врачей, деятелей культуры (в списке из 114 кандидатур, которые партия выставила на выборы, было всего 11 депутатов предыдущего созыва, который избирался при А.Б. Канокове). Однако большинство прошедших в Парламент депутатов от ЕР были представителями исполнительной власти либо партфункционерами, что обеспечивало руководству республики контроль над фракцией.

Вместе с тем, данные о ходе голосования и явке избирателей в течение дня не дают оснований для суждений о полной заданности процесса и результатов выборов. Явка избирателей не происходила с механической равномерностью, как это бывало раньше. Общая явка избирателей составила 71,06%, что заметно ниже явки официально заявленной по итогам предыдущих выборов в парламент республики 1 марта 2009 г. (83,64%). Разброс уровня явки по районам достаточно велик – от 62,85% в Чегемском районе до 80,02% в Баксанском [24].

Прошедшие 10 сентября 2016 г. федеральные выборы в Государственную Думу показали, что указанные выше характеристики выборов 2014 г. не приобрели значения «тенденций» (Таблица 12). Во-первых, рост явки избирателей в течение дня очевидным образом происходил с механической равномерностью [5]. Во-вторых, уровень явки в Кабардино-Балкарии составил

90,11%, что выше среднего показателя по стране (45,51%) в два раза. Разброс уровня явки практически не был заметен – от 88,38% в Нальчике до 92,76% в Баксанском районе. Ход избирательной кампании в регионе не был заметен и в периодической печати практически никак не отражался.

Результаты выборов мало чем отличались от показателей 2011 г. «Единая Россия» получила более 77,71% голосов (один из самых высоких показателей по стране), второе место заняла КПРФ с 18,90%, третье – «Справедливая Россия» с 2,09%. Остальные 11 партий, принимавших участие в выборах, набрали меньше одного процента голосов республиканских избирателей. Что касается голосования по одномандатному округу, то в Госдуму прошел «единоросс» Шхагошев А.Л., который получил 241 626 голосов (50,13%). Паштов Б.С. из КПРФ получил 90 628 голоса, Токов Р.М. от «Справедливой России» – 76 431, кандидат от «Зеленых» Шхагапсоев С.Х. – 71 261. Остальные четверо кандидатов не набрали и тысячи голосов [31].

Таблица 12. Итоги голосования по партийным спискам на выборах в Государственную Думу 18 сентября 2016 года [7]

	РФ		КБР	
	Абс.	%	Абс.	%
Число избирателей, внесенных в список избирателей	110061200	100	536867	100
Число избирателей, принявших участие в выборах	50089923	45,51	483771	90,11
Число голосов избирателей, поданных за каждый список				
«Родина»	792226	1,51	267	0,06
«Коммунисты России»	1192595	2,27	545	0,11
Российская партия пенсионеров за справедливость	910848	1,73	103	0,02
«Единая Россия»	28527828	54,20	375942	77,71
«Зеленые»	399429	0,76	2602	0,54
«Гражданская Платформа»	115433	0,22	40	0,01
ЛДПР	6917063	13,14	725	0,15
«Парнас»	384675	0,73	32	0,01
«Партия Роста»	679030	1,29	1183	0,24
«Гражданская Сила»	73971	0,14	42	0,01
«Яблоко»	1051335	1,99	171	0,04
КПРФ	7019752	13,34	91430	18,90
«Патриоты России»	310015	0.59	539	0,11
«Справедливая Россия»	3275053	6,22	10090	2,09

Представители Избиркома констатировали проведение выборов без нарушений. Тем не менее, кандидат от партии «Яблоко» заявил о неправомерном удалении при подсчете голосов, а в региональном отделении партии «Справедливая Россия» заявили, что партия «разочарована итогами выборов в Кабардино-Балкарии и считает, что они не отражают действительность» [30].

Заключение

Таким образом, мы можем заключить, что 2000 г., связанный с появлением нового лидера государства и началом законодательного оформления политики рецентрализации, стал очередным этапом эволюции электоральной системы как в России, так и в ее регионах. Ее основное направление проявилось явственно, и оно предвещало закрепление скорее «аномалий» электоральной практики 1990-х, нежели демократического импульса начала этого десятилетия.

Новый период, начавшийся в 2003-2004 гг., связан с изменением порядка формирования Парламента и отменой выборов глав исполнительной власти субъектов РФ. Реформы В.В. Путина в деле построения «вертикали власти» изменили структуру политических институтов в Кабардино-Балкарии. Полностью отказаться от выборов как института, легитимирующего элиты, было невозможно. В них могли принимать участие самые разные кандидаты и партии, но действующие в республике формальные и неформальные правила устанавливают высокие барьеры для вхождения в этот процесс, систематическое использование административного ресурса в целях максимизации голосов, поданных за проправительственные партии и кандидатов. Следует учесть, что преследуются интересы именно федерального политического класса – так, в 2014 г. произошла кардинальная смена региональной элиты в связи с назначением нового главы республики, из чего следует вывод о том, что поддержка Центру на республиканском уровне обеспечивается вне зависимости от состава местной элиты.

Уже с 2014 г., когда сменился глава республики и был избран новый Парламент, появились надежды на частичное возвращение к конкурентным электоральным практикам 1990-х гг., однако выборы в Государственную Думу 2016 г. показали, что «управляемое голосование» остаётся неизменной и сущностной чертой электорального процесса в Кабардино-Балкарии.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что электоральный опыт 2000-х гг. несет в себе некоторые «аномалии», проявлявшиеся еще в 1990-е гг. К ним можно отнести: аномально высокий уровень избирательной активности населения, фиксируемый официальными данными (зачастую превышавший показатели в 90%); резкие повороты в официально фиксируемых политических предпочтениях избирателей (ситуация с выборами в ГД РФ 2007 и 2011); аномально высокий уровень поддержки действующего главы государства на президентских выборах, невероятно высокие показатели голосов, отданных за «партию власти». Эти «аномалии» избирательного процесса в республике трудно объяснить с точки зрения динамики настроений избирателей и их аутентичного выражения при голосовании. Но они достаточно хорошо укладываются в логику заинтересованности исполнительной власти республики в стабилизации своего положения. «Рецентрализация» власти лишь отчасти модифицировала характеристики регионального политического режима: он во многом утратил свою автономию от Центра, но механизмы политического господства на республиканском уровне по большей части остались

неизменными. Таким образом, анализ истории выборов в Кабардино-Балкарской республике показывает, что логика развития электоральной системы на протяжении 2000-2010-х гг. находится в тренде консервации «электорального авторитаризма».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аккиева С.И.* Этнополитическая и социально-экономическая ситуация в Кабардино-Балкарии накануне выборов 17 декабря 1995 года // Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. Том III. Выборы-95. Выпуск 2 / Рук. авт. колл. и отв. ред. М.Н. Губогло, ред.-сост. Г.А. Комарова. – М.: Центр по изучению межнациональных отношений ИЭА РАН, 1996. – С. 61-89.

2. *Аккиева С.И.* Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. – 19 с.

3. *Бахов Т.* Мнения аутсайдеров разделились // Газета Юга. – №38. – 18 сентября 2014 г. – С. 1.

4. *Боров А.Х.* Кабардино-Балкария на выборах 1990-х: поиск стабильности в нестабильной политической среде // Известия КБНЦ РАН. – 2016. – №5 (73). – С. 155-170.

5. *Выборы депутатов* Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. Сводная таблица результатов выборов (данные ГАС «Выборы») // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Сведения о проводящихся выборах и референдумах. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100021960186&vrn=100100021960181&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100021960186&type=233 (дата обращения 05.05.2016).

6. *Выборы депутатов* Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва. Сводная таблица результатов выборов // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Сведения о проводящихся выборах и референдумах. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100028713304&vrn=100100028713299&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100028713304&type=233 (дата обращения 05.05.2016).

7. *Выборы депутатов* Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва. Сводная таблица результатов выборов // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Сведения о проводящихся выборах и референдумах. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100067795854&vrn=100100067795849&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795854&type=242 (дата обращения: 22.06.2017).

8. *Выборы депутатов* Парламента КБР третьего созыва 7 декабря 2003 года. Протокол Избирательной комиссии КБР о результатах выборов // Кабардино-Балкарская правда. – №305. – 16 декабря 2003 г. – С. 2.

9. *Выборы депутатов* Парламента КБР четвертого созыва 1 марта 2009 года. Протокол Избирательной комиссии КБР о результатах выборов // Кабардино-Балкарская правда. – №41. – 4 марта 2009 г. – С. 2.

10. *Выборы Президента* Кабардино-Балкарской Республики 13 января 2002 года // Кабардино-Балкарская правда. – №10. – 16 января 2002 г. – С. 1.

11. *Выборы Президента* Российской Федерации 2000 года. Сводная таблица результатов выборов // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/index.html (дата обращения: 30.12.2015).

12. *Выборы Президента* Российской Федерации 2004 года. Сводная таблица результатов выборов // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Сведения о проводящихся выборах и референдумах. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100088295 1&vrn=1001000882950&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100 1000882951&type=227 (дата обращения: 29.09.2014).

13. *Выборы Президента* Российской Федерации 2008 года. Сводная таблица результатов выборов // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Сведения о проводящихся выборах и референдумах. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100022249 920&vrn=100100022176412&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid =100100022249920&type=227 (дата обращения: 29.09.2014).

14. *Выборы Президента* Российской Федерации 2012 года. Сводная таблица результатов выборов // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Сведения о проводящихся выборах и референдумах. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100031793 509&vrn=100100031793505&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid =100100031793509&type=227 (дата обращения: 29.09.2014).

15. *Выборы Президента* Российской Федерации должны быть яркими и остаться в памяти надолго // Кабардино-Балкарская правда. – №56 – 10 марта 2004 г. – С. 1.

16. *Выборы-2012.* Вброс на участке №277. Кабардино-Балкария // Simulcasting video player «Cyberspaceandtime.com». URL: http://cyberspaceandtime.com/Выборы_2012_Вброс_на_участке_№277_Кабардино-Балкария/BLGdqxc7bE0.video (дата обращения: 29.04.2016).

17. *Выборы-2014:* более 300 кандидатов не указали сведения о судимости // Информационное агентство REGNUM. URL: http://www.regnum.ru/news/kavkaz/kab-balk/1835904.html (дата обращения: 13.08.2014).

18. *Гельман В.Я.* Электоральные исследования в российской политологии: «нормальная наука» в «нормальной стране»? // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990-2007) / Под редакцией: О. Ю. Малинова. – М.: РОССПЭН, 2008. URL: http://polit.ru/article/2007/09/25/electoral/ (дата обращения: 01.07.2017).

19. *Глава Кабардино-Балкарии* будет избран 9 октября // Сайт Информационно-аналитического агентства «Вестник Кавказа». URL: http://www.vestikavkaza.ru/news/Glava-Kabardino-Balkarii-budet-izbran-9-oktyabrya.html (дата обращения: 10.07.2014).

20. *Гусейнов О.* Внутрипартийные разногласия уходят в ЕСПЧ // Газета Юга. – №34. – 21 августа 2014 г. – С. 1.

21. *Да зачем нам* наблюдатели? // Газета.Ru. URL: https://archive.is/20120804023553/www.gazeta.ru/politics/elections2007/articles/1779149.shtml (дата обращения: 22.04.2016).

22. *Дмитрий Козак* уже знает имя будущего главы Кабардино-Балкарии // Кабардино-Балкарская правда. – №207. – 22 сентября 2005 г. – С. 1.

23. *Закон Кабардино-Балкарской Республики* от 2 июля 2003 года N 61-РЗ «О поправках к Конституции Кабардино-Балкарской Республики» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации на сайте Консорциума «Кодекс»: все законодательство, судебная практика, нормы, правила, стандарты России. URL: http://docs.cntd.ru/document/802018897 (дата обращения: 12.07.2015).

24. *Избирательная комиссия* Кабардино-Балкарской Республики утвердила официальные результаты выборов депутатов Парламента республики пятого созыва // Избирательная комиссия Кабардино-Балкарской республики. URL: http://kabardin-balkar.izbirkom.ru/isp_1/sx/art/961074/cp/1/br/941090.html (дата обращения: 01.10.2014).

25. *Итоги выборов* депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва (2003 год). Итоги голосования по федеральному

округу // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва. URL: http://gd2003.cikrf.ru (дата обращения 17.05.2016).

26. *Кынев А.* Выборы парламентов российских регионов 2003-2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. – М.: Центр «Панорама», 2009. – 516 с.

27. *Любарев А.Е., Бузин А.Ю., Кынев А.В., Скосаренко Е.Е.* Мониторинг демократических процедур. Выборы депутатов ГД ФС РФ пятого созыва. Бюллетень №5. М.: «Независимый институт выборов», 2008. // Независимый институт выборов. URL: http://www.vibory.ru/Regs/GD/soderzh.htm (дата обращения: 16.07.2017).

28. *Нарушения* по подсчету голосов на выборах президента в 2012 году // Карта нарушений на выборах. URL: http://www.kartanarusheniy.org/analytics/narusheniya-po-podschetu-golosov-na-vyborah-prezidenta-v-2012-godu (дата обращения: 29.04.2016).

29. *Новый парламент* Кабардино-Балкарии имеет выраженную социальную направленность // Кабардино-Балкарская правда. – №182. – 19 сентября 2014 г. – С. 1.

30. *Партии* в Кабардино-Балкарии признали невозможность конкурировать с «Единой Россией» // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/289567/ (дата обращения: 22.06.2017).

31. *Протокол №1* окружной избирательной комиссии о результатах выборов по одномандатному избирательному округу №14 // Официальная Кабардино-Балкария. – №36. – 23 сентября 2016 г. – С. 16.

32. *Рачинский Я.* Борьба с Гауссом или Кавказские вершины российских выборов // Интернет-СМИ «Кавказский узел». URL: http://southdistrict.kavkaz-uzel.ru/articles/199928/ (дата обращения: 14.02.2012).

33. *Решение* Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 30 августа 2002 года // Сайт Ассоциации лесопользователей Приладожья, Поморья и Прионежья. URL: http://www.alppp.ru/court/20-apelljacionnyj-sud/08-2002/reshenie-verhovnogo-suda-kabardino-balkarskoj-respubliki-ot-30-08-2002.html (дата обращения: 12.05.2016).

34. *Сведения* о поступлении и расходовании средств избирательных фондов кандидатов в депутаты ГД по Кабардино-Балкарскому одномандатному избирательному округу №14 // Кабардино-Балкарская правда. – №287. – 26 ноября 2003 г. – С. 3.

35. *Сводная таблица* Избирательной комиссии Кабардино-Балкарской Республики об итогах голосования на территории КБР // Кабардино-Балкарская правда. – №44. – 6 марта 2008 г. – С. 2.

36. *Социологи:* явка на выборах в 90% на Кавказе противоречит опросам // Сайт «PITER.TV». URL: http://piter.tv/event/Sociologi_dokazali_chto_/ (дата обращения: 29.04.2016).

37. *Сулакшин С.С.* Избирательная система и успешность государства // Проблемы формирования государственной политики и управления: материалы научного семинара. – М.: Научный эксперт, 2013. – Вып. 5 (52). – С. 6-110.

38. *Техажев А.* Баксанский заговор против Владимира Кебекова // Газета Юга. – №36. – 4 сентября 2014 г. – С. 2.

39. *Туровский Р.Ф.* Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития. – 2005. – №4. – С. 161-202.

40. *Чечня*, Кабардино-Балкария и Чукотка лидируют по явке среди регионов России // Интернет-СМИ «NEWSru.com». URL: http://newsru.com/russia/04dec2011/yavka.html (дата обращения: 29.04.2016).

41. *Юрий Коков*: Обеспечение законности и безопасности выборов в парламент КБР является вопросом первостепенной важности // РИА Кабардино-Балкария. URL. http://kbrria.ru/obshchestvo/yuriy-kokov-obespechenie-zakonnosti-i-bezopasnosti-vyborov-v-parlament-kbr-yavlyaetsya (дата обращения: 17.09.2014).

42. *«Особое мнение»* члена ЦИК РФ Е.И. Колюшина // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. URL: http://cikrf.ru/banners/elect_duma/results/index.html (дата обращения: 29.04.2016).

43. *The North* Caucasus: The Challenges of Integration (III), Governance, Elections, Rule of Law. Europe Report № 226 / 6 September 2013 // International Crisis Group. URL: http://www.crisisgroup.org/~/media/Files/europe/caucasus/226-the-north-caucasus-the-challenges-of-integration-iii-governance-elections-rule-of-law.pdf (date of access: 29.04.2016).

УДК 323.2/324 DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-119-139

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ, УСТОЙЧИВОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ

А.А. ТУМОВ

ФГБНУ Кабардино-Балкарский научный центр РАН
360002, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: tumovasker@gmail.com

Аннотация. Предмет статьи – избирательный процесс и эволюция электоральной системы в Кабардино-Балкарской Республике в период «рецентрализации» и построения «вертикали власти» в России. В статье проанализированы такие характеристики избирательной системы, как участие избирателей в голосовании, их политические предпочтения и степень конкурентности выборов. Цель статьи – изучение особенностей формирования электорального опыта Кабардино-Балкарии в 2000-2016 гг. Структура исследования построена в соответствии с хронологической последовательностью этапов электорального цикла, которые представляют из себя выборы как на федеральном, так и на региональном уровне. В первой половине 2000-х гг. в рамках политики рецентрализации произошло возвращение к советскому способу рекрутирования республиканского руководства из чиновничье-предпринимательской «номенклатуры» при посредстве «правящей партии» и под контролем высшей инстанции – администрации Президента РФ. Был изменен порядок избрания депутатов Парламента Кабардино-Балкарии, отменен институт всенародных выборов Главы КБР. Несмотря на то, что после принятия мер по либерализации политического режима России в 2012-2013 гг. у региона появился шанс возвращения к смешанной системе выборов депутатов законодательного собрания и всенародным выборам Главы республики, политическая элита эту возможность проигнорировала. Основной вывод по результатам анализа заключается в том, что электоральный опыт КБР 2000-х формировался в условиях закрепления «аномалий» избирательного процесса («управляемое голосование», высокий уровень явки избирателей, высокий уровень голосов, поданных за кандидатов «от власти»), применение которых объясняется стремлением федеральных и республиканских элит легитимировать и стабилизировать свое доминирующее положение в политической системе. «Рецентрализация» власти лишь отчасти модифицировала характеристики регионального политического режима: он во многом утратил свою автономию от Центра, но механизмы политического господства на республиканском уровне по большей части остались неизменными. Типологически сложившийся в Кабардино-Балкарии политический режим можно описать как подпадающий под категорию «электоральный авторитаризм».

Ключевые слова: Северный Кавказ; Кабардино-Балкарская Республика; 1990-е; политика; выборы; избирательные кампании; управляемое голосование; конкурентность.

ELECTORAL PROCESS IN MODERN KABARDINO-BALKARIA: EVOLUTION OF POLITICAL SITUATION, STABILITY OF POLITICAL RESULTS

A.A. TUMOV

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360002, KBR, Nalchik, Pushkin Street, 18
E-mail: tumovasker@gmail.com

Abstract. The article's subject is electoral process and evolution of the electoral system in the Kabardino-Balkarian Republic during the «re-centralization» and creation of the «power vertical» in Russia. The article presents an analysis of such constant features of electoral system as voters' turnout, their political preferences and the rate of electoral competitiveness. The purpose of the article is to study formation features of the electoral process in Kabardino-Balkaria during 2000-2016. The structure of research correlates with the chronological sequence of the stages in cycle of both national and regional elections. In the first half of the 2000s the «re-centralization» led to reappearance of Soviet way to recruit republican authorities from bureaucratic-entrepreneurial «nomenclature» with the help of the «ruling party» and under the supervision of the highest authorities, i.e. the presidential administration. The procedure of electing deputies of the Parliament of Kabardino-Balkaria was changed, the institute of general elections of the Head of the KBR was canceled. Despite the liberalization of Russia's political regime Kabardino-Balkaria got a chance to bring back the mixed electoral system for legislative assembly and the general elections of the Head of the Republic, the political elites ignored this opportunity. The main conclusion of the article is that the electoral life of the KBR in the 2000s was formed with the fixing the «anomalies» of electoral process («controlled voting», high voter turnout, high level of votes cast for presidential candidates), used by the national and republican elites to legitimize and stabilize their dominant position in the political system. The «re-centralization» modified the political regime features only in part: regime lost its autonomy from the Center, but the mechanisms of political domination in the Republic remained mostly unchanged. Typologically the political regime in Kabardino-Balkaria can be described as falling under the category of «electoral authoritarianism».

Key words: the North Caucasus; Kabardino-Balkarian Republic; 1990s, politics; elections; election campaign; controlled voting; competitiveness.

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Э.А. БЕКОВИЧ-ЧЕРКАССКИЙ – ЭМИГРАНТ, ПУБЛИЦИСТ, УЧЕНЫЙ

Х.Б. Мамсиров
А.Ю. Паритов

Практически все северокавказские народы выдвинули в критический период российской истории 1917-1920 гг., когорту государственных и общественных деятелей, публицистов, которые, отвечая на вызовы времени, пытались решить вопросы государственного и культурного обустройства региона в интересах своих народов.

В этом ряду в начале 20-х годов XX века занял заметное место Эльмурза Асланбекович Бекович-Черкасский, получивший известность по своим публикациям в эмигрантской прессе. Эльмурза являлся потомком генерал-майора Эльмурзы Бековича-Черкасского – младшего брата сподвижника Петра Великого Александра Бековича-Черкасского. Эльмурза назван так был, вероятно, в честь своего предка [23, с. 87]. Получив солидное образование, Эльмурза Асланбекович, продемонстрировал в своих печатных выступлениях глубокие универсальные знания политолога, культуролога, естественника.

Но это было результатом не только его личностного становления, но и общих условий культурного развития, сложившихся на Северном Кавказе в предшествующий период. Окончательное включение региона в середине XIX в. в состав империи пополнило ее десятками этносов со своими культурными традициями, порой затруднявшими восприятие российского [33, с. 188]. Для горских народов это событие стало крупным культурно-цивилизационным сломом, потребовавшим адаптации к качественно новым условиям бытия.

России, исходя из чувства собственного превосходства над народами Кавказа, добивалась «привития инородцам норм гражданственности и цивилизации», формирования их лояльности к империи путем «мягкой ассимиляции» [7] посредством национальной школы.

На Кавказе создается учебный округ, открывались школы, где совместно обучались дети русских чиновников, военных и горской аристократии [31]. В 1859 г. был принят Устав горских школ [24, с. 205], которые становятся основными проводниками распространения светского образования среди местной элиты [35, с. 271].

Здесь преподавались основы православия и ислама, русский язык и грамматика, география, краткий курс всеобщей и русской истории; арифметика и основы геометрии, чистописание и рисование. Лучшие их выпускники продолжили учебу в Ставропольской гимназии, центре русской культуры и светских знаний в регионе [16, с. 34; 25, с. 46].

В 1870 г. был принят план «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» [35, с. 272] по развитию начальных школ на национальных окраинах. Попечитель Кавказского учебного округа Я.М. Неверов (1868-1879

гг.) учитывал специфику Кавказа [27, с. 155], и рассматривал просвещения как средство вовлечения горцев во внутригосударственные отношения на основе идей единства в рамках российской цивилизации [22, с. 209, 382, 559, 561, 564, 566, 576, 580 и др.].

В 1850-1887 гг. в Ставропольской гимназии учились 1739 горцев (около 25% всех ее учащихся) [24, с. 192]. Многие из них стали известными культурными и общественными деятелями Северного Кавказа, в том числе: кабардинцы Кази Атажукин, Исхак Кармов, балкарцы Султан-Бек Абаев, Абай и Басият Шахановы [35, с. 270-271].

Учитывая усиление тяги горцев к светскому образованию, в 1889 г. в Нальчикском округе был создан специальный фонд, сформированный за счет самообложения всего населения округа [38, с. 145].

В начале XX века в правительстве сформировалось понимание о необходимости создания государственной системы образования инородцев, о чем свидетельствует созыв Министерством народного просвещения в 1904 г. Комиссии по вопросам начального образования «восточных инородцев» России, а в мае 1905 г. в Петербурге – Особого совещания [26, с. 185].

Наместники Кавказа граф Воронцов-Дашков и великий князь Н.Н. Романов, выступали за реформы в сфере просвещения мусульманских народов, стремились расширять сеть светских школ с обучением на родном языке как «первейшим средством» воздействия русского мировоззрения на мусульман [22, с. 543, 549, 550; 30, с. 106-107].

В проектах культурных реформ П.А. Столыпин планировалось доведение за 20 лет в стране сети средних специальных учебных заведений до 5000, вузов – до 1500, чтобы с их помощью превратить «инородцев» из врагов России в ее верноподданных [36, с. 417].

В рамках этой программы в 1909 г. повышается статус Нальчикской окружной горской школы, которая преобразуется в реальное училище (с обучением горцев на родном языке), создается письменность на основе кириллицы для ряда бесписьменных кавказских народов [19, с. 148].

Весь комплекс указанных мероприятий повышал авторитет светских школ. Если до середины 90-х гг. XIX в. в Нальчикском округе их число было меньше начальных исламских [38, с. 133], то накануне I мировой войны их сеть достигла 112 с охватом 6,7 тыс. детей, и превысила актив национально-конфессиональных школ (97 мектебе и медресе с охватом 1,5 тыс. учащихся) [21, с. 511-512, 514].

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Кабарде и Балкарии началось формирование горской интеллигенции, получившей образование в вузах России. Путь большинства из них – учеба в окружных горских школах, реальном училище, кадетском корпусе, военном училище и военная карьера офицера, что гарантировало финансовое благополучие, широкие возможности самореализации горской аристократии [31].

Некоторые из них заслужили высшие чины российской армии: генерал-майор К.М. Анзоров, генерал-майор М.К. Анзоров, генерал-майор Т.Ж. Бекович-Черкасский, генерал-майор Ж.У. Жамбеков, генерал-майор

Д.К. Куденетов, генерал-майор К.Н. Хагундоков, генерал-лейтенант Т.А. Шипшев [23, с. 39, 42, 83, 121, 162, 263, 301].

Но, самое важное, что помимо военных, местная элита начала осваивать новые профессии. Так, в Московском университете в разное время обучались кабардинцы Д.С. Кодзоков, В.Н. Кудашев, в Санкт-Петербургском – М. Абуков, Г. Сохов, Т.П. Кашежев, П.Т. Коцев, в Рижском политехническом институте – П.И. Тамбиев, в Харьковском технологическом – Т. Блаев,

В Петербургской медико-хирургической и военно-медицинской академии учились балкарцы А. Шаханов, И. Абаев; в Петровско-Разумовской академии – С.-А. Урусбиев; в Харьковском технологическом университете – М. Муллаев и Т. Шакманов; в Военно-юридической академии – Б.А. Шаханов; в Санкт-Петербургской консерватории – С.-Б. Абаев и др. [8, с. 161-163].

Впоследствии многие из них играли важную роль в социально-экономической, политической и культурной жизни Нальчикского округа и Северного Кавказа. Среди них: М. Абаев – автор очерка «Балкария», известный чиновник в Терской и Кубанской областях; Д.С. Кодзоков – председатель Терской сословно-поземельной комиссии; В.Н. Кудашев – автор «Исторических сведений о кабардинском народе»; С.К. Клишбиев – начальник Нальчикского округа; П.Т. Коцев – Председатель правительства Северо-Кавказской (Горской) республики (1917-1919 гг.); Б.А. Шаханов – лидер Союза объединенных горцев Северного Кавказа, и др. Таким образом, доводы советской историографии об отсутствии национальной интеллигенции до 1917 г. не выдерживает никакой критики.

Русская революция 1917 г. дала мощный толчок центробежным тенденциям, ускорившим распад Российской империи и стала поворотным пунктом в судьбе горских народов Северного Кавказа [13, с. 87]. Весной 1917 г. на Северном Кавказе сформировалось «демократическое многовластие»: местные органы Временного правительства, Советы, Союз объединенных горцев Северного Кавказа [20, с. 9]. После февраля 1917 г. народы Северного Кавказа в лице крайне тонкого слоя своих просвещенных элит стремилась включиться в процесс либерально-демократической модернизации, а в 1918-1919 г. в лице основной крестьянской массы склонилась в сторону революционного лагеря [13, с. 115].

Не сумев увлечь за собой основную часть горских масс, горская интеллигенция понесла в период гражданской войны серьезные потери. Отношение оставшейся части к советской модернизации было неоднозначным, в зависимости от личного восприятия идеологии и политики большевиков. Исходя из этого, применительно к 1920-м гг. в среде горской интеллигенции можно условно выделить три группы. Первая предпочла жестокий опыт вхождения во новую власть, вторая относилась к ней индифферентно, третья не приняла советской власти и после гражданской войны эмигрировала.

Горская интеллигенция в эмиграции прошла тяжелый путь самопознания, осмысления судеб и перспектив своих народов. Издание журналов «Кавказский горец» (в Праге), «Горцы Кавказа» и «Северный Кавказ», «Независимый Кавказ», «Кавказ» (в Париже), публикация статей о месте и роли горской

интеллигенции в процессе модернизации, участие в дискуссиях об истории горских народов, гражданской войне, перспективах советской автономии составили форму и содержание ее духовной жизни [1, с. 12-17; 37, с. 44-48].

Уровень исторического анализа, оценка ресурсов модернизации в публикациях эмигрантской прессы с современной точки зрения не всегда оказывались на высоте. Но в публикациях выявляется знание философских трудов (Локка, Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Д. Дидро, Монтескье) и современных теорий по национальным проблемам. Они стимулировали поиск ответов на актуальные «вопросы истории, этнографии, антропологии, лингвистики, обычного права, мусульманского права, статистики», чтобы в перспективе помочь «решить все возникающие проблемы горских народов» [11, с. 15-21; 37, с. 47].

Многие размышления касались необходимости формирования «северокавказской нации» как «результата совместной многовековой жизни» в одном регионе и «общих общественно-бытовых, культурных, экономических и политических форм и интересов» [6, с. 14-15; 11, с. 14-15; 12, с. 14; 29, с. 22].

Статья, например, Азамата, по сути, является ответом и на статьи Алаг Ирского, и А. Луначарского [5, с. 66-70; 28, с. 23-25], и отвергает тезис большевиков об отсутствии у горцев «достаточно численной и подготовленной интеллигенции» с «политическим, общественным и государственным стажем» [1, с. 13]. Напоминалось о создании ЦК союза объединенных горцев, включавший «почти всю горскую национально мыслящую интеллигенцию», предложившую «программу общественной деятельности» [29, с. 22].

Такой подход эмиграцией оценивался как «выгодный и удобный» власти, который не учитывал исторических обстоятельств, не позволивших приобрести необходимый «стаж». Эмиграция воспринимала логику Луначарского о необходимости использования старой интеллигенции в ходе модернизации общества.

Соглашаясь с ним, эмигранты напоминали, что «прошлое горцев …в смысле культурности было на уровне смежных народов, кои создавали великие культуры». Именно «высокая культурность спасла нас от …поглощения великими монархиями и культурами, под ударами коих исчезли многие народы и государства». Автор статьи замечает, что одна культурность «нас спасти не могла, а имело значение и то, что горцы», на протяжении всей своей «истории имели достаточный слой представителей общества, государственно устремленных и подготовленных». Тем более, что горцы жили не в дали «от влияний великих государств, а на путях их важнейших действий» [1, с. 14].

Автор дифференцирует горскую интеллигенцию на тех, кто прошел «европейскую школу» и «арабскую школу» [1, с. 14-15]. Это обстоятельство важно для понимания смысла и содержания модернизации: «различные веяния Востока и Европы… не разделяют горцев, наоборот, они преломляются и воспринимаются, растворяясь в национальном организме».

Таким образом, констатировалось, что мировоззрение горской интеллигенции вполне воспринимает современные вызовы. Она «не располагает прикладными знаниями нашего времени», характерные

«современной европейской культуры» [1, с. 15], но накопила свои «ценности изучением жизни, регламентированием нравов, обычаев и права и, совершенствуясь, вырастает в национальную интеллигентскую моральную ценность необычайного значения» [1, с. 15].

Широкую известность в 1920-х гг. в эмигрантских кругах получил и молодой публицист Эльмурза Асланбекович Бекович-Черкасский. Родился он в 1899 г. в Малой Кабарде. Мать – урожденная княжна Атажукина Фатимат. Учился в Моздокском реальном училище, во 2-м Владикавказском реальном училище, затем в Ставропольской гимназии. В период Гражданской войны он в чине штабс-ротмистра был прикомандирован к 1-му конному полку Кабардинской конной дивизии Добровольческой армии. Оказавшись после 1920 г. в эмиграции, он обучался в Пражском Русском университете.

Эльмурза Асланбекович – автор статей «“Возрождение” - о сепаратизме горцев Кавказа», «Из пражских записок горца», «Открытое письмо Н.А. Бигаеву» и др. которые всколыхнули эмигрантскую общественность своим неординарным подходом к оценке политической истории горских народов и перспектив их развития [23, с. 87; 9; 14].

В ходе дискуссии о проблемах независимости кавказских народов им были высказаны весьма глубокие суждения, которые могут стать предметом отдельного анализа в дальнейшем. Приведем здесь только одну его мысль о том, что в «здоровом и полезном, ибо свободном, развитии отдельных наций лежит залог обогащения общечеловеческой культуры и международного хозяйства. При угнетенном же состоянии субъективные дарования и возможности подчиненной нации заглушаются и нередко атрофируются посредством прямого действия атрофирующего фермента народа – господина, что не соответствует, а явно противоречит стремлениям культуры и цивилизации, поскольку стандартизация последних, как таковых, представляет меру регрессивную» [9, с. 24].

Э.А. Бекович-Черкасский, выпускник естественного факультета Пражского Русского университета, дебютировал и в новом амплуа, в качестве ученого-ботаника со статьей «Полезные растения Кавказа: Лесные породы» [10, с. 128-131], текст которой публикуется в этом номере журнала «Кавказология».

Чтобы понять значимость данной научной работы, следует коротко отметить степень изученности поставленной проблемы. Ботанические исследования Кавказа, и территории Кабардино-Балкарии в частности, в середине XVIII века предприняла Российская академия наук. И.А. Гюльденштедт одним из первых в 1770-1773 гг. исследуя Кавказ, побывал в Кабарде, Пятигорске и степях Кубани. Характеризуя растительный покров гор Машука и Бештау, он отметил 108 видов [15]. Спустя 20 лет, академик П.С. Паллас обследовав горы Машук, Бештау и западню часть Кабардино-Балкарии, собрал гербарий из 860 видов растений [32; 40; 41]. Экспедиция И.П. Фалька в 1773 г. обследуя Терско-Сунженский хребет, обнаружила интересные находки, которые были опубликованы в отчетных «Записках» [34]. В них впервые были приведены кабардинские названия некоторых растений.

Активное исследование флоры Центрального Кавказа идет с начала XIX в. Четырнадцать лет районы Эльбруса исследовали Ф.К. Биберштейн и Х.Х. Стевен, собравшие и описавшие 2322 новых видов в первой сводке по флоре Кавказа – Flora Taurica-Caucasica (1808-1819). Следующий период связан с экспедицией А.Я. Купфера на Эльбрус в 1829 г., в которой участвовал ботаник Антуан Карл Мейер. Он первым научно исследовал Приэльбрусье, Пятигорье, окрестности Нальчика и описал более 2000 видов растений [39]. Вторым исследователем, ботанически изучившим склоны Эльбруса, был Ф. Коленати (1834-1844). Около 20 лет территорию Кабарды и Балкарии в бассейне р. Баксан, от ледников Азау и Терскол до предгорий бассейна р. Малка изучал И.Я. Акинфиев. В результате появилась уникальная серия работ [2; 3; 4], в которых он впервые привел флористические сведения о раритетных видах региона, и предпринял попытку инвентаризации ее флоры.

Статью Э.А. Бековича-Черкасского предваряет отрывок из монографии выдающегося исследователя природы Кавказа Н.Я. Динника: «Ни одна душа на свете не знает этот мир, не только как он этого заслуживает, но даже сколько-нибудь посредственно. Нет, наверное, другой страны, с более разнообразной и богатой природой, более заслуживающей подробного научного изучения и так мало научно исследованной, чем Кавказ [17; 18].

Подробное описание и анализ предмета в статье Э.А. Бековича-Черкасского демонстрирует высокий уровень знаний флоры и фауны Кавказа. К тому времени, как отмечено выше, в научном плане Кавказ более изучен был географически, изучение же остальных сторон его природы находилась еще на начальном этапе. Так что работа Э. Бековича-Черкасского находилась на передовом уровне науки своего времени. В ней приводятся интересные факты о том, что многие виды растений и животных попали сюда из других мест обитания, других материков. Важное значение придается использованию многих растений в народном хозяйстве и народной медицине. Среди полезных растений автор выделяет хлебные злаки: пшеницу (твердую, мягкую), рожь, просо, овес, рис, кукурузу, а также бобы, сою, фасоль.

Необходимо отметить профессионализм статьи, которая актуальна и в наше время, учитывая, что 2017 год объявлен в России годом экологии. Уникальность Северного Кавказа обусловлена в том числе его неповторимой флорой, которую с фотографической точностью зафиксировал Э.А. Бекович-Черкасский для нынешнего и будущих поколений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Азамат*. Горская интеллигенция // Горцы Кавказа. - 1929. - № 8-9. - С. 12-17.

2. *Акинфиев И.Я.* Альпийские растения Центрального Кавказа // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. - 1897. - Т. XIX. - Вып. 1. - С. 1-37.

3. *Акинфиев И.Я.* Девять дней в центре Кавказа. – Екатеринослав: Типо-лит. Губ. правл., 1893. – 30 с.

4. *Акинфиев И.Я.* Флора Центрального Кавказа // Труды Общества испытателей природы при Императорском Харьковском университете. - 1894. - Т. 27. - С. 123-332.

5. *Алаг Ирский*. Путь горской интеллигенции: беглые очерки анализа // Горская мысль. - 1922. - № 2. С. 66-70.

6. *Байтуган Б.* Имеем ли мы право на жизнь // Горцы Кавказа. - 1933. - № 37. - С. 14-18.

7. *Бакланов В.И.* О «недоевропейскости» и о цивилизаторской миссии Российской империи // «Территория историка» – сайт Бакланова В.И. URL: http://historick.ru/view_post.php?id=50&cat=1 (дата обращения: 12.05.2017).

8. *Бекалдиев М.Д*. История Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 543 с.

9. *Бекович-Черкасский Э.* «Возрождение» о сепаратизме горцев Кавказа // Горцы Кавказа. - 1929. - № 8-9. - С. 17-31.

10. *Бекович-Черкасский Э.* Полезные растения Кавказа // Кавказский горец. – 1924; 1925. - № 1; 2-3. - С. 61-64; 128-131.

11. *Билатти Б.* Идеологические основы национальных движений // Горцы Кавказа. - 1934. - № 47. - С. 15-21.

12. *Билатти Б.* Нация и язык // Северный Кавказ. - 1935. - № 11-12. - С. 14-17.

13. *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблемы социально-культурного синтеза). – Нальчик: КБГУ, 2007. – 299 с.

14. *Вместо национальной* литературы на родном языке – литература переводная // Северный Кавказ. - 1935. - № 11-12. - С. 40-41.

15. *Гильденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. – СПб.: Императорская Академия наук, 1809. - 384 с.

16. *Глагол будущего*: Педагогический дискурс Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века: Сборник статей научно-методического семинара «Textus»: В 2 ч. / Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. - Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2002. - Вып. 8. - Ч. 2. - 520 с.

17. *Динник Н.Я.* Горы и ущелья Терской области // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества - 1884. - Т. XIII. - № 1. - С. 1-48.

18. *Динник Н.Я.* Общий очерк фауны Кавказа. – Ставрополь: Издательство тип. Губ. правл., 1910. - 15 с.

19. *Зубов А.* Политическое будущее Кавказа: опыт ретроспективно-сравнительного анализа // Знамя. – 2000 - № 4. - С. 141-173.

20. *История Дона* и Северного Кавказа (1917-2000): Учебное пособие / Под ред. А. В. Венкова. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. - 383 с.

21. *История народов* Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Ответственный редактор акад. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 659 с.

22. *Кавказ* и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. / Сост. Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисицын, Б.П. Миловидов. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005. - 720 с.

23. *Казаков А.В*. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 244 с.

24. *Козубский Е.И*. К истории народного образования в Дагестанской области в первое пятидесятилетие // Дагестанский сборник. – Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина. 1902. Вып. 1. - С. 189-230.

25. *Краснов М.В*. Историческая записка о Ставропольской гимназии. - Ставрополь-Кавказский: Типография Губернского Правления, 1887. - 146 с.

26. *Красовицкая Т.Ю.* Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX в. - начало (20-е годы) XX в.). – М.: Новый хронограф, 2011. - 680 с.

27. *Ланда Р.Г*. Ислам в истории России. - М.: Восточная литература, 1995. - 312 с.

28. *Луначарский А.В.* Интеллигенция и ее место в социалистическом строительстве // Революция и культура. - 1927. - № 1. - С. 23-25.

29. *Нартана*. Развитие общественной мысли у горцев Кавказа // Независимый Кавказ. - 1929. - № 1. - С. 18-22.

30. *Национальная политика* России: история и современность. - М.: Русский мир, 1997. - 680 с.

31. *Нефляшева Н.А.* Мусульманское образование на Северо-Западном Кавказе (вторая половина XIX - начало XX в.) (опублик.: Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. – 2009. - № 4. - С. 72-92) // Портал «Адыгэ Хэку» – актуальные материалы черкесского мира. URL: https://aheku.net/articles/russian/religiya/1829 (дата обращения: 20.04.2017).

32. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов / сост., ред. пер., введен. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. - Нальчик: Эльбрус, 1974. - С. 214–224.

33. *Поликультурное пространство* Российской Федерации: в 7 кн. Книга II: Культура Южной России / Научный руководитель и главный редактор Л.М. Мосолов; отв. ред. Х.Г. Тхагапсоев. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2012. – 276 с.

34. *Полное собрание* ученых путешествий по России. Том VI. Записки путешествия Академика Фалька. – СПб: Императорская академия наук, 1824. – 560 с.

35. *Северный Кавказ* в составе Российской империи / Под ред. О.В. Бобровникова, И.Л. Бабич. - М.: Новое литературное обозрение, 2007. - 460 с.

36. *Столыпин*. Жизнь и смерть (1862–1911): сборник. / Сост. Г. Сидоровнин. – Саратов: Соотечественник, 1997. - 472 с.

37. *Цаликов А.Т.* Задачи горской интеллигенции // Кавказский горец. - 1924. - № 1. - С. 44-48.

38. *Цаликов А.Т.* Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. - М.: Издание М. Мухтарова, 1913. – 185 с.

39. *Meyer C.A.* Verzeichniss der Pflanzen, welche während der ... in den Jahren 1829 und 1830 unternommenen Reise im Caucasus und in den Provinzen am westlichen Ufer des Caspischen Meeres gefunden und eingesammelt worden sind. Bericht abgestattet an die Kaiserliche Academie der Wissenschaften in St. Petersburg, in ihrer Sitzung vom 30 März (11 April) 1831. - St. Petersburg: Gedruckt in der Buchdruckerei der Kaiserl Akademie der wissenschaften, 1831. - 241 p.

40. *Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Rußischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig: Bey Gottfried Martini. 1799-1801. 516 p.; 527 p.

41. *Pallas P.S.* Travels through the southern provinces of the Russian Empire. Vol. 1-2. London: Printed for J. Stockdale, 1802. 644 p.; 630 p.

УДК 091: 929 **DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-140-148**

Э.А. БЕКОВИЧ-ЧЕРКАССКИЙ – ЭМИГРАНТ, ПУБЛИЦИСТ, УЧЕНЫЙ

Х.Б. МАМСИРОВ
А.Ю. ПАРИТОВ

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: mamsirhb@mail.ru, paritov@mail.ru

Аннотация. Читателям предлагается статья горского эмигранта Э.А. Бековича-Черкасского «Полезные растения Кавказа: Лесные породы», опубликованная в эмигрантском журнале «Кавказский горец» в 1925 г., который был доступен лишь избранным советским читателям в спецхране. Статья сохраняет свою актуальность, так как ее материалы при сверке с Красной книгой позволяют узнать насколько богатой еще была флора и фауна Кавказа век назад, и как много она утратила в результате хозяйственной деятельности человека. В комментарии к статье, через призму биографии Э.А. Бековича-Черкасского рассматриваются судьбы горских эмигрантов, переживших тяжкий путь самопознания и осмысления перспектив своих народов. Издание журналов, статей о месте и роли горской интеллигенции в процессе модернизации, участие в дискуссиях о ключевых моментах в истории горцев, гражданской войне, перспективах национальных автономий стало основным смыслом их жизни. Дезавуируется тезис советской историографии об отсутствии до революции у горских народов интеллигенции. Часть ее большевики уничтожили в гражданской войне, а оставшуюся – в период массовых репрессий. Тем самым дореволюционную национальную интеллигенцию лишили последнего исторического шанса стать интеллектуальным агентом советской модернизации, что вызвало негативные последствия.

Ключевые слова: Северный Кавказ; цивилизация; светское образование; элита; горская интеллигенция; революция; модернизация; эмиграция; флора.

E.A. BEKOVICH-CHERKASSKY: EMIGRANT, POLITICAL JOURNALIST, SCIENTIST

KH.B. MAMSIROV
A.YU. PARITOV

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: mamsirhb@mail.ru, paritov@mail.ru

Abstract. Readers' attention is called to the article of highlander emigrant E.A. Bekovich-Cherkassky «Useful plants of the Caucasus: Forest species», published in émigré magazine «Caucasian Highlander» in 1925, which was available only to the elite of Soviet readers in special depositories. The article retains its actuality, because collating its materials with The Red Book one will learn how rich was the flora and fauna of the Caucasus a century ago, and how much it lost because of human activities. In the comment to the article, the fate of highlander emigrants who survived the painful journey of self-discovery and understanding of the perspectives of their peoples is examined through the prism of the biography of E.A. Bekovich-Cherkassky. Publishing of journals, articles about the place and role of highlanders' intelligentsia in the process of modernization, participation in discussions about the key moments in the history of the highlanders, the Civil war, the prospects of national autonomies became the essence of their lives. The thesis of the Soviet historiography about the absence of the highlanders' intelligentsia before revolution is disavowed. One part of it was destroyed by the Bolsheviks in the Civil war, the remainder – during the period of mass repressions. Thus prerevolutionary national intelligentsia was denied the last historical chance to become the intelligent agent of the Soviet modernization that caused negative effects.

Key words: the Northern Caucasus; civilization; secular education; elite; highlanders' intelligentsia; revolution; modernization; emigration; flora.

Эльмурза Бекович-Черкасский

Полезные растения Кавказа[1]

I

«Ни одна душа на свете не знает этот мир, не только как он этого заслуживает, но даже сколько-нибудь посредственно» - характеризует Кавказ Динник; нет, наверное, другой страны, с более разнообразной и богатой природой, более заслуживающей подробного научного изучения и так мало научно исследованной, чем Кавказ.

И немудрено за все время русского влияния, начавшегося со второй половины XVI столетия (со времени царствования Ивана Грозного) и до присоединения Кавказа к России во второй половине XIX столетия (в 1864г.); с момента присоединения до XX-го века, в обширном крае, площадью в 411.016,4 кв. верст населением свыше 10.260.000 душ, граничащем с тремя морями не было основано ни одного университета и высшего технического учебного заведения. Это обстоятельство играло не маловажную роль в культурно-экономической отсталости Кавказа.

В научном отношении Кавказ наиболее тщательно изучен географически, изучение же остальных сторон его природы находится в зачаточном состоянии. Даже имеющиеся в научной литературе сведения о флоре и фауне Кавказа далеко не исчерпывают вопроса в научном значении слова.

В отношении растительных и животных миров на Кавказе обитают представители различных фито – и зоогеографических областей, к которым присоединяются местные (кавказские, caucasica) формы. Такое чередование и сплетение здесь чрезвычайно разнообразных растительных и животных видов объясняется естественным характером самой страны, как переходной области между материками Европы и Азии, если считать последние два материка одним целым (Евроазия). Таким образом, флора и фауна Кавказа находится в прямой зависимости от его географических, орографических, климатических и почвенных условий.

Зачаточные фитографичские изыскания показали, что флора Кавказа заключает в себе, кроме собственно кавказских, большинство представителей европейской, многие виды азиатской, некоторые виды семейств американской, африканской и австралийской флор, т.е. здесь встречаются представители растительных царств всех частей света.

Изучение огромного царства нисших растительных форм (Sporophyta) мало затронуто. Из высших или семянных растений (Spermaphyta) пока известны только свыше 4000 видов и каждый год открываются новые.

---

[1] *Бекович-Черкасский Э.* Полезные растения Кавказа // Кавказский горец. - 1924. - № 1. - С. 61-64.

В данном описании мы ограничимся лишь указанием на наиболее распространенные на Кавказе экземпляры полезных растений, имеющих в современном хозяйстве огромное торгово-промышленное значение.

Многие из ниженазванных растений на Кавказе встречаются в диком состоянии и далеко не используются надлежащим образом, вследствие отсутствия культурных способов ведения хозяйства, несмотря на то, что все они растут здесь в таком изобилии, что могут быть с успехом культивированы в широких размерах.

Среди полезных растений на первом ряду стоят, конечно хлебные злаки семейства Gramineae из которых, по площади посева на Кавказе главное место занимают виды пшеницы: Triticum avatum, T. Sativum; твердые породы: Triticum durum, T. Polonicum; мягкие породы – T. vulgare, T. Turdidum. Далее следуют: рожь, Secale cereale; просо, Panicum sanquinale P. italicum; ячмень, Hordeum disticum; кукуруза, Zea Mays; овес, Avena sativa и рис, Oruza sativa (Закавказ.). В Закавказьи возделываются еще китайские бобы – соя, Soja hispida, однолетнее растение из семейства бобовых (Leguminosae), несколько похожее на фасоль, с съедобными и богатыми белками семенами, родом из восточной Азии. Культура сои с данных времен очень распространена в Китае, Японии и Манжурии, а в Европе соя появилась в 1892 г.

В составе роскошной и пестрой цветами растительных кавказских лугов и степей встречается множество **кормовых трав**, часть которых здесь культивируется. К ним принадлежат культурные и дикорастущие виды: клевера, Trifolium; клевер красный T. pretense, клевер белый T. repens; люцерна Medicago sativa; эспарцеты Hedysarum Onobrychis, Onobrychis sativa, O. Montanto DC., вики Vicia sativa, V. cracca, V. anguslifolia; тимофеевка Pheum pretense, магар Panicum germanicum, райграссы: лисохвост Alopecurus platensis; A. geniculatus; ежа сборная Doctilis glomerata, овсяница луговая Festuka praetensis, F. ovina, F. rubra, мятлик луговой Poa pratensis, P. annua; колос пахучий Anthoxantium odorafum, пырей Triticum repens; трясунка Briza media; райграссы Lolium perenne, L. italicum; полевица Agrostis alba, A. vulgaris; ледвяца Lotus; чина Lathus; кислые злаки семейства Juncaceae; ожика Luzula; камышь Sciprus; пушица Erioforum; хвощи Equisettum, осока Carex; тмин Carum carvi; тысячелистик Achillea, вшивица Pedicularis; подмаренники Gallium; калужница Cáltha. ковыли Stipa; марьянка Melampurum; канарейники Phalaris; лютики Ranunculus; чечевица Viccia Ervillia и др.

Из **огородных культур** в значительном количестве разводятся различные сорта арбузов Cucumis citrulus, дынь Cucumis Melo, тыкв Cucumis Pepo, огурцов Cucumis sativus, капуста Brassica oleracea, репы Brassica rara, редька Raphanus sativus, хрен Cochraria armoracia, брюква Brassica Napus, баклажаны – томаты Solanum melanogena, перец стручковый Capsicum annum, картофель Solanum tuberosum, морковь Daukus L., петрушка Petroselinum sativum, горох Pisum sativum, фасоль Phascolusvulgaris, помидор Zucopersicum esculentum Mill., салат Lactuca sativa, астрагон Artemisia Dracunculus, крессалат Apium graveolens, бураки Beta vulgaris, шпинат Spinacia, лук Allium Cepa, лук порей Allium porrum, укроп Anethum graveolen, щавель Rumex, чеснок Allium sativum, чабер

Satureia hortensis, базилик или душка Osimum Basilicum L., кинза Coriandum sativum, сельдерей Apium graveolens, мята Mentha и бамия Hibiscus esculentus (Закавказье).

Из травянистых и древесных пород, имеющих важное значение, как **продукты жирных масел**, на Кавказье произрастают и отчасти культивируются: лен Linum usitatimum, хлопчатник Gossipium Indicum, конопла Cannabis, подсолнечник Heliantus L., мак Papaver L., горчица Sinapis alba и S.nigra, гречиха Polygonium L., рапс Brassica campestris, сурепка Barbarea, кунжут Sezanum orientalis, рыжик Muagrum sativum, резеда Reseda, лалеманция Lalemantia Iberica, персики Prunum persicum, абрикос Prunum armenica, орех мелкий Corulus avellana, грецкий орех Igland regia L., клевещина Ricinus communis и др.

Большой промышленный характер носит на Кавказе табаководство. Разводятся сорта: турецкий табак Nicotiana tabacum, персидский табак N. Persica и русская махорка N. rustia.

В Батумском округе Закавказья в последнее время успешно развивалось чайное дело. Чайное дерево Thea, здесь легко акклиматизируется.

В восточном Закавказьи в огромном количестве культивируется солодковое растение – лакричник Glycyrrhiza glabra (10.000 дес.) отправляется в Англию и Америку. Из дикорастущих растений, идущих, на пользу населению, следует отметить листья кустарной черники Vaccinium arctustaphylus, служащие в качестве суррогатов низших сортов чая, потому эта черника носит еще ложное название «кавказского чая»; цветы джонджоли Staphylea colchica идут на салат; ветки и листья самахи Rhus cotinus, употребляется при выделке кож; из стволов волжанки Spiraea делают ручки для плетей, палки, кнутовища и т.п.

Среди полезных растений Кавказа видное место занимают **лекарственные растения**, которые, при должном уходе за ними, могли бы иметь огромное практическое и промышленное значение.

Из этих растений на Кавказе растут изобилии: лакричник, черемица Veratrum, пионы Peonia officinalis, барбарис Berberis, мак – опийный Papaver somniferum, чистотел Chelidonium majus, горчица Sinapis, анютины глазки Viola tricolor, истоды Polygala senega, лен Linus usitatissimus, крушина Rhamus, клевещина, миндаль Amygdalus communis, роза Rosa cetifolia, малина Rubus idaeus, гранатчик Punica granatum, укроп Foeniculus officinale, бузина Sambucus nigra, валерияна Valeriana officinalis, полынь Artenusia absynthium, ромашка Matricaria chamomilla, одуванчик Taraxacum officinale, ясень Fraxinus ornus белена Hyossyamus niger, стручковый перец, табак, коровяк Verascum, шалфей Salvia officinale, мята Menthabpiperita, ревень Pheum, лавр Laurus nobilis, хмель Humulus iupulus, дуб, грецкий орех, конопля, различные орхидные Orchideae, ландыш Convallaria majolis, пырей Nriticum repens, можжевельник Iuniperis communis и казачий можжевельник I. Sabina, мать – мачеха Tusilago farfara, папоротник – орляк Pretis aquiluna, лакмусовая трава Croton tentorium L., лаванда Lavendula vera L., дурман Datura, цикорий Cichorium, шафран Crocus reliculatus, зверобой Hypericum perforatum, белладонна Atropa Belladonna, маслина Olea L., жасмин Jasminum officinalis, череда Bidens L., душица

Origonum vulgare, гравилат Geum coccineum Sibt., крапива Urtica L., плауны Lycopodium clavatum и др.

Благодаря разнохарактерным климатическим и почвенным условиям на Кавказе представляется полная возможность культивации (и культивируется) **множество сортов азиатских и российских садовых плодов**. Перечислить все эти сорта, хотя бы наиболее распространенные в рамках журнальной статьи не предоставляется возможным. Ограничимся только изчислением садовых плодов: виноград Vitis vinifera – (по количеству и в торговом отношении в Закавказье занимает первое место). Сорок наиболее распространенных сортов, описанных в свое время г. Девировым: персики Prunus persica, из многих разновидностей которых следует отметить: а) шафрановые персики, б) «ярма», в) «кярды» и г) «гюлю». Абрикосы Prunum armenica, различаются абрикосы и куряга; абрикосы – лучшие сорта, получаемые от прививки, а куряга – самые нисшие сорта без прививки. Алыча Prunus divaricate. Сливы Prunus domestica. Яблони Pyrus malus. Груши Pyrus communis. Айва Pirus Cydonia. Черешни Prunus avium. Тута или шелковица Morus alba, M. Nigra и M. rubra. Гранатники Punica granatum. Грецкий орех Inglans regia. Мелкий орех Corylus avellana. Миндаль Amygdalus communis. Инжир Ficus carica (обыкновенный). Каштан съедобный Fagus castanea. Фиговое дерево Ficus. Маслины Olea Z. Хурма Diospyrus Zotus. Фисташник Pistacia vera. Пшат Elaeagnus. Барбарис Berberis vulgaris. Крыжовник Ribes glassularie. Смородина Ribes alpium и R. petraeum. Лимоны Cytrus medica. Апельсины и мандарины Cytrus aurantium chinensis, C. dulcis.

Полезные растения Кавказа[1]

(Лесные породы)

II

Лесные породы занимают, главным образом, склоны Кавказского хребта, начиная приблизительно от 2 тыс. до 7-8 тыс. фут. над уровн. моря, над которыми идут заросли кустарников, за последними же, до пределов снегов простираются горные луга: цветочные растения найдены далеко за пределами снегов, на высоте около 13 тыс. футов.

Северный склон Кавказского хребта покрыт лесной растительностью, состоящей, за некоторыми исключениями, из европейских и местных видов. Некогда непроходимые, богатые, густые леса здесь с течением времени постепенно редеют, благодаря хищническому способу пользования ими населением. Из семейства Saliaceae в этих лесах распространены представители родов Salix, ивы, вербы и Populus – тополи. Род Salix насчитывает 160 видов, распространенных по всей поверхности земного шара, из которых для кавказской флоры характерны: Salix capraea L., ива, дерево и кустарник; Salix aurita низкорослый кустарник; S. cinerea L., с мягкими пепельного цвета, пушистыми листьями и ветвями; S. amygdalina весьма распространенная по

[1] *Бекович-Черкасский Э.* Полезные растения Кавказа (Лесные породы) // Кавказский горец. - 1925. - № 2-3. - С. 128-131.

берегам рек и потоков верба; S. fragilis L., отличается мелкими ветками; S. alba L., с шелковато-белого цвета, пушистыми листьями; S. vitellina с длинными тонкими ветвями, желтыми по цвету желтка. S. viminalis L., верба, из которой плетут корзины. Интересен вид S. babylonica, печальная верба, известная своими длинными, свислыми вниз ветками, родом из Персии, откуда в 10 столетии была перенесена в Европу. Сажается в парках и кладбищах, как символ печали. Род Populus, тополей считают 18 видов. Из них у нас распространены: Populus tremyla L., осина; P. alba L., тополь серебристый; P. nigra, осокорь или тополь черный, могучее и высокое дерево, с громадной короной, отличается своим быстрым ростом; P balsamifera, происходит из Сев. Америки, нижние части листьев гладкие, беловатые, с ясно обозначенным жилкованием, почки покрыты пахущим бальзамом, который в некоторых странах добывается и идет в употребление (В Европе и Америке). Важного практического значения тополь не имеет, разве только как декоративное древо, дающее тень и отчасти благодаря своему быстрому и могучему росту, служащее для укрепления границ культурных рассадков и речных берегов. Как строевой и горючий материал тополевое дерево ценится очень низко, лишь в некоторых странах из него делают корыта.

Верба, напротив, приносит много пользы: во всех своих частях содержит вещество «salicin», из-за чего в старину вербовую кору употребляли вместо хинной коры. Главным образом вербы идут на карзиноплетение, образуя длинные тонкие, очень гибкие и необыкновенно крепкие прутья. Употребляются прутья почти всех видов верб, в особенности же S. viminalis, S. purpurea и S. amygdalina.

Роды семейства Betulacea: Carpinus, Ostrya, Corylus, Alnus и Betula имеют на Кавказе многих представителей. Род Carpinus, граб, не особенно высокие деревья или кустарники, с гладкой корой, насчитывает 12 видов по всему северному полушарию. У нас распространены Carpinus duidensis Scop., приличный декоративный кустарник и Carpinus Betulus, дерево и кустарник. Дерево твердое, тяжелое, белого цвета; кустарник отличается тем, что на своих стволах легко выпускает новые побеги, потому представляется полная возможность вырубать эти кустарники без опасения причинить тем опустошение или ущерб лесу. Граб считается хорошим деревом для выделки различных деревянных снарядов и для топлива. Кора граба содержит желтую краску.

Род Ostrya, хмель-граб, отличается от обыкновенного граба плодами.

Род Alnus, ольха, насчитывает 14 видов, географически общераспространенных. На Кавказе часто попадаются Alnus cordifolia Ten., с большими листьями; Alnus glutinosa Willd., черноольха, с черноватой корой, хороша для ограждений и залесования голых мест, в виду того, что довольствуется самой бедной почвой. Древесина красивого апельсинно-красноватого цвета, весьма пригодна для водяных сооружений, так как в воде не скоро портится и приобретает большую твердость. Кроме того годится для плотницких и столярных (вырезных) изделий и, наконец, ольховые угли идут также а приготовление пороха; вид ольхи Alnus incana встречается

преимущественно на высоких горах и северных странах. У нас на Кавказе эта ольха вступает с черноольхой – A. Glutinosa. в интенсивные половые сношения, давая множество переходных форм.

Род Corylus, лещина или орешник, общераспространен в 7 видах. На Кавказе пользуется известностью Corylus Avellana, кустарник, орехи различной величины и формы, с вкусным и масляным ядром (60 % масла). Древесина употребляется на изготовление пороха, рисование и пр.

Род Betula, береза, в 35 видах, географически широко распространен по целой Европе, Сибири, на юге достигает Испании, Италии и далее, а на севере распространяется дальше всех остальных лиственных деревьев. Неприхотливое растение, довольствующееся наихудшей почвой, часто растет на скалах и склонах малых расщелин и балок. На север березовой корой кроют крыши, благодаря ее необыкновенной прочности. В Индии Китае белую кору употребляют вместо писчей бумаги, в России при помощи березового дегтя выделывают кожу, которая вследствие этого приобретает особый запах. Дерево довольно крепкое со стволов и веток делают обручи, дышла, из прутьев – веники и метлы; березовая копоть дает хорошую черную краску, из дерева и коры приготавливаются также различные украшения (табакерки и пр.).

Из семейства Cupuliferae (Fagacea) у нас распространены виды родов: Fagus, Quercus и Gastanea. Род Quercus, дуб, содержит приблизительно около 200 видов, равномерно распространенных по целой Европе и Азии в огромном множестве в Сев. Америке. Солидное место среди Кавказских лесных пород занимают виды: Quercus penduculata Ehrh. (Q. robur L.) дуб летний и Quercus sessilis Ehrh, дуб зимний, оба вида очень похожи друг на друга, различаются гл. обр. по расположению желудей и форме листьев. В наших лесах встречается множество переходных форм, свидетельствующих об обильных половых сношениях обоих видов. В Закавказье растут еще пробковые дубы Quercus suber и Q. occidentalis. Зимний и летний дубы имеют огромное практическое значение, как строевой материал. Дерево крепкое, твердое и очень ценное, идущее на изготовление мебели, различных других деревянных изделий и в особенности незаменимое для водяных построек, т.к. в воде не только не портится, но становится необыкновенно прочным и твердым. Желуди не съедобны, но служат хорошим кормом для свиней.

Род Fagus, бук, в 4 видах распространен в сев. умеренном поясе и японские 2 вида в том же поясе. На Кавказе часто попадается вид F. silvatica, дерево очень твердое, тяжелое, особенно пригодно для бондарного и тележного дела. В садах разводятся: Fagus pyramidalis и F. purpurea с кроваво – красными листьями.

Род Castenea, каштан, насчитывает до 30 видов, в большинстве случаев похожих друг на друга. Из них на Кавказе пользуется известностью Castenea verca, каштан съедобный, высокое, громадного роста дерево, с вкусными плодами.

Род Ulmus, вязь, в 16 видов. У нас распространены виды вяза: Ulmus Montana Wilh, Ulmus effuse Willd и Ulmus grabra Mill. – берест. Красивое

дерево, имеет практическое и декоративние значение. Кора употребляется на выделку кож.

Семейство Inglandaccae считает 4 рода: Ingland, Pterocarya, Carya и Engelhartia, деревья с сильным стволом. В Закавказье в большом количестве растут виды первых двух родов. Для Закавказских лесов характерен вид: Inglans regia L., грецкий орех, вкусными маслеными плодами (50% масла). Дерево ценится очень дорого, как мебельный материал и в большом количестве вывозится из Кавказа за границу. Хорошее дерево дает здесь еще Inglans nigra, черный орех.

Род Pterocarya содержит всего 4 вида, из них 2 в Японии, 1 в Китае и 1 на Кавказе, Персии и Армении. В научной литературе последний (кавказский) вид носит два названия: Prerocarya fraxinifolia Spach и Pterocarya cancasica G. A. Mey. Вопрос, какая из последних трех стран является его родиной, спорный. Несомненно, однако, что он может хорошо произрастать и в центральной Европе, так меня не мало удивил великолепный экземпляр Pterocarya cancasica в ботаническом саду в Праге. Великолепное декоративное и теневое дерево для парков.

Род Platanus cen. Platanaceae, известный с древних времен грекам и римлянам, содержит всего 2 вида: Platanus occidentalis, происходит из Сев. Америки и Platanus orientalis – из южной Европы; последний вид распространен в Закавказье. Великолепные деревья для аллей и парков.

Род Buxus насчитывает 19 видов. В Закавказье в изобилии растет Buxus sempervirens, кавказская пальма или самшит, составляющий вместе с ореховым наплывом ценный продукт этих лесов. Старые стволы B.S. в южной Европе ценятся необычайно дорого, т.к. из них делают музыкальные инструменты (кларнеты, флейты и пр.). Для лесов северного склона Кав. хребта далее характерны: боярышник Crataegus, калина Viburnum Opulus, калина-гордовина Viburnum Lantana, ели Picea vulgaris, Picea orientalis, рябина Sorbus, виды кизила Cornus, свидина Cornus saquinea, тисс Faxus baccata, клен Acer, кавказский горный клен Acer Trautvetteri Medw., различные виды липы Tilia, ясень Traxinus, шишки Mespilus germanica, алыча Prunus divaricata, пихта Abies Normaniana, лиственница Larix decidna, рододендроны Rhododendron caucasicum и т.д.: по паркам и аллеям растут конские каштаны Aesenlus Hyppocastanus L., различные акации Acacia, сирени Syringa и пр.Плоды многих этих древесных пород приносят значительный доход местному населению.

Кроме вышеприведенных древесных растений на южном склоне Кав. хребта появляются множество новых и вечнозеленых форм: каштано-листный дуб, Porrotia persica, Acacia Ilibrisin, Gleditchia caspica, пиния Pinus pipea пирамидальный тополь Popu-us pyramidalis отличается длинной и острой короной; происходит из берегов Миссисипи Сев. Америки, откуда был перенесен сначала в Италию, после чего появился в Азии, у нас на Кавказе и в остальной Европе; лавровишня Prunus Laurocerasus, приморская сосна Pinus maritime, падуб Ilex, каштаны Fagus castanea, лавр Laurus; Род Laurus состоит только из двух видов: Laurus nobilis и L. Canariensis Webb, последний обитает на Канарских островах и Мадейре. На Кавказе, как и в южной Европе, Малой

Азии и Аравии, живет первый вид. Вопрос о родине лавра спорный, но не подлежит сомнению, что лавр жил еще перед ледовым периодом в Европе, листья и плоды употребляются в медицине, кроме известного употребления листьев в пищевых продуктах. Огромное значение имел лавр в древнее время: в старой Греции он был посвящен Аполлону: служил в качестве декорации во время празднеств. Из Греции культура его дошла до Рима. Римские цезари надевали на головы лавровые венки; ими украшались победители на знаменитых олимпийских играх. Лавру в старину присуждали также пророческую силу: Пифия при своих вещаниях пользовалась лавром: цезарь Тиберий во время бури покрывал голову лавровым венком, желая таким способом отстранить от себя удары грома.

В заключение мы можем сказать, что многие американские, австралийские, японские, китайские и др. растения, как, например, бамбук Bambuca, эвкалипты Euclyptus Herit, юкки Iucca L., камелии Camelia, магнолии Magnolia, пробковый дуб Quercus suber, чайное дерево Thea и разнообразные хвойные Coniferae на Кавказе совершенно акклиматизировались.

ПЕРСОНАЛИИ

Д.В. ШАБАЕВ – ИСТОРИК И АРХИВИСТ (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Ю.И. Мурзаханов

Давид Викторович (Авигадулович) Шабаев – известный историк-архивист, публицист, поэт, композитор, родился 20 сентября 1922 г. в г. Нальчике в семье ремесленника, мастера по пошиву кавказской одежды. После окончания средней школы №2 в 1939 г. поступил и Ташкентское театральное училище им. Лахути, но окончить училище ему не удалось: с началом войны добровольцем ушел на фронт (к этому времени Давид перешел на третий курс). Еще до начала войны, в 1940 г. вступил в ряды ВЛКСМ.

Д.В. Шабаев принимал активное участие в Великой Отечественной войне, воевал в звании младшего лейтенанта, командовал взводом в составе 220 стрелкового полка 4-ой стрелковой Ордена Суворова дивизии. Участвовал в сражениях на Сталинградском фронте и Курской дуге.

Вот как вспоминал Давид Викторович о нелегких фронтовых буднях: «Под Сталинградом наш полк участвовал в окружении фашистской армии Паулюса и в ее разгроме. На Курской дуге я воевал севернее Орла. Бои были тяжелые. Много храбрых солдат нашего батальона погибло, ломая оборону противника. Тяжелый бой разыгрался на подступах к г. Орлу. Шесть танковых атак в один день были отбиты нашими воинами. В моем взводе из 22 человек осталось в живых только десять. Но враг был сломлен, хотя и яростно сопротивлялся» [16].

30 июля 1943 г. Давид был легко ранен в штыковой атаке, а 2 августа, за три дня за освобождение Орла, получил тяжелое ранение и отправлен в госпиталь. Впоследствии попал в эвакогоспиталь № 934 в г. Иркутске, где находился почти девять месяцев. Был признан инвалидом второй группы.

После выписки из госпиталя в апреле 1944 г. Давид Викторович был комиссован. В «Справке о ранении», выданной Давиду по отбытии в Нальчик начальником госпиталя майором медицинской службы Павловым, отмечалась особая тяжесть ранения «разрывной пулей в левую голень с повреждением большеберцовой кости». Стоял вопрос об ампутации левой ноги, но врачам удалось избежать худшего.

Тяжелая рана, полученная на фронте, преследовала Д.В. Шабаева всю последующую жизнь. В одном из стихотворений, написанных им спустя несколько десятилетий после войны, есть такие строчки: Бывает ночью не до сна / Когда все спят ночной порой / Вдруг боль пронзит – кричи и вой / Во мне еще живет война / Немецкой пуле разрывной… [16].

За мужество и храбрость, проявленные в боях с немецко-фашистскими оккупантами, Давид Викторович Шабаев был награжден орденом Красной звезды, орденом Отечественной войны второй степени, орденом Отечественной

войны первой степени, медалью «За отвагу», медалью «За победу над Германией», другими боевыми наградами, юбилейными медалями, среди которых и медаль Г.К.Жукова (1986). Как активный участник второй мировой войны, имел награды Государства Израиль, в том числе и медаль «Борец с нацистами», особо почитаемую фронтовиками.

В 1945-1949 гг. Д.В. Шабаев обучался в Московском государственном историко-архивном институте Министерства внутренних дел СССР (архивная служба входила тогда в структуру МВД). На всю жизнь запомнил Давид своих замечательных педагогов – В.В. Максакова, Л.В. Черепнина. Е.М. Тельман, Н.В. Устюгова, В.Е. Иллерицкого, И.Л. Маяковского, В.К. Яцунского, В.К. Никольского, Н.П. Ерошкина, вспоминая их с особой теплотой и любовью.

После окончания Московского государственного историко-архивного института был направлен на работу в МВД Кабардинской АССР. С сентября 1949-го по июнь 1950 года Д.В. Шабаев – научный сотрудник, с июня 1950-го по август 1953-го – старший научный сотрудник, с сентября 1953 года - начальник Архивного отдела МВД КАССР, с февраля 1962 года - начальник Архивного отдела при Совете Министров КБАССР, с 1981 года - начальник Архивного управления при Совете Министров КБАССР. Сорок три года он проработал начальником архивного отдела при Совете Министров Кабардино-Балкарии.

Со дня создания Кабардино-Балкарского государственного университета в 1957 г., по просьбе ректора КБГУ, без отрыва от основной работы, в течение семи лет Давид Викторович преподавал на историко-филологическом факультете архивное дело и вспомогательные исторические дисциплины, приобщал студенческую молодежь к работе с первоисточниками по истории родного края.

Когда Д.В. Шабаев возглавил республиканскую архивную службу, в ее штате не было ни одного сотрудника со средним образованием. Центральный государственный архив размещался в старом одноэтажном здании из самана с печным отоплением. Архивные документы находились в вязках, размещались на деревянных стеллажах и лежали на цементном полу. В ЦГА всего числилось по старым описям 45 тыс. дел. Из пятнадцати районов лишь в трех имелись государственные архивы. В целях обеспечения сохранности документов ЦГА в 1959 г. Д.В. Шабаеву удалось на средства МВД СССР построить по типовому проекту специальное здание под архив на 220 тыс. ед. хранения, первое архивное здание на Северном Кавказе.

При активном содействии Д.В. Шабаева в Центральном госархиве была создана лаборатория по реставрации и микрофильмированию архивных документов. В течение двух лет Давиду Викторовичу удалось создать государственные архивные учреждения во всех районах республики. В 1977 г. по его инициативе и с помощью Главархива РСФСР было построено второе здание ЦГА на 440 тыс. ед. хранения.

Особое внимание Д.В. Шабаев обращал на воспитание кадров архивной службы. Во второй половине 1950-х годов в архивный отдел МВД и ЦГА были приняты выпускники исторического факультета Кабардино-Балкарского

пединститута. Двое из них – В.И. Горбатовская и Т.И. Полумесная, заочно окончили МГИАИ, а еще четыре сотрудника с высшим историческим образованием окончили годичные курсы при МГИАИ. При архивном отделе были открыты курсы по подготовке специалистов среднего звена для районных и ведомственных архивов.

Фактически Д.В. Шабаевым была впервые в республике создана стройная система архивной службы. Этому в немалой степени способствовало постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по обеспечению сохранности архивных документов в Кабардино-Балкарской АССР», принятое в 1957 г. С 1959 г. в ЦГА стали приниматься фотодокументы во вновь образованый фотоотдел.

Д.В. Шабаев практически сразу после того, как возглавил республиканскую архивную службу, предпринимал активные шаги для создания в Госархиве отдела, где были бы аккумулированы личные фонды видных деятелей литературы, искусства и науки; такой отдел был создан в 1961 г. На государственное хранение в числе первых были приняты фонды первого ректора доктора исторических наук Х.М. Бербекова, народного поэта Кабардино-Балкарии Кайсына Кулиева, писателя и ученого А.Т. Шортанова, писателя М.М. Киреева, ученого-селекционера И.П. Ковтуненко, композиторов Т.Х. Шейблера, А.Г. Шахгалдяна, Н.С. Османова и др.

К числу инициатив Д. Шабаева, которые были поддержаны Главархивом РСФСР, можно отнести работу по созданию коллекции документов участников Великой Отечественной войны.

Архивная служба республики в 1950-80 гг. подготовила и издала ряд методических пособий, два путеводителя по Центральному государственному архиву КБР. Большую работу проводили архивисты по пропаганде архивных документов. Было подготовлено и издано более десяти сборников документов по истории Кабардино-Балкарии, опубликовано большое количество статей и очерков как на русском, так и на кабардинском и балкарском языках.

В юбилейном издании, посвященном 80-летию архивной службы КБР, особо подчеркивается, что Д.В. Шабаев за период своей деятельности уделял немало внимания обеспечению сохранности ценнейших документов по истории Кабардино-Балкарии XIX-XX веков, созданию справочного аппарата к фондам и широкому использованию материалов в агитационно-пропагандистских, научных и народно-хозяйственных целях. При активном участии Д.В. Шабаева в короткий срок возведены два новых здания Центрального госархива. Вместительные хранилища на десятки лет вперед обеспечили бесперебойный прием документов из ведомств и райгорархивов. Ежегодно им готовились проекты постановлений Совета Министров КБАССР о состоянии делопроизводства и хранения документации в различных отраслевых системах республики. Серьезное внимание он уделял собиранию документов.не только общего делопроизводства, но и личного происхождения. Большое значение имела, например, организация в 80-е годы анкетирования участников Великой Отечественной войны. Анкеты специально разработанной формы при содействии Совета ветеранов были направлены более чем в шесть тысяч

адресов, полученные ответы заметно пополнили коллекцию документов ЦГА об участниках войны.

Д.В. Шабаев поощрял усилия в сфере использования и пропаганды ретроспективной информации. Немало им сделано и в области археографии. Когда была снята часть ограничений на документы 1917-1921 годов, Д.В. Шабаев включился в интенсивную работу по выявлению сведений и подготовке биографических очерков активных участников событий. Знание сохранившейся документальной базы и владение публикаторской техникой помогли ему внести свой вклад в исследование вопросов истории революции, Гражданской и Великой Отечественной войн [1, с. 51-52].

Коллектив архивистов Кабардино-Балкарии занимал классные места в соревновании по обеспечению сохранности и использованию архивного фонда республики среди 78 коллективов Российской Федерации. Так, например, в 1985 г. труд архивистов республики был отмечем Почетной грамотой Главархива РСФСР и денежной премией, а в 1987 г. коллективу было присуждено второе место во Всероссийском социалистическом соревновании 1986 г. и он был награжден Почетной грамотой и отмечен денежной премией.

Как крупный специалист архивного дела, Д.В. Шабаев в составе делегации СССР участвовал в работе 7-го Международного конгресса архивов (Москва, 1972 год).

По словам Д.В. Шабаева свою основную задачу он видел не только в обеспечении сохранности архивных документов, но и в создании условий для повседневной нормальной работы всех звеньев архивной службы республики, а также исследователей. Научно-публикаторская работа являлась для него задачей номер два» [16].

Д.В. Шабаев являлся главным составителем ряда документальных сборников: «За власть Советов в Кабарде и Балкарии», «Революционные комитеты Кабардино-Балкарии и их деятельность по восстановлению и упрочению советской власти и организации, социалистического строительства. Декабрь 1919 г. - июль 1920 г.», «Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны» и др. [3; 4; 5; 7; 8; 10; 15; 17; 18] В качестве ответственного редактора и члена редколлегии принимал участие в подготовке многих сборников документов по истории советской и досоветской эпох. Д.В. Шабаев является автором многочисленных статей и очерков, вошедших в авторские и коллективные сборники: «Они боролись за власть Советов в Кабардино-Балкарии» (совместно с У.А. Улиговым) [20], «Боевая слава Кабардино-Балкарии», «Золотые звезды Кабардино-Балкарии», «Точка отсчета», «Чекисты Кабардино-Балкарии», «Я жил на этой земле» (посвящен Кайсыну Кулиеву) и др.

В 1971 году вышла книга Д.В. Шабаева «Дорогой наш Ленин», в которой отражены исторические события в жизни народов Кабардино-Балкарии, непосредственно связанные с В.И. Лениным и его именем [23]. Им написаны книги документально-художественного характера: «Пока бьется сердце», «Побег» (о малоизвестных и неизвестных героях Гражданской войны в Кабардино-Балкарии) [26], «Правда о выселении балкарцев» [28] и др.,

опубликовано большое количество его статей и очерков в периодической печати.

В общей сложности, Д.В. Шабаев издал двенадцать научно-популярных книг и сборников архивных документов по истории народов Северного Кавказа, опубликовал более 200 статей и очерков по истории народов Кабардино-Балкарии. Д.В. Шабаев принимал активное участие в подготовке к печати «Книги памяти КБР» в 5 томах [11].

Указом Президиума Верховного Совета КБАССР от 5 июля 1979 г. Д.В. Шабаеву было присвоено звание заслуженного работника культуры Кабардино-Балкарской АССР.

Давид Шабаев является автором шести поэтических сборников, которые были изданы в Нальчике, Москве и Израиле; как композитор-мелодист создал большое количество песен и романсов на собственные стихи. Первые публикации его стихов пришлись на военное время, а с 1946 г. стихи Давида Шабаева постоянно публиковались в центральной и местной печати. В 1948 г. два стихотворения «Маршевые роты» и «Памятник» по рекомендации члена редколлегии журнала «Юность» Е. Долматовского были опубликованы в этом журнале.

В 1995 г. вышел первый сборник стихов Давида Шабаева. «Когда я думаю о вас». В него вошли стихи разных лет: лирика, стихи, посвящённые героям войны, родной Кабардино-Балкарии, тексты некоторых авторских песен, юмористические и сатирические миниатюры [24].

По своей натуре Давид Шабаев – лирик. Эту грань человеческой души раскрывают публикуемые в сборнике стихи, посвященные женщине. Они полны тонкого лиризма, пронизаны вдохновенным светлым чувством, возвышающим человека. Стихотворения Давида Шабаева – это не просто поэтическая летопись событий и явлений. Это раздумья о жизни, о назначении человека в ней, мысли и переживания самого поэта, за плечами которого большая и сложная жизнь [13].

В 1957 году, в дни празднования 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России, в Москве проходила «Декада литературы и искусства Кабардино-Балкарии». Песня «Кабарда», написанная к Декаде, имела такой большой успех, что Всесоюзная фирма «Мелодия» даже выпустила пластинку с записью песни; автором музыки и стихов был Давид Шабаев.

В 2001 г. по семейным обстоятельствам Давид Викторович был вынужден уехать на постоянное место жительства в Израиль. Д.В. Шабаев много и плодотворно печатался в русскоязычных газетах и журналах, здесь увидели свет его последние поэтические книги: «Тетя Хая и Маркс» (2008) и «Святая земля, шалом» (2008).

Д.В. Шабаев активно участвовал в общественно-политической жизни Израиля. Так, в 2003 г. он был включен в список кандидатов городского совета от русскоязычной общины города Нетивота при поддержке партии «Наш дом Израиль».

В Израиле с особым уважением относятся к ветеранам второй мировой войны. В мае 2005 г. Давиду Викторовичу в торжественной обстановке было

вручено удостоверение ветерана от имени президента Всемирного Конгресса русскоязычного еврейства М. Шнеерсона, в котором говорилось: «В ознаменование 60-летия победы над фашистской Германией, примите нашу глубокую благодарность и искреннее признание Вашего вклада в дело Великой Победы».

Галина Шабаева, супруга Давида Викторовича, вспоминает, что несмотря на не прекращавшуюся творческую деятельность, насыщенную общественно-политическую жизнь, его не покидала ностальгия, и он со слезами на глазах вспоминал любимый Нальчик, родную Кабардино-Балкарию, своих многочисленных друзей и коллег. «Как без Кавказа проживешь? / Хоть дух твой, знаю я, железный / От ностальгии не уйдешь / Она страшней любой болезни».

Д.В. Шабаев прожил красивую и достойную жизнь. Это была личность яркая, неповторимая, человек безупречной культуры и чести, настоящий профессионал своего дела. Коллеги и друзья Давида Викторовича, вспоминают о нем с нескрываемым уважением и благодарностью: главной его чертой было уважение к людям, он всегда был внимателен к своим подчиненным, корректен с ними; с хорошим багажом знаний, в высшей степени грамотный и интеллигентный человек, удивительно приятный наставник, умел наводить мосты с молодежью, в любой, даже непростой и сложной ситуации, вел себя самым достойным образом.

В 1996 г. Давид Викторович написал пророческие, пронзительные строчки: «Да время жизнь. А жизнь не остановишь / Взгляни на звезды. Ведь они в пути / И каждый день, когда часы заводишь / О времени прошедшем погрусти / Взгрустни о том, что стала жизнь короче / На час, на день, а может быть, на год / Река в теснинах каменных грохочет / Считать года твои не устает / Мы все уйдем, кто громовым раскатом / Кто молнией прорезав ночи тьму / Кто просто тихим солнечным закатом / Не беспокоя душу никому» [16].

Давид Викторович Шабаев скончался 29 июля 2009 г. в Нетивоте (Израиль).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Архивы* Кабардино-Балкарии. - Нальчик: Эль-Фа, 2002. - 216 с.

2. *Б.Э. Калмыков*. Статьи и речи / Сост.: У.А. Улигов, Е.Т. Хакуашев, Д.В. Шабаев. - Нальчик: Книгиздат. 1961. - 151 с.

3. *Документы* по истории Балкарии (40-90-е годы XIX века) / Сост. Е.О. Крикунова. Ред. кол.: С.К. Бабаев, Х.И. Хутуев, Д.В. Шабаев. - Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. – 262 с.

4. *Документы* по истории Балкарии (конец XIX - начало XX в.) / Сост.: Е.О. Крикунова. Ред. кол.: С.К. Бабаев, Х.И. Хутуев, Д.В. Шабаев. - Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1962. – 308 с.

5. *Документы* по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922) / Сост.: Р. Х. Гугов, Л.Б. Татарокова, У.А. Улигов, Д.В. Шабаев. - Нальчик: Эльбрус, 1983. - 800 с.

6. *За власть* Советов в Кабарде и Балкарии: Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образование Кабардино-Балкарской автономной области

(1917-1922) / Сост.: Р.Х. Гугов., У.А. Улигов, Л.Б. Татарокова, Д.В. Шабаев. - Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1957. - 538 с.

7. *Интернациональные* связи трудящихся Кабардино-Балкарии (1923-1985): Сборник документов и материалов / Отв. ред. Д.В. Шабаев. Сост.: В.И. Горбатовская, Л.Б. Татарокова. - Нальчик: Эльбрус, 1987. - 237 с.

8. *История* социалистического соревнования трудящихся Кабардино-Балкарии (1920-1980): Сборник документов и материалов / Отв. ред. Д.В. Шабаев. Сост.: Е.И. Азаматова, Е.З. Блянихова, Г.Р. Джаппуева, Л.Б. Татарокова, Е.С. Тютюнина. - Нальчик: Эльбрус, 1986. - 371 с.

9. *Кабардино-Балкария* в братской семье народов СССР: Материалы в помощь лекторам и пропагандистам / Сост.: Е.З. Блянихова, Е.С. Тютюнина. Ред. Д.В. Шабаев. - Нальчик: Эльбрус, 1982. - 160 с.

10. *Кабардино-Балкария* в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов: Сборник документов и материалов / Сост.: Д.В. Шабаев, Л.Б. Татарокова, Р.А. Ташилова. - Нальчик: Эльбрус, 1975. - 794 с.

11. *Книга Памяти* Кабардино-Балкарской Республики. Кн. 1-5. - Нальчик: Эльбрус, 1995-1999.

12. *Коллективизация* сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927-1937): Документы и материалы / Сост. В.И. Горбатовская, Т.И. Полуместная. Ред. Д.В. Шабаев. - Краснодар: Краснодарское кн. изд. 1972. - 824 с.

13. *Кулиева Ж.К.* Давид Викторович Шабаев // Писатели Кабардино-Балкарии: XIX – конец 80-х гг. XX в. Биобиблиографический словарь. - Нальчик: Эль-Фа, 2003. - С. 386-389.

14. *Культурное* строительство в Кабардино-Балкарии (1918-1941): Сборник документов и материалов. Т. 1-2. / Отв. ред. Х.И. Хутуев. Сост.: В.И. Горбатовская, Л.Б. Татарокова, Д.В. Шабаев (отв. сост.). - Нальчик: Эльбрус, 1980, 1985. - 382 с.

15. *Личный архив* Д.В. Шабаева (Нетивот, Израиль).

16. *Страницы* истории комсомола Кабардино-Балкарии: Документы и материалы (1918–1978 гг.) / А.К. Карачаева, Л.Б. Татарокова, Д.В. Шабаев. Отв. ред. Х.И. Хутуев. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – 520 с.

17. *Революционные комитеты* Кабардино-Балкарии и их деятельность по восстановлению и упрочение Советской власти и организации социалистического строительства. Декабрь 1919 г. – июль 1920 г.: Сборник документов и материалов / Сост. Л.Б. Татарокова, Р.А. Ташилова, А.В. Грудцина. Отв. Ред. Д.В. Шабаев. - Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд., 1968. – 146 с.

18. *Трагические последствия* Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX века: Сборник документов и материалов / Сост: Р.Х. Гугов, Х.А. Касумов, Д.В. Шабаев. - Нальчик. Эль-Фа. 2000. - 464 с.

19. *Улигов У.А., Шабаев Д.В.* За власть Советов: Биографические очерки. - Нальчик: Эльбрус, 1987. -192 с.

20. *Улигов У.А., Шабаев Д.В.* Они боролись за власть Советов в Кабардино-Балкарии: Биографические очерки. - Нальчик: Каб.-Балк кн. изд., 1967. - 220 с.

21. *Центральный государственный* архив Кабардино-Балкарской АССР: Справочник / Сост.: В.И. Горбатовская, О.Д. Румынина. Ред. Д.В. Шабаев. - Нальчик: Эльбрус. 1972. - 146 с.

22. *Шабаев Д.В.* Дарите женщинам цветы. Стихи. - Нальчик: Эль-Фа, 1997. - 253 с.

23. *Шабаев Д.В.* Дорогой наш Ленин: Документальные очерки. 2-е изд., доп. - Нальчик: Эльбрус 1983. - 239 с. (1-ое изд. – 1971 г.).

24. *Шабаев Д.В.* Когда я думаю о Вас. - Нальчик: Эль-Фа, 1995. - 223 с.

25. *Шабаев Д.В.* Моим землякам. Поэтические посвящения. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. - 231 с.

26. *Шабаев Д.В.* Побег: Документально-художественные рассказы. 2-ое изд. - Нальчик: Эльбрус, 1988. - 224 с.

27. *Шабаев Д.В.* Пока бьется сердце: Документально-художественные рассказы. - Нальчик: Эльбрус, 1974. - 200 с.

28. *Шабаев Д.В.* Правда о выселении балкарцев: Документальное повествование. 2-ое изд. - Нальчик: Эльбрус, 1994. - 288 с.

УДК 94(411.16).930.25 DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-157-164

Д.В. ШАБАЕВ – ИСТОРИК И АРХИВИСТ (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Ю.И. МУРЗАХАНОВ

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: murzahanovuirii@mail.ru

Аннотация. Д.В. Шабаев провел большую работу по созданию в Кабардино-Балкарии стройной системы архивной службы. Особое значение Давид Шабаев придавал работе по обеспечению сохранности архивных документов, их обнародованию, принимал активное участие в составлении и подготовке к изданию сборников архивных документов. В течение многих лет Давид Шабаев изучал в крупнейших архивохранилищах страны документальные материалы, содержащие сведения о народах Кабардино-Балкарии, и стремился сделать их достоянием исторической науки. Д.В. Шабаев автор шести книг и более двухсот статей и очерков по истории Кабардино-Балкарии. Обширные знания в области истории, архивного дела и археографии, широкая эрудиция снискали Давиду Шабаеву глубокое уважение среди научной и творческой общественности.

Ключевые слова: Шабаев; архивная служба; документы; Кабардино-Балкария; история.

D.V. SHABAEV – HISTORIAN AND ARCHIVIST (TO THE 95TH BIRTHDAY)

YU.I. MURZAKHANOV

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: murzahanovuirii@mail.ru

Abstract. D.V. Shabaev performed a big work on creation in Kabardino-Balkaria an orderly system of archival service. David Shabaev considered the work to ensure the preservation of archival documents and their publication as most important, took an active part in the preparation of archival collections for publication. For many years David Shabaev studied documentary materials containing information about the peoples of Kabardino-Balkaria in the largest archives in the country, and sought to make them accessible to historical science. D.V. Shabaev is the author of six books and over two hundred articles and essays on the history of Kabardino-Balkaria. His extensive knowledge in the field of history, archives and archeology and great erudition has earned David Shabaev deep respect among the scientific and creative community.

Key words: Shabaev; archival service; documents; Kabardino-Balkaria; history.

Кавказология

Caucasology

№ 2 / 2017

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2017